

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука» • Москва

№ 4 1971 июль — август

Л. В. Черепнин. Грамоты на бересте 3

К 150-ЛЕТИЮ Н. А. НЕКРАСОВА

В. А. Архипов. «...Поэт истинный» 12
М. Ф. Власов. «Я лиру посвятил народу своему» 23
Л. А. Розанова. Точное слово 32
И. А. Новожилов. Пословицы и поговорки в поэме
Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» 41

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

С. Залыгин. Слово о народном слове 50

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. П. Савельева. Искусство и его работники 62
В. Бушин. Богу... лишь богово 68
А. А. Брагина. Есть — кушать — питаться 74
В. Э. Сталтмане. Латвийский или латышский? 79
Л. П. Скворцов. Кто такой абитуриент? 81

УДАРЕНИЕ

В. А. Редькин. О нормах ударения 83
В. С. Спидола 88

ГРАММАТИКА

И. П. Лысакова. Местоимение «этот»	90
П. А. Лекант. Фермы сказуемого	93

ШКОЛА

А. С. Шарков. К. Д. Ушинский о языке и обучении	98
В. Я. Булехов. Учебник родного языка. О формулировках заданий	103
В. М. Панькин. Мы изучаем русский язык	106

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

К. Корсакас. А. Сабальяускас. Балтийские языки	113
Ю. А. Лаучюте. Русские слова балтийского происхождения	121
В. К. Журавлев. Зачем историк русского языка должен изучать балтийские языки?	127

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

В. П. Вомперский. Русская грамматика И. С. Горлинского	130
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

И. Г. Добродомов. Янтарь	138
------------------------------------	-----

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Н. А. Кондрашов, П. Ондрус. Русские слова в словацком литературном языке	143
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	151
Наводные названия рыб	154

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ	156
-------------------------	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	49,97,158
---------------------------------------	-----------

На обложке: Н. А. Некрасов
Гравюра Ю. И. Космынина

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

Вот уже много лет ведет раскопки в Новгороде археологическая экспедиция, возглавляемая одним из крупнейших советских ученых, членом-корреспондентом АН СССР Артемием Владимировичем Арциховским. Материалы, извлеченные экспедицией из-под земли, стали ценнейшим вкладом в науку, чрезвычайно обогатили наши представления о жизни средневекового города. Признанием больших заслуг ученых, посвятивших свои силы изучению новгородских древностей, было присуждение группе исследователей — А. В. Арциховскому, В. И. Борковскому, П. И. Засурскому, Б. А. Колчину, А. Ф. Медведеву, В. Л. Янину за их многолетний труд Государственной премии СССР.

Из материалов раскопок особенно большой интерес представляют письма на бересте (березовой коре) — берестяные грамоты. Их найдено уже свыше 500. Тексты более чем 400 грамот опубликованы и доступны широкому кругу исследователей. Относятся грамоты к XI—XV столетиям, то есть к той эпохе, от которой сохранилось сравнительно мало источников, причем надежды на новые находки в архивах и рукописных собраниях не столь уж велики. Новгородские раскопки открыли новый источник пополнения памятников письменности — подземные залежи. Мы не

знаем, какие нас ждут еще открытия, но археологов воодушевляет здоровый творческий оптимизм, вера в то, что число вновь откопанных грамот будет все возрастать.

Найденные грамоты — разной сохранности. Некоторые из них дошли до нас целком, в неповрежденном виде, и их прочтение не вызывает трудностей. Другие сильно испорчены, порваны. Много просто отрывков, клочков, на которых уцелели лишь отдельные слова или буквы. Но ценность представляют все — ведь перед нами следы далекой старины. Ученые не пришли пока к единому мнению: являются ли найденные берестяные грамоты остатками каких-то архивов (семейных или вотчинных) или это письма, потерявшие для их владельцев ценность и за ненадобностью выброшенные. Думаю, что вернее первое, ибо среди берестяных грамот есть документы, которыми их владельцы не могли не дорожить: духовные (завещания), купчие и другие.

Берестяные грамоты — источник специфический, требующий особой методики изучения. Вместе с открытием этого источника родилась и развивается наука о нем — берестология, за которой большое будущее. Это наука комплексная, и создается она совместными усилиями ученых разных специальностей: археологов, палеографов, лингвистов, источниковедов, историков. Берестяные грамоты изучаются не только советскими, но и зарубежными учеными.

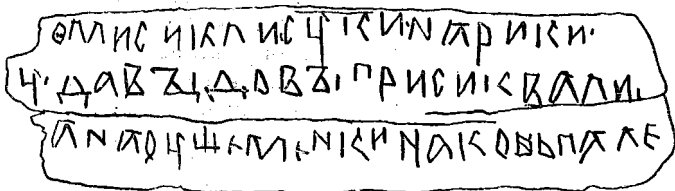
Изучение каждой берестяной грамоты начинается с ее прочтения. Поэтому необходима разработка палеографии текстов на бересте, которая несколько отличается от палеографии других письменных памятников в силу особенностей материала и орудий письма. Это березовая кора, на которой буквы выдавливаются металлическим или костяным инструментом, и пергамен или бумага, на которых пишут чернилами. Палеография важна и для датировки берестяных грамот, причем палеографические данные проверяются стратиграфическими (датировка по ярусам залегания писем в земле). Прочтение и осмысливание текстов требует знания языка того времени: фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. Наконец, историк-источниковед должен дать классификацию берестяных писем, сравнить их с другими письменными источниками, проверить в них фактический материал и использовать для решения тех или иных вопросов исторического прошлого.

В берестяных грамотах мы найдем сведения, касающиеся различных сторон общественной жизни: аграрных отно-

шений, ремесла, торговли, города, государственного аппарата, судоустройства, судопроизводства и проч.

Ценный и до сих пор малоизвестный источник XIII—XV веков — это переписка землевладельцев, донесения приказчиков и ключников господам и распоряжения господ приказчикам и ключникам. Здесь содержатся данные о сельскохозяйственном производстве, о земледельческой технике, о выращиваемых злаках. В одной грамоте (№ 17, XV в.) читаем: «Поклонъ о [т] Михаілі к осподину своему Тимофію. Земля готова, надобъ сѣмяна. Пришли, осподине, ц[е]л[о]в[е]къ спроста, а мы не смнемъ имать ржи безъ твоего слова». Общий смысл письма ясен. Приказчик извещает своего господина о готовности земли к посеву и просит прислать человека, с ведома которого можно было бы взять из наличных запасов семена ржи и начать сеять. Споры вызывает термин *спроста*. Вероятнее всего, он означает 'скорее' (точка зрения Н. А. Мещерского).

Труднее доискаться смысла грамоты № 20 (XIV в.). В начале она несколько повреждена. Сохранившийся текст

ОМЛИСИ КЛИСИ ЧУКИ И РИКИ
Ч. ДАВЪ ЗДАВЪ ЗІ ПРІСИ СВАЛИ
А НА ОУШЕМЕНКИ НА КОНЬ ПАЛЕ

таков: «... о ми сикли суки на рики, у Давыдовы присекивали, а на Оушеменкина конь пале». Поскольку внутри первой сохранившейся буквы *о* имеются две точки или два кружка, Б. А. Рыбаков высказал предположение, что это идеограмма: «очи, очеса». Текст «Оушеменкина» Рыбаков разбил на два слова: *Оушеменки* и предлог *на*. Вся грамоту исследователь перевел так:

Очи мне секли сучья на реке,
У Давыдова присекивали,
А на Ушменке на конь пал.

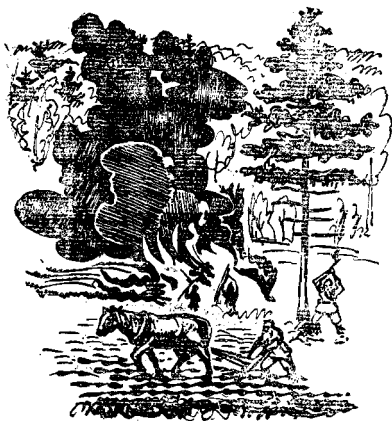
Автор письма, с точки зрения Б. А. Рыбакова, рассказывает, как он бежал берегом реки до деревни Давыдовы, а ветви хлестали его по лицу; на Ушеменке (какое-то географическое название) он вскочил на коня. По мнению ученого, перед нами запись скомороха, в которой якобы чувствуется песенный, полуплясовой ритм.

Я иначе понимаю текст и вижу в нем донесение (возможно, приказчика барину) о расчистке леса под пашню. Письмо начиналось словами *что ми* или *то ми* (левая часть начальной строки оторвалась, сохранилась лишь буква *о*), а дальше автор сообщал, что для него секли лес на какой-то реке, у деревни Давыдовы. «Суками» назывались подсечные уголья, а выражение «суки мы присиквали» означает не то, что сучья хлестали человека по лицу, а то, что землевладельцы вырубали и выжигали лес. Вероятно, надо читать не «на Ушеменки на конь пале» (на Ушеменке вскочил на коня), а «на Ушеменкина конь пале», то есть на каком-то урочище Ушеменкина, где вырубался лес, «пал» (окошел) конь.

Многие берестяные акты (духовные, данные, закладные, судные списки) рисуют поземельные отношения между новгородскими вотчинниками, характеризуют сделки и споры, дают возможность судить о нормах вотчинного права.

Особенный интерес представляют документы на бересте, раскрывающие положение крестьян. Среди них выделяются по своей научной значимости коллективные крестьянские челобитные XIV—XV веков, адресованные господам или их приказчикам и ключникам. Подобные источники этого времени прежде совсем не были известны исследователям. Сейчас их опубликовано 11. Челобитные подавались крестьянами отдельных деревень. В них содержатся жалобы на недостаток семян, рабочего скота: № 361 — «верешъ, [хлебные всходы] позябля, съяти, г[осподи]не, нечего, а ести такоже нечего»; № 353 — «семянъ нѣту нѣ дѣжи [мера сыпучих тел]»; № 242 — «у кого конѣ, а тѣ худѣ, а у нихъ нѣтъ». Крестьяне недовольны притеснениями вотчинной администрации: № 94 — «Биють целомъ крестьяне г[осподи]ну Юрию Онцифоровицю о ключникѣ, зандо [зане, потому что] г[осподи]не, не можемъ ницимъ ему оудобритися [его задобрить]».

Берестяные грамоты пополнили наши сведения о формах эксплуатации крестьян, о крестьянских повинностях — государственных и вотчинных. Перед нами списки плательщиков дани и оброка, внесенных в оклад, или недоимщиков, перечни крестьянских долгов по ссуде. Из грамот видно, что сборы с крестьян в пользу государства или вотчинников производились деньгами («серебром») и натурой (хлебом, рыбой, пушниной). Имеются данные о системе раскладки («разруба») дани среди смердов и о конфликтах, которые возникали между ними и сборщиками.

Некоторые документы уникальны по содержанию. Такова, например, грамота № 136 (XIV в.). Это договор крестьян с феодалом об уплате натурального оброка: «Се доконьцяху Мысловъ дѣтъ Труфале з братьею давати оусповъ 6 коробеи ржи да коробья пшеници, 3 солоду, дару 3 кунници да пудъ меду, дѣтемъ по бѣлки 3 і 3 горсти льну, боранъ, оуновину». А. В. Арциховский предлагает следующий перевод текста: «Вот договорились дети Мысла давать Трифону с братьею оброк, 6 коробей ржи да коробью пшеницы, 3 солода, дар 3 куницы да пуд меда, детям по 3 белки и 3 горсти льна, барана, холстину». По-моему, в этот перевод надо внести некоторые поправки. Трифон с братьею («Труфале з братьею») — это, по-видимому, не землевладельцы, а крестьяне-оброчники (дети Мысла — «Мысловые дети»). Обычно в древнерусских документах указывается не только отчество, но и имя того, кто дает обязательство. Имя же феодала здесь почему-то опущено. 3 белки и 3 горсти льну — это не оброк детям феодала (такой специальной повинности обычно документы не знают), а количество оброка, уплачиваемого каждым из крестьян — Мысловых детей.

От грамоты № 31 (XIV в.) уцелел только конец: «... дину своему много целомъ бью о сиротѣ; тобѣ, осподине, и потомъ приходя куньницею на годъ». А. В. Арциховский читает «а си ротѣ», а не «о сиротѣ» (как предлагает Б. А. Рыбаков) и считает, что речь идет о «роте» — присяге. В этой грамоте А. В. Арциховский видит текст «феодалного обя-

зательства». «Вслед за челобитьем и клятовой в верности идет обязательство вассала приходить раз в год и приносить с собой в виде оброка кунницу ... Вассал, вероятно, был небогатым крестьянином...». По-моему, правильнее видеть в грамоте № 31 не присягу вассала, а челобитье феодалу о «спроте», то есть о крестьянине, поданное или самим «спротою» (если так, то, значит, он говорит о себе в третьем лице), или приказчиком. В словах «и потомъ приходя кунницу на годъ» выражена просьба нормировать ежегодное приношение господину, называемое в источниках «даром» и взимавшееся сверх обычного оброка.

В берестяных грамотах отражены случаи неповиновения крестьян господам, сопротивления их власти. В дефектной берестяной грамоте № 345 (XIV в.) сохранились слова: «...а звало есмь васо в городо, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будить». Общий смысл текста таков: боярин вызвал в Новгород своих крестьян, но они его не послушались, и он грозит отправить за ними специальных приставов. Грамота № 352 (XV в.) представляет собой донесение слуг вотчиннику о непослушании крестьян при обмолоте барского зерна. В грамоте № 252 (XIV в.) читаем: «[снох]у есть у мнь убилѣ, а живото есть у мнь разграбилѣ лѣзни мя въ Плищъ ... і снохою і своїмъ грабьжъмъ поедъмъ в городъ кун...». «Лѣзни», по А. В. Арциховскому, — люди, не имевшие оседлости и постоянных занятий. По-видимому, в приведенном документе речь идет о том, что в местности Плищ бедняки убили сноху какого-то землевладельца и забрали его имущество. Пострадавший собирается ехать в город, очевидно, чтобы добиться судебного расследования по этому делу и возмещения убытков от грабежа.

Наряду с деревней берестяные грамоты характеризуют и город. Из них можно почерпнуть ряд данных о ремесленных профессиях, о технике ремесла, о формах организации ремесленников — артелях и мастерских, о взаимоотношениях производителей и заказчиков. Интересна берестяная грамота № 21 (XV в.), говорящая о женском труде. Начало ее утрачено; в сохранившейся части читаем: «... уозцинку [усчину — холст] выткала, и ты ко мнѣ пришли, а не угодице с кымъ прислать, и ты у себя избѣли». Очевидно, перед нами отрывок переписки двух городских ремесленниц близких профессий — ткачихи и белильщицы.

Богатый материал содержится в берестяных грамотах о торговле, как внутренней, так и внешней. По ним можно

составить список товаров, обращавшихся в Новгороде и Новгородской земле. Это зерно, соль, рыба, тюлень, воск, мед, меха, деревянное (оливковое) масло, веревка, овчина, войлочные холсты, предметы одежды и т. д. Из-за границы поступали соль, кожи, немецкие и английские сукна, бухарские ткани. С рынком были связаны представители различных слоев населения: купцы-профессионалы, феодалы, крестьяне. Торговцы скупали у населения рыбу, пушнину, ткацкую, кожевенную продукцию и приобретали для перепродажи привозные заграничные товары. Береста сохранила расчеты рыботорговцев и мехоторговцев с рыболовами и лесовщиками — поставщиками товара. В некоторых берестяных текстах есть указания на купеческие объединения.

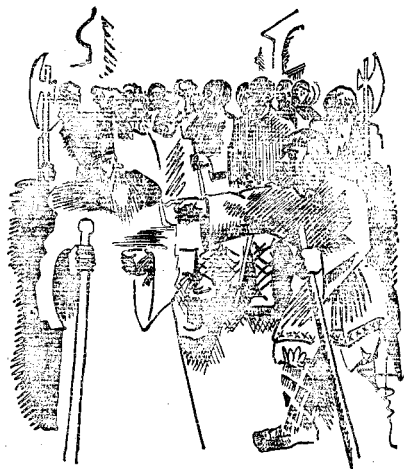
Берестяные грамоты рассказывают о деятельности различных судебных органов — судов княжеского, уличанских (улица — административно-территориальная единица в древнем Новгороде) торгово-ремесленных корпораций. В них отражены тяжбы по делам о кредите и ростовщичестве, судебные споры о наследстве. Такие дела обычно вершились на основе норм, зафиксированных в Русской Правде, Псковской судной грамоте и других древнерусских законодательных памятниках. Берестяные грамоты и показывают преломление этих норм в реальной жизни, они как бы демонстрируют Русскую Правду и другие юридические кодексы в действии.

Вот пример, который дает одна из наиболее ранних грамот — № 246 (XI в.): «От Жировита къ Стоянови. Како ты

оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и вевериць ми не присълеци, то девятое лето. А не присълеци ми полоупяты гривышы, а хоцоу ти выроути въ тя лоуцьшаго новѣгорожянина. Посъли же добръмъ». А. В. Арциховскій переводит текст так: «От Жировита к Стояну. Как ты у меня взял крест и не прислал мне вевериц, уже девятый год. Если не пришлешь мне четыре с половиной гривны, хочу ославить тебя, лучшего новгороджанина (вариант с тем же смыслом: огласить твой долг). Пошли же добромъ». Я иначе понимаю письмо. Выражение «чьстьное дрѣво възъмъ, и вевериць ми не присълеци» означает не то, что Стоян купил у Жировита крест и не заплатил за него деньги, а то, что Жировит дал Стояну деньги взаймы, Стоян поклялся на кресте, что долг вернет, и клятву нарушил. Прошло девять лет, и Жировит напоминает Стояну, что тот его обманул. Это было подсудное дело: по Русской Правде злостный должник обязан был заплатить штраф три гривны. Для того чтобы получить со Стояна долг (четыре с половиной гривны), Жировиту следовало представить свидетелей, ибо по Русской Правде заемные сделки без «послухов» считались законными лишь на сумму не свыше трех гривен. Жировит и грозит Стояну, что уличит его посредством какого-то «лучшего новгороджанина» (новгородца, принадлежавшего к социальным верхам). Маловероятно мнение А. В. Арциховского, что под «лучшим новгороджанином» Жировит имел в виду самого Стояна.

Берестяные грамоты свидетельствуют, что в средние века на Руси была достаточно широко распространена грамотность, причем не только среди бояр, духовенства, купцов, но и среди рядовых горожан. Сохранились азбуки, прописи, календари, литературные тексты на бересте. Большое внимание исследователей привлекли упражнения в письме и рисовании мальчика Онфима (XIII в.).

Привлекая берестяные тексты для характеристики русской средневековой культуры, исследователи обращают особое внимание на грамоту № 271 (XIV в.): «Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса у Ондreja. Оже прода, возми у него грамоту, да пришли ми цтения доброго. Да вести ми прикажи... дее во годе. Оже ти ту не буде овса и...». А. В. Арциховский расставляет знаки препинания иначе: «Укупи ми, кланяюся, овса у Ондreja, оже прода, возми у него грамоту. Да пришли ми цтения доброго». Последнюю фразу он толкует как просьбу выслать интересные книги. «Яков

предоставляет своему другу Максиму самому решить, какое чтение можно назвать добрым, — пишет А. В. Арциховский. — Занимательное чтение давали (если говорить только о дошедших до нас рукописях) некоторые летописи, русские воинские повести, переводные повести и некоторые церковные книги (жития, поучения)». Толкование А. В. Арциховского вызывает сомнения, поскольку все письмо Якова посвящено одному вопросу об овсе, и трудно предположить, чтобы этот текст был искусственно разорван вставкой о занимательном чтении. Очевидно, смысл письма таков: Яков обращается к куму и другу Максиму с просьбой закупить у Андрея овес; в случае, если Андрей согласится продать овес, Яков просит оформить сделку специальной грамотой «чтения доброго» (которую можно было бы легко прочитать).

Я привел лишь некоторые примеры расшифровки текста берестяных грамот. Полный источниковедческий анализ писем на бересте дан в моей книге «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М., 1969). Эту книгу я начал и кончил словами о громадной заслуге А. В. Арциховского и его сотрудников, обогативших науку замечательным источником, которым теперь занимаются ученые всего мира. Мне хочется горячо поздравить лауреатов — великих тружеников науки.

Профессор, доктор исторических наук
Л. В. ЧЕРЕПНИН

К 150-летию
Н. А. Некрасова

«...ПОЭТ ИСТИННЫЙ»

Когда Некрасов в 1845 году прочитал Белинскому свое стихотворение «В дороге», Белинский воскликнул:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!

Слова эти широко известны. Они стали достоянием школьных учебников. Нам остается только обратить внимание на то, что означала эта фраза в устах критика в ту пору. Полагаем, в этом суть дела.

К 1845 году Белинский уже окончательно порвал с «теорией примирения», стал на позиции демократа и революционера. Отныне он выступает под знаменем «отрицания» существовавшего строя, отрицания, «без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото». Пафосом революционной борьбы окрашено каждое выступление Белинского. Его патриотическое чувство остро восприимчиво ко всему социально значимому — к вопросам общественного неравенства, несправедливости, эксплуатации человека человеком. Социальность, социальность или смерть — таков закон всего сущего.

Отсюда, из сферы мучительно терзавших вопросов, — один шаг до идеи социализма. И «гениальный социолог» (так назвал Белинского Плеханов) делает этот шаг. Социализм — альфа и омега современного общества, говорит он, становясь «с веком наравне» в утверждении самых крайних доктрин политики и философии.

Не это ли прочел Белинский в Некрасове? Не эту ли истину несла его поэзия?.. Истинная поэзия?.. Да, это.

Ко времени появления Некрасова на поэтическом поприще русская поэзия, русская поэтическая речь, переживала жестокий кризис. После тяжких утрат и потерь — Пушкин, Лермонтов, Кольцов — она измельчала. Все начинавшееся в ту пору — Фет, Майков — было иных масштабов, форм и пропорций, не ощущало запросов жизни и еле прощупывало пульс ее. Главная тема России, крестьянская тема, не обрела своего поэта, что привело к поэтическому безвременью. Ибо вне этой темы нет поэзии, а есть более или менее складные подделки, которыми и заполнялись «часы досуга» пиитов.

Поэзия ждала своего поэта. Мужик ждал своей поэзии как отклика, как понимания своих запросов и чаяний, своих страданий и бед.

И она грянула. Это были стихи Некрасова.

Сборник стихотворений поэта 1856 года станет событием не только литературы, но и большой политики: на него будет наложен запрет либеральным правительством Александра Второго, сам же автор будет взят под подозрение. И не мудрено: «мрачные» стихи Некрасова, как доносил жандармский осведомитель, «читаются с большой жадностью», Некрасов «сделался ныне любимым поэтом русской молодежи». О сборнике этом Тургенев (совсем не

поклонник музыки Некрасова) сказал меткое и точное слово: собранные воедино стихи Некрасова жгутся.

России нужен был поэт, который бы с красотой Пушкина, силой Лермонтова продолжил живую сторону творчества Кольцова. Это не просто желание. Это запрос времени, требование России, которому отвечала поэзия Некрасова. Поэзия выстраданного чувства и резкой, до конца выношенной мысли. Поэзия самосознания миллионов.

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ,
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет.

Таков характер и такова задача подлинной поэзии, возникшей на столбовой дорожке развития русской литературы как историческая необходимость.

Поэзия Некрасова раскрыла все тайники жизни, сорвала все покровы и облачения с таинств и фетишей, разгадала загадки всех новоявленных сфинксов XIX века и воочию, всенародно, показала их настоящую суть. Перед ее взором пали все драпировки, стерлось все загримированное и напояженное, и жизнь предстала в своей безжизненной наготе, что было неременным условием обновления и изменения жизни.

Конкретно это означало: некрасовская поэзия открыла главного положительного героя своего времени. Искала и нашла его именно там, где он в действительности находился. Среди бунтующих крестьян, в плебейской, демократической среде, увидела его в только что набирающем силы и распрямляющемся разночинце.

Этим она выдержала очень строгий и жестокий экзамен истории. Ведь в ту переходную пору от первого этапа освободительной борьбы ко второму еще многое было неясно. Либерализм, предательство которого впоследствии войдет в поговорку, еще пользовался значительным кредитом в сознании общества, а «революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение». Кто же знал, что «именно они были великими деятелями той эпохи»? Ведь это обнажалось лишь в процессе длительного исторического развития...

Но Некрасов, оказывается, знал об этом уже тогда. В пору, когда самые выдающиеся художники слова подымались лишь до живописания «мертвых душ», а будущее России рисовали в самых общих и неопределенных чертах, в эту пору Некрасов вывел целую фалангу живых героев,

с ярко очерченной индивидуальностью и общими родовыми чертами — неустанностью поиска нового, без чего гложет «нива жизни».

Великая заслуга поэта перед поэзией как поэзией состоит в том, что он, рисуя «новых людей», обрел краски наибольшей выразительности для поэтизации типа и характера, к которому искусство до него почти не притрагивалось. И в этом плане некрасовская поэзия — школа «творящего искусства», возводящего в перл создания только что нарождающееся, пробивающее кору земную, прорастающее.

Некрасовская портретная галерея поистине изумительна. Здесь Белинский, Грановский, Чернышевский, Тарас Шевченко, Добролюбов, Писарев, здесь собирательный образ «народного заступника» и народного посланника, как и героические черты самого народа, пробуждающегося к активному сознательному деянию.

Все это роднит поэзию Некрасова с советской литературой.

Знаменательно следующее совпадение. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в ы с т р а д а л а полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий...».

Нетрудно видеть — здесь названы одна за другой черты людей, в которых наиболее полно воплотилась история нации. Здесь незримо присутствуют Белинский и Чернышевский, Добролюбов и Писарев, как и блестящая плеяда революционеров 70-х годов. Это о их невиданном героизме, энергии и беззаветности исканий говорит Ленин, возводя эти черты в апофеоз, в национальный тип в высшем его развитии. Именно эти черты Некрасов живописал в своем герое. Поэт на лету схватил то, что подтвердила история нации все более и более нарастающим итогом.

Это было подлинным торжеством поэтического гения, его победой. Открыть уже в 50-е годы новый художественный тип, возвести его в перл создания, увидеть во временном (в этом человеке) вечное, непреходящее, показать его воочию, гениально угадать ту роль, которую суждено совершить революционеру-подвижнику в истории родины и народа, — это была подлинная победа поэзии. И политического мышления.

Данное открытие сделало произведения Некрасова школой революционного долга, на них воспитывались на про-

тяжени десятилетий русские революционеры. И среди них — Ленин. Обращаясь десятки и сотни раз в своей публицистике, в своей борьбе за метким словом и образом к русской сатире (Крылов, Грибоедов, Гоголь, Щедрин), Владимир Ильич в поисках положительного начала выделил только Некрасова. Здесь он нашел то единственное слово, которое достойно характеризует гений Энгельса, —

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

(эти слова Некрасова из стихотворения «Памяти Добролюбова» В. И. Ленин поставил эпитафией к своей статье, посвященной памяти Фридриха Энгельса) и слово, определяющее служение большевиков народу в сложных исторических условиях:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Бешеная ненависть буржуазии «часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травмированного, преследуемого», — так Ленин комментирует слова поэта. История сделала некрасовские образы образами непреходящего значения.

Но что характерно в некрасовской обрисовке героя-подвижника. Создавая этот образ, поэт не возвышает его «над»... Над обществом и народом. В героическом революционном подвижничестве поэт видит черты исконно народные. Отсюда и идет перерастание образа народного заступника в образ посланца народного. Даже вахлячина («Кому на Руси жить хорошо»), как ни темна она, выслала своего посланца на верные пути. Политическая прозорливость и активность революционера не исключительность — она отражает активность масс в ее непрерывной возможности. И если века гнета сковали народ по рукам и ногам, вымотали душу народа, то Некрасов все равно верит, что Россия

Вынесет все и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...

Образу революционера-демократа в поэзии Некрасова везде и всюду соответствует (и сопутствует ему) образ революционера, вышедшего непосредственно из народа и всегда находящегося в гуще народных масс. Поэт разглядел это, не поверив «апатическому полусну», в котором

находилась Россия. Он увидел фанатика свободы, нестигаемого Крапильникова; Иону Ляпушкина, звавшего «спасаться», борясь с барами; Игнатия Прохорова, заклинавшего «Все прощает бог, а Иудин грех не прощается»; «непоклончивого» Агапа Петрова и многих, многих других не просто «крестьянских революционеров», а крестьян-революционеров, чья нестигаемая воля в борьбе держит в состоянии вечной готовности и активности революционера-профессионала. Этот переход, переплетение тем народности революционера и народной революции — одно из главных поэтических и политических открытий Некрасова-поэта, Некрасова-социолога, создавшего образ Савелия, богатыря святорусского, как высшее выражение образа революционной России. Образ эпический, почти сказочный и вместе с тем зримо реальный.

Примета времени. Весьма важная. И примета поэзии. Не менее существенная...

А это значит, что Некрасов для торжества русской революции сделал больше, чем любой другой русский поэт XIX века. Творчество Некрасова не только достойное истории русской литературы, но и факт истории русской революции.

Об этом уже писали. Нужно ли повторять?

Полагаю, что нужно. Но из данного факта, хотя бы в связи со 150-летием со дня рождения великого поэта, не пора ли сделать один (непременный) вывод?

Творчество Некрасова относят к так называемому критическому реализму. Оно и понятно: была эпоха критики и отвержения существовавших форм жизни. Критическое направление было истиной литературы. Не случайно Белинский выставил одно из краеугольных положений эстетики реализма той поры: искусство встретилось с действительностью в сатире. Сатира, в которой, по Крылову, никто не хотел себя узнавать (вероятно, в связи с изумительным сходством!) была верным зеркалом действительности. Исключения были весьма редкими и сколько-нибудь заметно не меняли хода литературного процесса. Тему положительного героя, тему революции вел на протяжении полувека романтизм, который зачастую спорил с реализмом.

С появлением Некрасова, некрасовской школы в литературе, некрасовского направления в искусстве, точнее и определеннее говоря, с наступлением некрасовского периода развития русской литературы, пришедшего на

смену гоголевскому, дело существенно меняется. Литературу все более и более начинает вести положительный герой, на наших глазах превращающийся в творчество Некрасова из романтического в реалистического. Это уже не плод желаний и мечты, а факт действительности, становящийся поэтической истиной. Произведения Некрасова в реальности своего содержания выходят за пределы собственно критического реализма. Гоголем Некрасова не измерить, ибо в поэзии Некрасова искусство встретилось с действительностью не в сатире, а в героиде, как сказал бы Александр Бестужев. И реалистический образ некрасовского революционера-подвижника не был «далек» от народа, — он был выходцем из гущи народных масс, что говорило о пробуждении революционного самосознания самих масс. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом (Ленин).

И не только. Сам народ, весь народ, во всех своих «иностасях» становится героем поэзии Некрасова. Сюда переместился центр художественной картины мира. Героем эпоса «Кому на Руси жить хорошо» является не отдельное лицо, не Рудин и не Лаврецкий, а масса, толща народная, схваченная чуткой кистью художника в момент высшей активности своего коллективного «я». Не диво ли — поэт рассказывает, как взбунтовалась вотчина помещика Обрубкова Подтянутой губернии уезда Недыханьева деревня Столбняки! Самый что ни на есть запуганный уголок России (Столбняки!) и тот взбунтовался. Отсюда — неуютность сильных мира того — царя и министров, купцов и чиновников, попов и помещиков. Не сладко им живется, говорит Некрасов, изображая в своем эпосе революционную ситуацию 60-х годов.

А если при этом вспомнить, что Некрасов поэтизировал труд миллионов, стелющих полотно железной дороги и тем прокладывающих дорогу в светлое будущее; что он, благословляя «работу народную», учил уважать мужика; что он бросил клич — святую истину наших дней —

Воля и труд человека
Дивные дивы творят;

что ему принадлежит самое точное пророчество, осуществленное лишь в наше время —

Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою;

что он разработал целостную поэтическую систему — «поэзию труда и борьбы», самую богатую по своему содержанию и самую разнообразную по форме своей; что он создал новую трудовую эстетику и на основе ее новый эстетический идеал («Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет»); что патриотическую тему он ведет как тему революционной героини; что в основе нравственности поэта лежит долг неоплатный перед родной землей («Ты прости, прости, полянушка...»), что в процессе оплаты этого долга вместе с Родиной растет и сам человек, и этот долг и эта оплата есть обретение подлинно человеческого достоинства.

Если (не продолжая перечисления) все это в единстве своем принять в расчет, то мы обязаны будем сказать, что некрасовский период в развитии русской литературы не только непосредственно предшествовал горьковскому, но и предопределял его в существенных элементах. И что путь от Некрасова до Горького, несомненно, меньший, чем путь от Гоголя до Некрасова.

Естественно, что в творчестве Некрасова значительны и критические черты. И они не только значительны, но порою (и зачастую) становятся ведущими. Недаром сочинения поэта открываются «Современной одой», которая на деле является сатирой. Позже Некрасов создаст и сатирическую («современную») «Колыбельную песню» и «Опыт современной баллады» и к концу жизни напишет своих «Современников»... Все это сатира, сатира и еще раз сатира. Сатира на «героев времени» — промотавшихся бар, чиновников-взяточников, промышленных тузов и финансовых воротил... Но эта сатира тем отличается от сатиры донекрасовской, что не только объясняет мир, но и указывает с максимальной приближенностью к истине на ту силу, которая сможет изменить мир. Она становится существенно иной. Критические элементы поэзии Некрасова прямо пропорциональны ее героическому содержанию. Они усилены, активны, действенны. Они истинны. Ибо в поэзии Некрасова есть носитель активно критического начала, что во многом меняет характер и самой критики.

Так героиня, становясь поэтической истиной, меняет все поэтические пропорции. В сатире Некрасова нет юмора прощенья и примкренья. Она мрачна. Она взывает, требует. Она все время возвещает о том, что сейчас, вот

в эту минуту что-то гибнет. Она ставит роковой вопрос во всей его непримиримости: или — или.

Творчество Некрасова выходит за пределы собственно критического реализма. И если о поэзии Некрасова и можно говорить, что это «критический реализм», то, разумеется, не в столь категорической форме и при этом непременно указывая, что она в себе несет существенно новые черты и элементы.

То самое стихотворение «В дороге», в котором Белинский увидел истинную поэзию, замечательно не только своим содержанием — рассказом о трагической судьбе крепостной крестьянки, трагической именно потому, что она на время была поставлена в человеческие условия существования, а затем брошена в ад крепостнического бытия, что и убило ее, — нет, оно поразительно и формой своей, взятой как целое. Это рассказ от лица крепостного крестьянина. Рассказчик одновременно и лирический герой (он говорит о себе) и эпик (он передает историю жизни, не только своей жизни). До Некрасова русская поэзия, повествуя об ужасах крепостничества, говорила «о другом». Некрасовский герой в рамках той же темы рассказывает «о себе самом» (выражение Пушкина). Он и эпик-повествователь, и лирический герой, и главное действующее лицо рассказа. Все это вместе взятое меняло поэтическую форму, обновляло средства изображения.

Основой основ реалистического изображения жизни является метод введения в характер и структуру изображаемой среды. Художник системой образов и деталей должен сразу ввести читателя в суть отношений, которые он рисует, показать масштабы и пропорции изображаемого, сказать ясно, где мы и с кем мы имеем дело. Сам поэт определил это основное правило художественного письма словами: «стиль, отвечающий теме». Стиль выражает и социальную среду и социальный облик художника в их единстве. Этому по сути учил уже Пушкин.

Некрасов в отличие почти от всех своих предшественников смотрел как поэт на все глазами мужика. Точка зрения крестьянина была для него «вечной истиной». Это смещало все. Критерии оценки, психология героя, его речь — новые темы и новая действительность — все требовало новых средств для своего выражения. И Некрасов двинул в поэзию буквально груды и горы новых слов, об-

разов, звуков и красок, без чего его герои (вспомним Маяковского) корчились бы безъязыкие, им нечем было бы кричать и нечем разговаривать. Земля, щедро политая крестьянским потом и кровью, взрастила это новое поэтическое слово. Оно, слово поэзии труда и борьбы, сюда восходит и здесь рождается. Новое отношение героя к земле дало новую предметность и новую поэтическую материализацию его психологии, его душевных движений.

Вот некрасовский портрет пахаря, передающий стойкие элементы его поэтической системы:

...у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный..
Живет — с сохой возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох..

Ясно, в какой среде рождалось это могучее, веское, незабываемое слово. Оно не было случайностью. Повторим: это поэтическая система, всеобъемлющая, рождавшаяся в процессе труда и несущая на себе его неизгладимый отпечаток. Она обновила образ земли, дождя, солнца, облаков, грозы, вызывая особые, свойственные только ей ассоциации и соизмерения:

Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем — дедушкой
Играют облака...

Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов..

Не дождь, там чудо божее:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки..

И нечто завершающее:

У каждого крестьянина
Душа — что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям...

Это не небо, это человек, поднявшийся до небес, это грандиозность человеческих переживаний, это образ гнева — грозы.

Так в великом и малом поэт постоянно возвращает читателя к своему главному герою, к его жизни, быту, привычкам, особенностям мышления, к его вседневному труду. Системой сравнений, метафор и эпитетов поэт непринужденно, легко, свободно и постоянно отовсюду перебрасывает нас в эпицентр поэтического изображения. Мы смотрим на небо — там идут облака — и поэт добавит: «как дойные коровушки»; стоят в цвету вишневые сады — и Некрасов скажет: «как молоком облитые»; мы видим толпу жнецов и жниц — и поэт непременно заметит: «Толпа без красных девушек, что рожь без васильков...». Но вот грянула удалая согласная песня — она

Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

И перед нами в той песне — вся жизнь крестьянина, его мечты, его тоска и бескрайность просторов родных полей. А за этим за всем что-то еще — неведомое, таящееся, но такое знакомое и такое чарующее:

А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Случай представился...

Мне остается сказать, что поэзия труда и борьбы для характеристики работы высокого интеллекта ввела (в качестве наиболее точного) слово «чернорабочий», тем как бы стирая грань между трудом умственным и физическим.

Чернорабочий я, не белоручка,—

говорит о себе у Некрасова Беллинский. Слово это и сейчас шокирует наше застенчивое лицемерие. Но как бы то ни было, это хорошее слово.

Лет десять назад (а вероятно и больше) Александр Твардовский сказал о Некрасове, что это первый русский поэт по влиянию на советскую поэзию.

Мысль — исключительная по глубине и точности выражения. Она означает, что, хотя время Некрасова — время «убогого» прозябания «матушки-Руси» — ушло в невозвратное прошлое, поэт и сейчас живет современной, активной политической жизнью. Он живет и как поэт и как мыслитель. Он «повторился» почти в каждом советском

честве всех поколений. Маяковский и Есенин, Сурков и Прокофьев, Твардовский и Исаковский, Ярослав Смеляков и Василий Федоров, Сергей Смирнов и Сергей Викулов, Владимир Фирсов и Николай Рубцов — равно как совсем молодая поросль, — все они кровно связаны с поэзией Некрасова...

Но коль скоро это так, мы обязаны высказать следующее.

Родоначальником современного русского литературного языка мы все единодушно называем Пушкина. И это так. Но уже Горький рядом с именем Пушкина поставил два других имени — Тургенева и Чехова. В общепhilософском плане это означало: литературный язык — категория развивающаяся. Последние пятьдесят лет были огромным шагом в развитии литературного языка и языка литературы. И они, эти годы, подтвердили, что Некрасов — один из создателей современного русского литературного языка.

Сейчас это несомненно...

*Доктор филологических наук
В. А. АРХИПОВ*

«Я ЛИРУ ПОСВЯТИЛ НАРОДУ СВОЕМУ»

Некрасов как поэт-новатор связан тесными узами с лучшими представителями русской литературы прошлого. Он был прямым продолжателем Пушкина в развитии языка поэзии, в его демократизации и обогащении формами живой речи. Некрасов поднял поэтическую речь на новую ступень, еще более сблизив ее с общенародным языком, расширил и углубил пушкинские реалистические традиции разрушения старой стилистической системы, осуществляя задачу демократизации литературного языка в условиях нового, революционно-демократического периода русского освободительного движения.

Некрасов — певец народа.

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...—

проникновенно говорит поэт в стихотворении «Элегия» об основной теме своей поэзии. Но нельзя было писать о страданиях народа языком, далеким от народного, и поэт-демократ неутомимо стремится к тому, чтобы максимально приблизить поэтическую речь к общенародному русскому языку. Он неизмеримо расширил возможности использования народноречевых запасов, вводя в литературный обиход такие пласты живой речи, которые до него не подвергались поэтической обработке.

Народность некрасовского стихотворного языка поражала современников. Писательница А. Г. Степанова-Бородина оставила такое высказывание о народности его творчества и языка: «Кто из наших поэтов так глубоко почувствовал и понял русский народ, кто искреннее и честнее относится к нему, кто думает его думами, говорит его языком, плачет его кровавыми слезами, кто как не певец родной земли. Ни одна народная книга, написанная со специальной целью поучать народ, не будет ему так понятна, как „Коробейники“ и „Кому на Руси жить хорошо“. А все потому, что каждый крестьянин найдет в них простое, безыскусственное человеческое чувство, переданное характерным и родным ему языком, все потому, что поэт изучал народ наш и знает его, как никто».

Народные элементы языка Некрасова легко обнаруживаются и в лексике, и в фонетике, и в морфологии. Как в речи персонажей, так и в авторском повествовании встречаем диалектные и просторечные слова и выражения, связанные с изображением крестьянского труда, жизни и быта: бородуля — «женщина с бородой», огурешник, сохатый — «старый медведь», корчага, помога — «помощь», мамаша, болтать, пуще, сердечный (в значении существительного), разогнать скуку, дать маху, лясы точить, тянуть ляжку и др.

Нередко используются диалектный или просторечный вариант слова вместо утвердившегося в литературном языке старославянского: середний, череда, одёжа, надёжа, Олёна; разговорное *шн* вместо книжного *чи*: сердешная, зелие кабашное, курение табашное; слова с характерными для народного языка фонетическими особенностями: встрелось — «встретилось», баушка, маненичко,

пролубь, ярмонка, куды, нонче, робятушки; слова с отпадением или наращением звука в начале слова: Катерина, Митрий, Акси́нья, вострая; слова со сдвинутыми ударениями: на́ землю, по́ миру, на́што, не́ люди; прилагательные с ударным (а иногда и безударным) окончанием *ой*: отсталой, санной, тощой, честной, матерой, экой. Изредка в речи персонажей встречается искаженное произношение и написание литературных слов: на варга́не — 'на орга́не', епутат — 'депутат', новорситет — 'университет'.

Отметим также некоторые народные элементы в морфологии. Это диалектные и просторечные приставочные образования, иногда сразу с двумя приставками: проздравлять, сглонуть, понависнула, поразъехались; свойственные фольклорным произведениям уменьшительно-ласкательные формы, которые используются и в тех случаях, когда речь идет о больших предметах, а также в словах, не выражающих сочувствия: «землицы кусочек изрядный», кручинушка, начальничек; собственные имена людей и географические наименования в народной форме: Ванюха, Глашка, Иваныч, Савося, Горелово, Неелово; краткие прилагательные в роли определений: Черно морюшко, красны девушки; глаголы с аффиксом *-ся* вместо редуцированного *-сь*: боролися, скатилася; деепричастия на *-учи, -ючи*: гляючи, знаючи, работаючи; повелительные формы *выдь* и *выди*; склонение частицы *-то*: сам-ат, кончать-ту.

Этот перечень уже сам по себе представляет убедительное свидетельство народности языка и стиля Некрасова. В смелом введении речи народа в поэзию заключается самая яркая черта новаторства поэта-демократа. Однако поэтический язык Некрасова, как уже многими отмечалось, не был каким-то особым, простонародным языком. Это общенародный русский язык со всем богат-

ством его словарного состава, грамматического строя и выразительных средств.

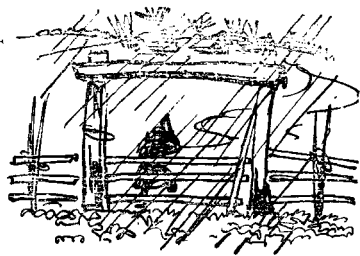
Другая заметная особенность его поэзии, ее называют иногда «прозаичностью», — намеренное сближение стиха с прозой выражается не только в сюжетности стихотворений и поэм, в разговорных интонациях и в сказовой манере повествования, не только в обращении поэта к языку разночинной интеллигенции, к языку журналов и газет как источникам обогащения языка художественных произведений, но и в новом отношении к слову. Некрасов боролся вместе с лучшими представителями реалистической литературы и критики за простоту и общедоступность языка, за смысловую точность слов и образов и выступал против вычурности и напыщенности языка псевдоромантической литературы. Он возвратил слову его конкретное предметно-смысловое значение, которое романтики старались изолировать и подать само звучание слова как самостоятельную эстетическую ценность.

Реалистически изображая окружающую действительность, жизнь угнетенного народа, поэт смело вводил в свои произведения самые простые бытовые слова, которые, с точки зрения эстетов, считались грубыми, «непоэтическими»: парни, девки, мужики, бабы, коровы, куры, поросята, свиньи, балахон, армяк и т. п. Контекстом и ситуацией эстетически оправданными оказываются в стихах Некрасова даже грубопросторечные слова и сочетания, в том числе бранные: глупец, мерзавец, живодер, враль, обжора, жеребец (о человеке), дрянь, подлый, подлые души. В качестве иллюстрации употребления подобного рода лексики достаточно привести следующие стихи:

Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка
С голоду еле жива!

Отрадно видеть...
Что ты, подлец, меня гнетущий.
Сам лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!

В полную силу звучат слова этой речевой стихии в произведениях на городские темы: «На улице», «О погоде», «Извозчик», «В больнице», «Газетная» и др. В них широко представлены многочисленные «прозаизмы» офи-

циально-делового, канцелярско-бюрократического, журнально-газетного и других стилей литературного языка, которые активно пополняли литературный язык в новых общественно-исторических условиях. Вот несколько строчек из сатирической поэмы «Современники», разоблачающей мир дельцов и плутократов:

...Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..

Многие современники Некрасова (Дружинин, Боткин, Тургенев и др.), в особенности представители старой эстетствующей критики, не принимали языковое и стилистическое новаторство поэта революционной демократии. Они обвиняли его в нарушении традиций поэтики 20—30-х годов, называли его поэзию «черствой прозой», лишенной красоты и изящества. Но еще Белинский, в конце жизни которого Некрасов только начинал свой творческий путь, увидел в нем огромный талант и очень высоко отозвался о ряде его первых стихотворений, а верные ученики и последователи великого критика Чернышевский и Добролюбов много раз выражали восхищение поэзией Некрасова, форма которой представлялась им безупречной, высокохудожественной, превосходной.

Народность языка, смысловая точность, конкретность и осязаемость слов и образов, сближение поэтической речи с прозой — вот определяющая направленность поэтического стиля Некрасова. Но его творчество характеризуется большим тематическим и жанровым разнообразием. Здесь и песня, и водевильные куплеты, и обличительные сатиры, и интимная лирика, и ораторские стихи, и произведения, в которых наблюдается сложное переплетение и

слияние разных жанров. И всюду нужна была своя форма, свой «стиль, отвечающий теме». В патетической лирике и в стихотворениях «высокого» торжественного стиля «Родина», «Элегия», «Муза» и др. конкретность была не нужна, прозаизмы были бы неуместны, и, работая над формой этих стихов, поэт с исключительным упорством и тщательностью устраняет все то, что не соответствует их идейно-тематическому и жанровому своеобразию.

Приверженность Некрасова изображению повседневной действительности, полное и совершенное владение лексикой и фразеологией народной речи наложили резкий отпечаток на созданный им высокий слог, который заметно отличается от высокого слога его предшественников. Наряду с торжественной лексикой, типичной для высоких стилей пушкинского времени, поэт использует слова и выражения общепотребительные. Вот характерный отрывок из «Медвежьей охоты»:

Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинуты морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блянье
И жеребьяче гоготанье —
А — ту его! а — ту его!..

Здесь употреблены, с одной стороны, слова, свойственные торжественной лирике: аккорды, оргии, постыдный, торжество, а с другой — грубопросторечные слова и обороты: морды, дурь, жеребьяче гоготанье, междометие «ату» из охотничьего арга, разговорное выражение «в полном смысле слова». Такое смешение разностильных элементов не было чуждо уже Пушкину и Лермонтову, но в поэзии Некрасова оно было усилено. В этом, несомненно, сказывается новаторство Некрасова, обусловленное демократической направленностью его поэтического стиля.

Таким образом, стиль Некрасова не является чем-то неизменным и постоянным, он необычайно сложен, гибок и динамичен, поскольку всецело зависит от идейно-тематического и жанрового своеобразия и богатства всего творчества. Простой, доступный и лаконичный некрасовский стиль впитал в себя все лучшее и ценное из сокровищницы общенародного русского языка в его разновидностях. Не-

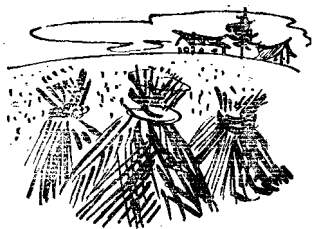

красов не только превосходно знал и мастерски воспроизводил особенности народной речи (разговорно-бытовой и устно-поэтической), но с таким же совершенством передавал речь канцеляристов и чиновников, дельцов и спекулянтов, церковников и любителей карточной игры и т. д.

Некрасов глубоко верил, что в русском языке заложены неисчерпаемые богатства и возможности для ясного и четкого выражения любых человеческих мыслей, и мучительно переживал, когда в процессе творчества не мог найти то единственно возможное, точное и звучное слово, которое было необходимо в конкретном художественном тексте. В письме к Л. Толстому от 5(17) мая 1857 года он писал по этому поводу: «... мне жаль моей мысли, так бедно я поймал ее словом. Изорвать хочется... Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из этого времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого...».

В романе «Тонкий человек» поэт сравнивает работу над словом с очисткой обмолоченного зерна, которое веют; при этом «зерно остается на гумне, а шелуху и пыль уносит ветер». Здесь же автор призывает всех пишущих «веять». И сам он, обращаясь со своей поэзией к демократическим слоям читателей, упорно и неустанно «веет», добываясь максимальной простоты и общедоступности, отчетливости и выразительности формы.

Некрасов ловит всякое неизвестное ему народное словечко, особенно если в нем содержится новый смысловой или стилистический оттенок по сравнению с соответствующим синонимом литературного языка. Он с удовлетворением сообщает в письме Тургеневу, что во время охоты услышал новое слово *паморха*, обозначающее в отличие от *изморози* мелкий летний дождь. Целую художественную

картину природы создает писатель, поэтизируя народное выражение *молодо-зелено*: «Молодо-зелено! Куда рвется душа за этими словами, какой ряд картин проносят они перед ней? Не из тех ли они, которым „без волнения внимать невозможно“? Дай бог чаще и дольше слышать их хоть в насмешливом смысле поговорки! Молодо-зелено! Оглянись кругом — в этих словах вся поэтическая картина весны».

Распространенность того или иного слова в народной речи служила для Некрасова критерием возможности употребления его в поэтическом произведении. Так, разъясняя смысл слова *станица* в стихах из «Несжатой полосы»: «Нас, что ни ночь, разоряют станицы всякой пролетной прожорливой птицы», — Некрасов писал, что употребил это слово потому, что с детства слышал его в народе. Слова *группа*, *партия*, *стая* менее точны и лишили бы выражение того оттенка, который характеризует перелетных птиц, располагающихся станом для отдыха и корма.

Исследователи языка и стиля Некрасова отмечают еще одну особенность поэтической речи Некрасова — стремление к максимальному сжатию фразы: каждый стих или два нередко представляют собой яркое обобщение, мудрое изречение, афоризм или крылатую фразу. Тридцать два крылатых выражения из произведений Некрасова приведены в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» (изд. 2-е. М., 1960). Перечень подобных выражений можно значительно расширить. Это меткие, отточенные по содержанию и форме выражения, характеризующие передовые взгляды поэта и всех революционных демократов, их отношение к явлениям русской действительности, их борьбу, лозунги и призывы; это афоризмы, содержащие острые сатирические оценки нравов дворянско-буржуазного об-

щества, бичующие бесчеловечность дельцов и спекулянтов всех мастей:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Безя и труд человека
Дивные дивы творят!

«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!

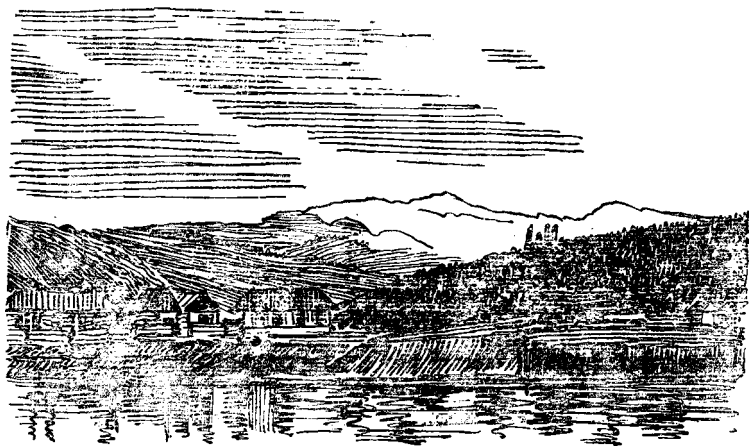
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорот!..

Все они прочно вошли в общенародный русский язык, подобно многочисленным крылатым фразам из произведений Крылова, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и других выдающихся русских писателей. Известно, что Некрасов был в числе любимых поэтов В. И. Ленина, в публицистических статьях и выступлениях которого с новой силой прозвучали многие некрасовские афоризмы.

В творчестве Некрасова отразилось все богатство русского языка, его функционально-стилистические, социальные и исторические расщепления. Произведениям Некрасова в высшей степени присущи органическая связь превосходной художественной формы с идейным содержанием, образность и выразительность, простота и общедоступность слова.

М. Ф. ВЛАСОВ
Пермь

ТОЧНОЕ

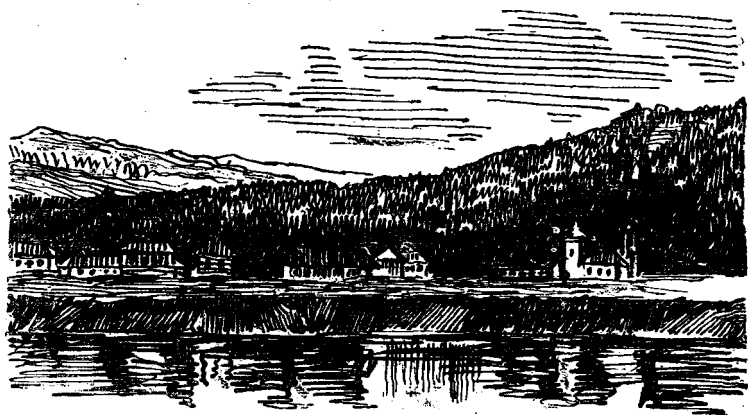
Л. А. Розанова сравнивает записи в черновых рукописях «Княгини Трубецкой», варианты автографа и фрагменты «Княгини М. Н. Волконской», хранящиеся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, варианты наборной рукописи, гранки и листы из «Отечественных записок», чер-

В одной из финальных сцен первой части «Русских женщин» иркутский губернатор, убеждая Трубецкую вернуться, свою настойчивость мотивировал так:

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас—я б молчал.

В первых набросках к поэме была другая запись: «Когда б не княжеская кровь». Эпитет *княжеская* попал в варианты наборной рукописи. При карандашной правке по этим листам появилось изменение: «Когда б не доблестная кровь». Затем возник еще вариант: «Когда б не Чернышовых кровь».

СЛОВО

новую (сводную) рукопись, копию А. А. Буткевич, находящиеся в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме), с изданием поэмы «Русские женщины» в Полном собрании сочинений и писем (т. III. М., 1949) — «каноническим» текстом.

Почему же в конечном итоге Некрасов отдал предпочтение второму варианту? Он мог отказаться от первого или третьего варианта потому, что упоминание о княжеской крови или имени аристократического рода Чернышовых у разных читателей могло вызвать самые противоречивые ассоциации. Но главное, думается, было в другом. Характер Трубецкой был задуман писателем как героический. Он проявился в подвиге «любви бескорыстной» — поездке к мужу-декабристу в Сибирь, на вечное изгнание, в преодолении связанных с этой поездкой препятствий. Эпитет *доблестный* наиболее точно в сравнении с другими передавал авторское представление о необычной женщине.

Не сразу определились фигурирующие в этом разговоре мотивы, опираясь на которые генерал пытался уязвить самолюбие своей неопытной собеседницы. В черновиках стояло:

Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом
С такою красотой...

Местоименный эпитет *такая* (красота) не вызывал конкретных представлений. Более того, отмеченная им особенность физического облика героини не увязывалась с тем подвигом, который самим автором в эпилоге к «Княгине Трубецкой» назывался «высоким и святым». Здесь же поэт посвящал читателя в то, что ему важно было показать светлую душу Трубецкой: «Ее души ничто не утратило». А потому неудивительно, что в окончательной редакции строки из диалога губернатора и отважной женщины заостряют внимание на ее *доверчивой* душе.

Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой.

Работая над второй частью произведения — о жене декабриста Волконского, Некрасов не сразу нашел нужный эпитет для характеристики лица старика Раевского в тот момент, когда он намерен принять крутое решение (проклясть дочь, если она, поехав к мужу в ссылку, не вернется через год назад, в столицу). В первом варианте черновика ИРЛИ записано, что по лицу Раевского «Ходили *угрюмые* тени». Нежелание Раевского согласиться с дочерью диктовалось не только родительскими чувствами. В соответствии с авторской логикой раскрытия характера Волконской оно входило в ряд все нагнетающихся препятствий, которые ей надлежало преодолеть. Думается, в связи с этим предпочтительнее оказался другой эпитет — *зловещие*. Строка «Ходили зловещие тени» вошла и в наборную рукопись (копию А. А. Буткевич) и в «канонический» текст.

На первых стадиях работы в монолог княгини Трубецкой «Благодарю, благодарю...» входили такие слова:

Мне снова жить среди клевет,
Интриг и жалких дел?

Потом вторая строка читалась: «Пустых и жалких дел». Однако жалкие дела могут возникнуть не по злему умыслу, а просто от «мелкости» натуры. Трубецкая в момент монолога пылала ненавистью к царю. При карандашной правке по наборной рукописи в последнюю строку включается эпитет, определяющий во взаимодействии со словом *пустые* общественную никчемность «света»: «Пустых и темных дел?». Эта редакция стала «канонической».

Характеризуя с юности окружавший Трубецкую достаток, Некрасов записал: «Широкий двор, высокий дом». Второй эпитет *высокий* в соседстве с первым *широкий* мог быть воспринят в качестве постоянного и вызвать ассоциации с описанием достатка любого состоятельного человека (как в былинах, народных песнях, сказках). Готовя текст к публикации в «Отечественных записках», поэт заменил всю строку другой: «Дворец с наследственным гербом», резко подчеркивающей социальную принадлежность героини. Но писателю, видимо, не хотелось расстаться с указанием на «высокий дом»: губернатор ведь будет пугать Трубецкую «глубокими рудниками», «хижинами лесными». И появился еще вариант, где эпитет *высокий* сохранен, да и социальный признак не утрачен: «Богатство, блеск! Высокий дом...».

Коридор Петропавловской крепости сначала характеризовался так: «Какой-то тусклый и сырой Пред нею коридор». При первой карандашной правке изменений не возникло. Второе прочтение, сопровождавшееся правкой чернилами, принесло уточнения. Эпитет *тусклый* заменен другим — *длинный*, кроме того, появился еще один эпитет — *подземный*. В результате правки возникает представление не вообще о мало благоустроенном коридоре, а о коридоре тюрьмы-крепости: «Пред нею длинный и сырой Подземный коридор».

Некоторые эпитеты в процессе работы, в ходе неоднократных авторских правок проявили своего рода устойчивость.

От известных нам первых записей до «канонического» текста неизменными прошли эпитеты — *отважная*: «Пленителен образ отважной жены»; *живые*: «... ваших страданий рассказ поймется живыми сердцами» и пр. Возникший в результате применения эпитета *живые* образ «живых сердец» имеет явно метафорический характер. Он близок некрасовскому образу «живой крови», «потока живого и чистого». Однако важно отметить, что в поэме этот метафо-

рический эпитет взят не для характеристики качества поэзии, как было в стихотворении «Праздник жизни — молодости годы», не для описания еще дремлющей родины, как в «Несчастных», а для изображения людей с чуткой совестью, способных понять общественное значение поездки декабристок в Сибирь.

«Упор на устную, живую речь, на стили национального просторечия, на бытовой язык „среднего сословия“, интеллигенции, на профессиональные диалекты и жаргоны города, на формы простонародного языка» — так определял «основу новой системы русского литературного языка», развиваемого реалистической школой (Некрасовым, молодым Достоевским, Салтыковым-Щедринным, Тургеневым и др.), В. В. Виноградов в книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1938).

Жизнь большинства некрасовских героев, принадлежавших к «среднему» и «низшему» сословиям, совпала с порой интенсивного развития капитализма в России, когда власть денег захватывала и город и деревню. Неудивительно, что многие персонажи Некрасова — одни из постоянной бедности, другие из стремления «выйти в люди» или обогатиться — ведут точный подсчет процентов с отданного займа рубля, сроков исполнения чего-либо, своего возраста и т. д.

В конкретно воспринимаемых единицах существуют ход времени, количество действий, длина пути для М. Н. Волконской: «Два месяца я прохворала»; «..сто раз я прочла приговор»; «В три дня я в далекий мой путь собралась»; «В двенадцати только верстах мой Сергей».

Особенно часты числовые обозначения в речи иркутского губернатора, хотя ехать ему никуда не предстоит, хотя никакие материальные стеснения ему не угрожают: «Семь лет служил при нем»; «... будет верст до восьмисот»; «Да-с, восемь месяцев зима там ...»; «Когда стосуточная ночь Повиснет над страной»; «Пять тысяч каторжников там»; «Навряд версты четыре в час Закованный идет»; «Отправится пятьсот, А до нерчинских рудников И трети не дойдет» и т. д. и т. п.

Объективная реальность времени и пространства, необходимость назвать количество лиц, фактов или предметов признается автором-повествователем в «Княгине Трубецкой». Он указывает, как княгиня в своем возке «едет ... одна», как рассчитывается она во время пути: «И сыплет щедрою рукой Червонцы челяди ямской». Он видит, как редки сибирские города: «На триста верст какой-нибудь

Убогий городок»; понимает, как медленно течет время: «Уже два месяца почти Бессменно день и ночь в пути»; и сколь длительными кажутся неожиданно возникшие осложнения: «Пять дней, покуда он хворал, Мучительных прошло, А на шестой...».

Неслучайность появления многих конкретных числовых обозначений подтверждается сопоставлением соответствующих строк вариантов. Более того, можно говорить, что часть таких обозначений обдумывалась, уточнялась, правилась.

Так, в черновой рукописи «Княгини Трубецкой» сначала записано:

Летят стремглав. В девятый день
Едва приехали в Тюмень,
Еще скакали двадцать дней,
«Увидим скоро Енисей»...

Но расстояние от Тюмени до Енисея короче уже преодоленного. В следующей редакции, на той же рукописи, появилось уточнение, вошедшее впоследствии и в «канонический» текст:

Но труден путь! В 20-й день
Едва приехали в Тюмень,
Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей»...

(в «каноническом» тексте набирается слово *двадцатый*).

Несколько раз уточнялся возраст Волконской. В набросках, хранящихся в Гос. Библиотеке имени В. И. Ленина, первое знакомство героини с Пушкиным определялось так: «Тогда уже был мне 15 год». Потом это было исправлено на «шестнадцатый год». В сводной рукописи ИРЛИ указывалось, что замуж Волконская вышла «семнадцати лет». В тексте «Отечественных записок» это заменено более вероятными «осемнадцатую» годами. Подверглось правке определение времени нравственного и общественного прозрения Волконской. Фраза «Я только в последний мучительный год...» стала читаться: «Я только в последний, двадцатый мой год ...».

Описывая, как обстоятельно подготовилась Трубецкая к поездке, в вариантах наборной рукописи «Княгини Трубецкой» Некрасов записал о возке: «Пять лошадей в него впрягли». Такое количество лошадей предполагало езду «гусем», когда животные впрягались одно за другим. Ехать так вряд ли было можно по трудным дорогам Сибири. Там более подходил другой вид упряжки — «цугом» (четыре или шесть лошадей впрягались парами). И Некрасов правит: «Шесть лошадей в него впрягли».

Но почему он берет шесть, а не четыре? Почему в приводившихся выше стихах о приближении к Енисею так легко, в какой-то степени формально переставил он числительные? Почему при этой перестановке в сообщении о «девятом дне пути» появилось совсем новое числительное — *десятый*? Почему при таком несомненном стремлении к достоверности Некрасов просто снял ряд цифровых обозначений? Например в черновых набросках к «Княгине Трубецкой» были такие детали: «Они четыре раза в день сменили лошадей»; «Уже пять раз они в тот день сменили лошадей»; «Да, нелегко в стенах возка Дней сорок провести». На следующих этапах работы они не сохранились.

Для понимания проблематики и стиля поэмы чрезвычайно важно описание событий, происшедших на Сенатской площади. Трубецкая видит их сверху, с башни, но видит не в движении реального времени, а во сне, возвращаясь мысленно к уже совершившемуся, то есть видит в главных линиях:

К Сенатской площади бегут
Несметные толпы...

Стоял уж там Московский полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал...

Приспели новые полки...

Числительное *сотый*, само по себе указывающее на значительное количество лиц или предметов, кажется малой мерой в сравнении с более общими новыми способами обозначения множества участников: Несметные толпы; народ; Московский полк; еще полки; Побольше тысячи солдат (а в вариантах было: «Сошлось 2000 солдат») и т. д. От

разрозненных записей на отдельных листах до публикации в «Отечественных записках» дошла весьма эмоциональная «формула множества», выраженная с помощью сравнения: «Сплошной стеной толпясь кругом, Глядел на них, как гусь на гром, Озябший русский люд». В записях наборной

рукописи представление о множестве собравшихся давалось так: «Картель свистит, ядро ревет, Рядами валится народ». Но это сам же Некрасов вычеркивает при карандашной правке.

Наблюдения над редактированием и «каноническим» текстом этого отрывка основательно подкрепляют связанную и с некоторыми другими из приведенных выше примеров мысль о том, что некрасовская достоверность не равнозначна фактической точности. Отвечая на один из упреков, связанных с нарушением «правды факта» в поэме «Княгиня Трубецкая», Некрасов писал М. С. Волконскому: «... эта неверность чисто внешняя. Для меня важно, чтобы не было неверности существенной».

Интересны случаи, когда сложное представление о времени обобщается с хронологическим. Волконской, ожидающей свидания с заключенным в крепость мужем, «Минуты казались часами». И наоборот: «Нам после годичной разлуки часок Свиданья короток казался». Отношения свои с женихом и мужем Волконская определяет так:

Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала,—
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!

Осуществляемое в сознании персонажей поэмы сужение, раздвижение и даже смещение границ реального времени знакомо и автору-повествователю. В этой связи интересен такой фрагмент авторской речи из «Княгини Трубецкой»:

И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится.

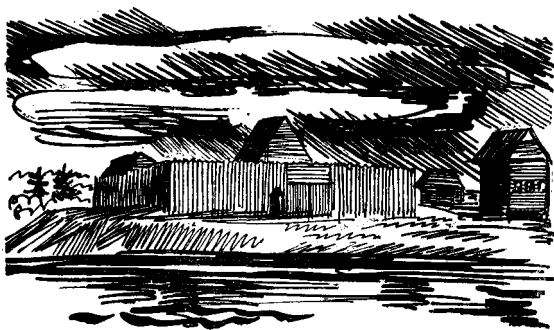
Сначала третья строка читалась иначе: «Другая зала, бал другой». Правка свидетельствует о том, что поэту важно было показать смещение именно времени. Или там же о прогулках по Ватикану:

Отжившим миром окружен
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом.

Следовательно, время, расстояние, количество, которые обозначаются Некрасовым при помощи числительных, не только соответствуют каким-то реальным величинам, но и способствуют осуществлению чисто художественных задач. Это роднит поэзию Некрасова с поэзией Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

Обобщая результат наблюдений, осуществленных в пределах одного цикла поэмы над схарактеризованными выше особенностями, можно утверждать, что точное некрасовское слово — это прежде всего слово художественное. А потому оно по своему значению оказывается в контексте шире, многослойнее разговорного точного слова. Довольно распространенные утверждения о «прозрачности» Некрасова давно уже требуют, на наш взгляд, пересмотра.

Л. А. РОЗАНОВА

ПОСЛОВИЦЫ
И
ПОГОВОРКИ
В ПОЭМЕ
НЕКРАСОВА
«КОМУ
НА РУСИ
ЖИТЬ
ХОРОШО»

Н. А. Некрасов превосходно знал жизнь русского крестьянства, его взгляды и настроения. Глубокая вера в созидательные силы русского народа, искреннее желание помочь «униженным» и «обездоленным» заставляли его писать не только о народе, но и для народа. Именно так была задумана поэма «Кому на Руси жить хорошо», над которой поэт работал с 1863 по 1877 год. Глебу Успенскому Некрасов говорил, что он хотел создать книгу «полезную, понятную народу и правдивую».

Работая над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», поэт широко пользовался языком народной поэзии, знакомил с крестьянским устным творчеством широкие круги русских читателей.

В распоряжении Некрасова были лучшие сборники русского фольклора: «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1861), «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (1855—1864), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым (1861—1867), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (1862—1874), «Причитания Северного края» Е. В. Барсова (1872). К этим сборникам он постоянно обращался в процессе работы над поэмой.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» использовано более ста пятидесяти пословиц и поговорок! Пословицы — это краткие образные изречения, содержащие суждение о каком-

либо жизненном явлении. В. И. Даль утверждал, что пословицы — это «свод народной опытной премудрости и сумудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» (Пословицы русского народа). Некрасов смог проникнуть в психологию крестьянства, взглянуть на окружающий мир его глазами. Пословицы, мастерски включенные в поэтическую ткань поэмы, сохранили свою жанровую сущность, и язык поэмы становится предельно простым, строй речи — предельно четким. Эти стихи прекрасно понимали и крестьяне.

Пословицы обладают признаками стихотворной речи: наличием начальной, внутренней или конечной рифмы, звукописи — аллитерации (повторения одинаковых согласных звуков) и ассонансов (повторения одинаковых гласных звуков). Например пословица «Горох в поле, что девка в доме, кто не пройдет, всяк щипнет» в поэме звучит так: «Горох, что девку красную, кто не пройдет, щипнет». Пословица основана на сравнении: горох — девка. И Некрасов вводит это сравнение в ткань поэмы, но добавляет к слову *девкѣ* постоянный эпитет *красную*, усиливается звукопись посредством согласного звука *р*. Конечная рифма в словах *пройдет* — *щипнет* прочно связывает стихотворную строчку, поэтому она вошла в поэму без изменения. Пословица «Бородка Минина, а совесть глиняна» в поэме читается так:

У Клима совесть глиняна,
А бородача Минина.

Пословица легко и прочно вошла в поэму благодаря наличию точной начальной рифмы: глиняна — Минина. Прочность стиха укрепляется пятикратным повторением гласного звука *и*, для этого в отличие от пословицы Некрасов вводит слово *Клима*, содержащее гласный *и*, и вместо *бородка* употребляет *бородача*. Смысл пословицы раскрывается посредством сопоставления несопоставимых понятий: борода (бородача — в поэме) и совесть. Издавна в народе считается, что старый человек (признак того — борода) должен иметь твердый характер и чистую совесть. Пословица говорит о противоположных душевных качествах нечестного человека. Поэт использует эту пословицу именно в таком смысле.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов употребляет пословицы с острой социальной направленностью,

в которых народ пытается правильно осмыслить существующие общественные противоречия, в которых проявляется враждебное отношение к господствующим классам.

Отвечая на вопрос, каково живется солдатам на Руси, автор дословно использует иронию пословицы «Солдаты шилом бреются, дымом греются». Чтобы не нарушить ритм поэмы, автор дважды употребляет слово *солдаты*, а начальная рифма в словах *бреются — греются* сохраняется и в поэме:

Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются.
Какое счастье тут?

Для раскрытия сатирических образов Некрасов умело использует пословицы-синонимы (имеющие общий смысл, но разно звучащие). Например, характеризуя Оболта-Оболдуева, автор обращается к родословной его семьи (генеалогическому дереву), чтобы использовать пословицы: «От худого дерева — худой и плод»; «От худого семени не жди доброго племени»; «По семени и плод»; «Каков корень, таков и отпрыск»; «Яблочко от яблони недалеко падает». В поэме:

«Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?

Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему.

Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откуда
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»
— А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

В данном отрывке поэт берет из пословиц только отдельные слова *дерево*, *корень*, *яблочко*, но эти стержневые слова несут главную смысловую нагрузку в характерн-

стике Оболта-Оболдуева. Понимают смысл названных слов помещик и крестьяне по-разному. Оболт-Оболдуев гордится древностью своего рода:

Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.

А мужики делают свой вывод: если «корнем», «деревом» Оболта-Оболдуева были прохвост, грабитель и разбойник, то таким же должен быть и сам Оболт-Оболдуев: «Яблочко от яблони недалеко падает».

Поговорки — краткие изречения, не содержащие законченного суждения, например: «У бога небо коптит»; «Как у Христа за пазухой». Они введены в поэму для антитезы (противопоставления), чтобы при ее помощи точно и рельефно обрисовать паразита-«небокопителя» Оболта-Оболдуева, который, рассказывая мужикам о своей жизни, говорит: «коптил я небо божие», а жил «как у Христа за пазухой».

Вековая ненависть народа к помещикам отразилась в древней пословице «Хвали сено в стогу, барина в гробу»:

Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Все лучше, кабы бог его
Прибрал...

Пословица использована Некрасовым с небольшим изменением. Слово *сено* заменено на *траву*, которое внесло дополнительные элементы звукового рисунка цитируемого отрывка: повторение гласных *у* и *а*, повторение согласного *р*. Автор вводит в пословицу союз *а*, это придало изречению неторопливую разговорную интонацию.

Часто материал пословицы служил автору для создания яркой поэтической зарисовки. В народе широко бытовали пословицы о подневольном труде на господ: «Барской работы не переработаешь»; «Крестьянскими мозолями баре сыто живут»; «Живем — не тужим, бар не хуже; они — на охоту, мы — на работу, они — спать, а мы — опять, они выспятся — да за чай, а мы — цепами качай». К названным пословицам тесно примыкает изречение «Знать будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать»:

- В крошечный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!
- Что ж там-то будет, Климушка?
- А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!
(Смеются мужики).

Сатирическое звучание пословицы раскрывается Некрасовым в образе особенной «работы на господ» в аду, где крестьяне будут мучить сами своих угнетателей.

Речь героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» индивидуализирована. В их речевой характеристике пословицы играют немалую роль: они соответствуют психологическому и социальному облику персонажей.

В образе Савелия — «богатыря святорусского» — Некрасов показывает могучие силы, таящиеся в народе, ненависть к кровопийцам-угнетателям, пробуждение революционного самосознания, которое постепенно, хотя в смутных формах, созревало в народных массах.

В разговор Савелия и Матрены о справедливости и правде автор вставляет пословицу «Высоко бог, далеко царь»:

...Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..
«Высоко бог, далеко царь»...

Поэтому мысль о карающей деснице всевышнего, выраженную в известных пословицах «Бог — не Никишка, выведет исподтишка» и «Есть у бога топоры, да лежат до поры», в поэме

Да наши топоры
Лежали — до поры!

поэт заменяет другой мыслью: бороться с насилием и неправдой должны сами крестьяне. Грозно звучат слова «богатыря святорусского». Изменения всего смысла пословицы Некрасов добился введением только одного слова *наши*. Звуковую стройность изречению придает повторение сочетаний *поры*.

Савелий не только мститель за народные страдания, но и крестьянский мудрец, философ. Об этом говорят афоризмы (краткие изречения), по своему характеру приближающиеся к пословицам, созданные Некрасовым и вложенные им в уста Савелия:

Погибшие... пропащие...
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!

Недотерпеть — пропасть!
Перетерпеть — пропасть!

Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!..

Наддай! Наддай! Наддай!

Слова Савелия выражают самые сокровенные чаяния и ожидания народные о счастье и свободе от угнетения. Ведь неслучайно так многозначительно подчеркивает Некрасов заветное словечко *наддай!*

«Наддай!» — сказали страпники
(Им слово полюбилось)

Чертами былинного богатыря наделяет поэт Савелия, который олицетворяет несокрушимую силу и стойкость русского крестьянства:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!
Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

И гнется да не ломится,
Не ломится, не валяется...
Ужли не богатырь?

И хотя богатырь с натуги по грудь в землю ушел и «по лицу его не слезы — кровь течет!», но, как яркая солнечная вспышка, освещает духовную сущность богатыря афоризм «Клейменный, да не раб!». Савелий до конца дней сохранил ненависть к угнетателям и презрение к тем, кто им покорно подчинялся.

Крестьянка Матрена Тимофеевна — один из самых обаятельных образов в поэме. Ее речь отражает богатый житейский ум и робкий протест против невыносимых жиз-

ненных условий. Пословицы, сказанные Матреной Тимофеевной, большей частью носят бытовой характер. Пословица «Бор сожгли, а соловушек по гнездышку плачет» послужила Некрасову для создания яркой поэтической картины:

Зажгло грозой дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?»

.....
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков! Поет — зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась...

Чтобы показать безутешное горе Матрены Тимофеевны, лишившейся своего первенца Демушки, поэт раскрывает содержание пословицы приемом параллелизма (сопоставления двух явлений путем параллельного их изображения), подчеркивая полное сходство страданий матери и очеловеченных страданий птички. Особой эмоциональности в этом отрывке Некрасов достигает при помощи анафоры (повторения одного слова или выражения в начале двух или нескольких смежных фраз, стихов или строф): «горит и стонет дерево, горят и стонут птенчики»; «дотла сгорело дерево, дотла сгорели птенчики»; и эпифоры (повторения одного слова или выражения в конце смежных предложений, стихов, фраз): «поет, рыдает, кружится, так быстро, быстро кружится». Показывая сходство чувств матери и птички, автор применяет олицетворения (художественный прием, когда животные, неодушевленные предметы, явления природы наделяются человеческими чувствами, мыслями, даром речи): «стонет дерево ... стонут птенчики»; «рыдала пташечка, да мертвых не докликалась». Для изображения безмерного горя, растерянности пташечки поэт использует глаголы: поет-зовет, поет, рыдает, кружится. Этим подчеркивается драматизм положения и птички и Матрены Тимофеевны. Пословица «Ты от горя, а горе — за тобой» в поэме переработана так:

Подкралось горе лютое,—
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — сизым соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Мысль о неизбежности и неотвратимости горя для бедного человека, заложенная в пословице, развивается в виде сравнения, изображающего горе в образе летящей птицы, преследующей человека. Чтобы показать вечность горя для бедняка, Некрасов использует антонимы (слова, противоположные по значению): впереди — позади (горе везде); четыре раза употребляет слово *летит*. Энергичный характер звучанию четверостишия придает пропуск главного члена предложения — подлежащего.

Пословица «Рабочий конь — на соломе, а пустопляс — на овсе», в поэме — «Рабочий конь солому ест, А пустопляс — овес», произнесённая Матреной Тимофеевной, показывает, что она глубоко чувствует крестьянскую обездоленность.

Жизнь Матрены Тимофеевны — «многокручинной», «многострадальной» «счастливицы» — наполнена горем и изнурительным трудом. Горестно звучат ее слова о женском счастье:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У бога самого!

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов дал образцы мастерского использования пословиц и поговорок в поэтическом произведении. Введение народных изречений помогало поэту оживить образы, позволило сделать яркие социальные обобщения и действительно провести в крестьянское мировоззрение революционные идеи.

И. А. НОВОЖИЛОВ
Москва

Кто прав?

В толковом Словаре С. И. Ожегова приводится слово *vächter* с ударением на первом слоге, что вызывает недоумение у многих моих товарищей. Удивляются такому произношению этого слова и учителя русского языка (я работаю в школе). На практических занятиях по стилистике (я студент литфака Калининского пединститута) у нас возник спор о произношении этого слова. Прав ли я, произнося слово *vächter* с ударением на первом слоге? Такое же недоумение окружающих вызывает слово *щавель* с ударением на втором слоге.

Б. В. Ветлугин
Ржев

Жюри

Как известно, шипящие *ж*, *ш* в русском языке твердые, чего нельзя сказать об английском и французском языках. Заимствованные в середине XIX века слова *брошюра*, *парашют* (из французского) и *жюри* (из английского) в указанных языках произносятся с мягкими шипящими, что нашло отражение в русском правописании этих слов. Под действием частого употребления *брошюра* и *парашют* целиком ассимилировались в русском языке, включая твердое произношение *ш*.

Английское заимствование *жюри*, употребляясь реже двух указанных слов, сохранило мягкое произношение шипящего, как в языке-источнике.

Вахтёр

Немецкое заимствование *Wächter* «сторож» в современном русском языке употребляется в двух значениях: 1) *вахтёр* — «дежурный сторож на предприятии или в учреждении»; 2) *vächter* — до революции: «старший сторож при учреждении». Во втором значении слово *vächter* устарело. Как видим, сохранив немецкое ударение в одном из значений (устарелом сейчас), слово в другом, действующем значении ассимилировалось с французскими заимствованиями на *-сир* (режиссер, шофер) и приобрело ударение такого типа слов.

Щавель

Нормативное, правильное произношение слова *щавель* с ударением на *е*, не *щавель*.

А. И. Литвиненко

Сергей ЗАЛЫГИН

Слово о народном слове

(О творчестве А. А. Мисюрева)

Очень часто поиск формы раздражает нас, мы говорим: «Автор — формалист». Подразумеваем же под этим некий изыск, изощренность, эстетизм, в конечном счете — отрыв от реального языка, тем более — от языка народного.

Но если от самого народного языка отнять его форму — что от него останется?

Так что не будем пренебрегать изысканной формой в пользу языка народного, «кондового» и наоборот. Ни один язык не существует без формы, и писатель языка народного и даже фольклорист тоже могут оказаться формалистами, да еще какими: кондовость или лубочность — тот же формализм, только в своем роде.

Чувство меры — вот что прокладывает границу между техникой и техницизмом, между формой и формализмом. Всегда и везде — все то же чувство.

Тем любопытнее и поучительнее для писателя, если уж не освоить, так хотя бы познакомиться с произведениями своего собрата, овладевшего формой, которая заключена в фольклоре.

Завидна ведь судьба книг, которые являются предметом исследования для ученого-лингвиста или историка; которые обязательно находят место на книжной полке каждого литератора, ибо обогащают его словарь, развивают в нем чувство слова; которые, наконец, широко читаются «просто так», потому что — интересно!

От редакции: Статья печатается с незначительными сокращениями. Полностью она опубликована в сборнике статей С. Залыгина «Интервью у самого себя». (М., «Советский писатель», 1970).

Таковыми книгами являются многие произведения наших писателей-фольклористов, и странно, что, рассуждая о литературном мастерстве, мы редко обращаемся к их опыту, а ведь они стоят у самых истоков этого мастерства, где-то на стыке между устным народным творчеством и художественной литературой.

Как сибиряку мне в этом плане хотелось бы остановиться на творчестве другого сибиряка — Александра Александровича Мисюрева. И не ради того, чтобы написать рецензию, а чтобы проследить, как фольклористу дается его мастерство и чему нам, беллетристам, как таковым, можно у него поучиться.

Простые слова — «самая великая мудрость, пословицы и песни — всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги», утверждал Максим Горький.

Простые слова — это мечта писателей, но доступны они только тем, кто имеет чуткий слух к народной речи и очень редкостное умение обращаться с народным «первозданным» словесным материалом, не искажая его, не впадая в излишнюю «кондовость», кто не только умеет пользоваться своим знанием этого языка, но умеет еще и не поддаваться искушению продемонстрировать перед читателем все свои знания, весь свой «народный» словарный запас.

Искушение немалое, и не так уж редки произведения фольклористов, в которых прежде всего чувствуется эта

демонстрация, эта страсть коллекционера, собирателя слов, пословиц и поговорок.

Не будучи страстным коллекционером, в фольклорном цехе работать попросту невозможно, но, оставаясь только им, фольклорист никогда не станет писателем.

Однако же писатели-фольклористы, несмотря на эти трудности и искушения, все-таки сумели занять в советской литературе свое собственное, почетное место.

Вслед за Бажовым и одновременно с ним в этом цехе появились и другие имена: на Урале — В. П. Бирюков, на Архангельском Севере — С. Г. Писахов, а в Западной Сибири — Александр Александрович Мисюрев.

Более четверти века тому назад устное народное творчество привлекло его внимание, и с тех пор на этой основе он создал ряд интереснейших и поучительных произведений (см.: «Сибирские сказы, предания, легенды». Новосибирск, 1959; «О злых богачах и народной борьбе». Новосибирск, 1957).

Отличительной чертой творчества Мисюрева является совершенно определенная тематика, конкретные цели, которые он неизменно перед собою ставил.

Это не собиратель фольклора вообще и даже фольклора, свойственного той или иной области или краю в географическом понимании, его нельзя отнести к фольклористам-этнографам; в своем творчестве Мисюрев скорее всего историк и социолог. И конечно — художник.

Он работал в трех основных направлениях: исследуя фольклор горнорабочих сначала Демидовских, а затем Кабинетских рудников и заводов на Алтае, фольклор «ямщины» на бывшем знаменитом тракте, который в Сибири называли Московским, а в европейской части России — Сибирским и печальной памяти Владимиркой, и, наконец, он собирал фольклор, если так можно выразиться, революционный — времен 1905-го, 1917-го и борьбы с колчаковщиной.

Нет и не может быть фольклора без географии и в какой-то мере, вероятно, и без областничества; и все три направления, безусловно, отражают Сибирь: и так называемые «бергальи» — крепостные горнорабочие Кабинета, и трактовая ямщина, и борьба с колчаковщиной — явления специфически сибирские. Но в том-то и дело, что, отнюдь не отрываясь от сибирской почвы, от этнографии, А. А. Мисюрев изучал фольклор не в пределах тех или

иных губерний и уездов, а в границах производственной и социальной деятельности людей.

И если исследования уводили его в Тюмень, к самому Уральскому хребту — это его ничуть не смущало, так же как на Востоке не смущало его то обстоятельство, что здесь он входил на территории, заселенные и татарами, и шорцами, и казаками, и хакасами, и украинцами <...>

Сибирь всегда была интернациональной, причем это не только привело к тому, что русский язык здесь ассимилировался, впитал такое количество инородных слов и выражений, что приобрел какие-то своеобразные «сибирские» наречия, а, наоборот, он здесь окреп в окружении других языков и своих собственных наречий.

Русские пришли в Сибирь как сложившаяся культурная сила, со своим тоже сложившимся языком, который как бы почувствовал себя здесь еще сильнее <...>

Не замыкался здесь язык и в каком-то одном говоре — костромском или вятском, сюда приходили переселенцы из различных европейских губерний, и селяясь в крупные деревни, они вынуждены были вырабатывать общий язык, им же оказывался язык наиболее общепонятный. Если так можно сказать — наиболее русский, правильный <...>

Этот очень правильный народный язык встречаем мы и в книгах А. Мисюрева. Как мало у него «областных» слов и выражений, разве только некоторые производственные термины немецкого происхождения, наличие которых вполне очевидно и которые на разговорный язык не оказывали никакого заметного влияния. Нигде автору не потребовалось расставлять в словах ударения, объяснять смысл пословиц и выражений.

«— А чего ж там, в Кузнецком городе?»

— Острог там велик, на всю Сибирь. И всего много, всяких диковин. Купцы держат лавки с красным товаром — богатейшие купцы, капитальные купцы. У купца Понова дом — семьдесят семь камор, пять каморок, двадцать пять светлиц. И везде — красный товар.

— Но?»

Такой разговор происходит в повести «След беглеца Сороки», и хотя этот язык древний, своеобразный — он ясный, лаконичный.

«— Хозяин! Я к тебе с вестью прибежал, с доброй вестью, а ты псов спускаешь! Меня сколь били — не убили. Скажу весть!» (там же).

В любом историческом произведении, а тем более историческо-фольклорном, существуют два языка — язык героев и язык автора. Они разделены временем, интеллектом, и они же должны составить единую ткань художественного произведения <...>

Разумеется, для этого нужен талант.

Вот начинается рассказ «В Змейных горах»:

«Душный, тревожный август плыл над Змейными горами. Запах гари доносился даже к церкви и горной конторе: горели леса, и не всегда была известна причина тех пожаров, писаря исписали уже добрую стопу синеватой глотной бумаги, но никто не знал причины, а углежоги сказали, что леса горят сами собой, никто их не поджигал.

Ветра не было, люди потели, пахло гарью. Длинные вечерние тени уже вставали на караул, где им полагается стоять, но жара оставалась почти такой же, как днем, ну, думали бергалы, что же это такое?..».

Нет здесь ни архаизмов, ни собственно фольклора, но некоторые детали («писаря исписали уже добрую стопу синеватой плотной бумаги», «ну, думали бергалы ...»), а главное — внутреннее звучание этих двух абзацев ввело нас в повествование историческое, не говоря уже о том, что они создали настроение тревоги, ожидания, какой-то суровости («Длинные вечерние тени уже вставали на караул, где им полагается стоять»).

Так автор ввел нас в историческую обстановку своего произведения.

Ниже он говорит о людях. Это труднее — сказать современным языком о людях прошлого и не вызвать при этом у читателя недоверия: «А имеешь ли ты, автор, право так о людях говорить? Не осовремениваешь ли их, не подделываешься ли к ним — прошлым, непонятным?».

«... бергалов часто бьют, мучают, еда у них плохая, а вот как сойдутся поговорить в свободное время, так все больше про шахту, судят между собой, кто может искуснее сработать, а кто хуже, и все гордятся своей удалью и умением, что и горы — им не горы, и реки — не реки, и леса — не леса. Захотим — своротим гору, реки повернем, как нам вздумается, лес вырубим, а не то — сожжем. Вот мы какие — бергалы, русские работники!».

Здесь — почти современная декларация о трудовых доблестях людей, но все-таки не она, почти былинность, и опять не она. Это художнический такт позволил и там и здесь почувствовать автору «чуть-чуть», избежать про-

счета, вызвать у нас полное доверие, а вместе с доверием и то представление о людях, которому автор сам безраздельно верен <...>

Фольклор как творчество коллективное прочнее и скорее всего складывается прежде всего там, где уже сложился более или менее постоянный, в какой-то мере замкнутый, локальный коллектив.

Язык — продукт самого широкого общения, фольклор — продукт общения более или менее замкнутого в пределах географических, социальных, производственных.

Язык в целом гораздо легче заимствует и перерабатывает иностранные слова, чем фольклор. В фольклор русский не проникают даже слова такого близкого языка, как украинский, и наоборот. Фольклор — более национален, но это не значит, что он более устойчив, так как он не общенационален, он — явление местное и с изменением и утратой тех или иных местных условий изменяется тоже, теряется совсем.

Фольклору, кажется, не чуждо постоянное чувство противопоставления себя тому или иному вмешательству извне — вмешательству иностранному, вмешательству со стороны других, соседних наречий родного языка, вмешательству со стороны социально чуждого класса и сословия. Он — явление в значительной степени цеховое, и крестьянин — я, например, это еще помню — испытывал удовольствие и даже некоторую гордость оттого, что его не понимает человек пришлый, городской. Что он говорит не так, как говорит «барин», помещик и его эксплуататор, не так, как обычный «городской» человек.

Веками язык крестьянина был, помимо всего прочего, еще и признаком его независимости, его самостоятельности, его принадлежности к цеху, а первым признаком того, что уверенность в этой принадлежности у человека поколеблена, было употребление этим человеком «не своих», а «чужих» слов.

И крестьянство создавало фольклор не в силу своего безусловного большинства, а, прежде всего, в силу классовой и цеховой обособленности. Будь оно в меньшинстве — оно все равно создало бы фольклор того же типа, разве только менее богатый и разнообразный. Тем более крестьянство общинное — с собственной психикой, со своим укладом, со своим, если так можно сказать, уставом

повседневного общения, со своим взглядом на историю и философию в целом.

Вот и горнозаводские рабочие дореволюционной, еще крепостной России, хотя они и представляли ничтожное меньшинство, населяя лишь некоторые районы Урала и Сибири, создали собственный, очень интересный фольклор. Именно потому, что их существование протекало в условиях, которые этому созданию соответствовали: рудники — это ведь замкнутые цехи, обособленные географически, социально, по производственным и бытовым признакам. Это были не крестьянские, а все-таки своего рода общины, хотя бы потому, что часть населения рудника занималась еще и сельским хозяйством.

Рудник появился позже пашни, а тем более — позже пастбища, и как замкнутая, обособленная цеховая единица раньше, чем пашня и пастбище, исчез с лица земли, а между тем он-то и создал столь значительный фольклор.

Ведь не создали же его в таком же масштабе производства текстильное или металлургическое?

Не создали. И все по тем же причинам.

Это — производства не обособленные, а городские.

И в городе на фольклор тотчас оказали бы влияние речевые особенности других сословий — мещан, ремесленников, торгового, а также заезжего люда.

Здесь фольклору труднее и сформироваться, и сохраниться в течение продолжительного времени. Обратим внимание на тот факт, что в сказах и Бажова и Мисюрева действие почти никогда не происходит в крупных городах — скажем, в Екатеринбурге или в Барнауле, центрах горнозаводских округов. Гораздо чаще крупные города только упоминаются с определенным уважительным оттенком устами рассказчиков.

Далее, для народного сказа благоприятной и даже необходимой средой является окружающая человека природа, видение и чувствование которой весьма ограничено для жителя города и вполне доступно на рудниках, а тем более для тех людей, которые заняты поисками рудных и других сокровищ в недрах земли.

Опять-таки следует вспомнить, что здесь редкий сказ замыкается в пределах, если так можно сказать, производственного предприятия, в любом из них природа как бы участвует в судьбе героя — и в том случае, когда бергал становится беглецом и скрывается в лесах, обретая имя вольной птицы — Сороки, Селезня, и в том, когда

природа идет бергалу навстречу, щедро раскрывая перед ним россыпи своих богатств, либо упорно скрывает их от него.

Для фольклора необходима романтика, мечта, хотя бы и очень суровая, очень житейская. Природа этой необходимости удовлетворяет и сама по себе, и как среда, в которой подневольный человек становится вольным, способным совершать романтические поступки («захотим — своротим гору, реки повернем, как нам вздумается»), и как обиталище тех сверхъестественных сил, с которыми не идут в сравнение городские «черти» и «домовые», коих вполне устраивают территории чердаков и чуланов.

И вот уже собиратель во всем том, что народ со свойственной ему скромностью и, если так можно выразиться, самокритичностью называет сказкой, а то и присказкой, обнаруживает сущность, тот справедливый суд истории, который она, несмотря ни на что, творит вечно.

Далее, нам кажется, что с точки зрения «фактичности» произведения, построенные на фольклоре, больше всего смыкаются с таким литературным жанром, как очерк.

Очерк обычно утверждает, что события, которым он посвящен, — действительные события, а его герои существуют либо существовали.

Все, о чем говорит Мисюрев, он говорит в том же утверждающем ключе: такие люди были, такие порядки и такой уклад жизни людей были, такие населенные пункты были и есть.

Существует выражение: «Факты говорят сами за себя». И поскольку очерк не склонен к обширным комментариям и психологическим выкладкам, он компенсирует это другим: отбором «говорящих» фактов.

Ему это присуще еще и как жанру отчасти исследовательскому — всякое научное исследование в первую очередь имеет дело с фактами.

А это все, этот ключ утверждения — что именно так и было — в полной мере относится к сказам, в частности и к сказам Мисюрева, причем здесь действительность, реальность материала обусловлена еще и своими особенностями.

Необычность народного слова, его разговорность, географическая, а в некоторых случаях производственная ограниченность тоже придают этому слову конкретность, а конкретность доказывает его реальность, так что чувст-

во пусть минувшей, но действительности приходит к нам, читателям, вместе с первыми фразами почти каждого сказа.

«Едет Линева Антоха Веденеевич, сибирский казак, от становья до маяка, с Кузнецких заслонов до Иртышских» («Дедова сабля»).

«Во времена царицы Елизаветы на южном конце Сибири мал был заслон Кокуйский, людей здесь было немного, пять изб, обнесенных частоколом, старая пушка, барабан и при барабане барабанщик Савоська из солдатских сирот — вст и все. А службу несли десятка два драгун Тобольского полка» («Шиш, Селезень и Савоська», другое название — «Три правды»).

Произведения Мисюрева соприкасаются с наиболее «реалистическим» литературным жанром — очерком, сами представляя перед нами как некие своеобразные фольклорно-исторические очерки.

В то же время в этих произведениях, созданных на основе рабочего фольклора, почти нет таких, в которых не присутствовал бы элемент фантастики, сказочности <...>

Здесь уместно задать вопрос: а в какой другой форме, в каком другом изложении мы могли бы требовать от героев мисюревских сказов и повествований изложения их мечты о будущем, их понятий о социальной справедливости?

В чем еще такие мечты и понятия могли воплотиться — в дискуссиях? В диспутах? В образах людей, шагнувших в своем умственном и социальном развитии на несколько поколений вперед, ставших «провидцами»?

Понятно, что ни один из этих и многих других вариантов не был приемлемым, не стал бы реалистическим выражением человеческой мечты, что только единственный способ ее выражения — сказочный — имел в действительности место и как таковой, как действительный он принят и осмыслен и Мисюревым, и другими советскими писателями-фольклористами.

Почти реальность как раз благодаря этому «почти» становится еще более подлинной реальностью, выходит за рамки того времени, о котором она повествует, приближается к нам.

Без этого «почти» она перестанет быть художественной литературой, а станет историографией, не имеющей к тому же достаточных оснований претендовать

на научную достоверность, она перестанет быть искусством и не станет наукой.

Изымите из сказов Мисюрева элемент сказочности, мечту — они поблекнут, попросту рухнут.

Конечно, как повсюду в искусстве, дело в чувстве меры <...>

Но тут все на своем месте и в меру, всюду то равновесие, которое не уводит нас в область фантазии и не приземляет, в худшем значении этого слова.

«— Я — Сорока! Отвори, хозяин!

— Сорока? Ты?

— Я!

— А с чем прибежал: со злом аль с добром?

— С добром, хозяин, с добром.

— Ну, коль с добром... Дай-ка, Нюська, ружье, которое подлиннее, медвежатное... Порох-то под периной... дай-ка его сюда... Эй, Сорока! Пуля тебя не берет али как?

— От пуль я заговоренный.

— Нюська, вилы дай, которые подлиннее... Может, и не с добром... Псов отвяжи...».

Что здесь — в этом диалоге — выдумка или действительность?

И то и другое. И то и другое в меру <...>

Здесь, в обращении с легендой о Сороке, широко известной на Алтае и в Кузбассе, Мисюревым проявлен удивительный художественный такт.

Он легенду не опровергает и не приукрашивает: он рассказывает, как она возникла, как появился первый «след» Сороки.

Бежал Сеньча Бабанакон с рудника, искал в лесах разбойника Сороку, хотел к нему присоединиться, наслышан был о нем, а найти не мог. Может, его и не было совсем — Сороки? Может быть, он выдуман людьми?

Что же — если и так, Сорока обязательно должен быть. И Сеньча выдает себя за Сороку, легендарный образ становится реальным. Не очень, кажется, верит этому хозяин, который Сеньчу приветил, но Сорока ему нужен для борьбы с мироедом Евстигнейкой Бурых... Не очень верит хозяйская дочь — девка Фроська, но приглядный молодой парень ей куда больше по душе, чем легендарный Сорока. С таинственным Сорокой она вряд ли отправилась бы «бегать» в леса на одном коне, а с этим — и глазом не моргнула. Вот и явился Сорока — народный защитник.

Сам сюжет произведения как бы объясняет нам не только эту легенду, но и вообще возникновение подобного рода произведений народного творчества, не только очень умело воздвигает свою собственную постройку из реального и фантастического, но и показывает, как и почему это делается вообще.

Хозяин, приютивший Сеньчу, сам рассказывает ему, каким Сорока должен быть, что защищать, против кого выступать,— это народ говорит, какой ему нужен герой <...>

А. А. Мисюрев создал и создает произведения очень интересные не только сами по себе — все, вместе взятое, его творчество заслуживает самого глубокого внимания в том широком плане, который именуется у нас изучением литературного процесса.

Здесь, быть может, уместно вспомнить о тех спорах, которые возникают у нас вокруг проблемы фольклора.

Некоторая часть специалистов утверждает, что современность наша настолько богата событиями, а общение между людьми стало настолько широким, что в новых условиях не может формироваться фольклор.

Культура населения настолько возрастает, говорят они, что народный и литературный язык уже сливаются в нечто общее.

Этими и многими другими соображениями нельзя пренебрегать, — вероятно, фольклор и фольклористика действительно будут претерпевать и уже претерпевают такие изменения, которые пока еще не укладываются в наши нынешние представления о них.

Но проблема эта возникла не только что. Во времена гражданской войны ее современникам и участникам, должно быть, тоже казалось, что фольклору раз и навсегда пришел конец, а между тем сколько сейчас бытует в устном народном творчестве сказов об этом периоде нашей истории?

Люди часто бывают не склонны видеть в своих делах и в своей психике историю, ощущать ее, тем более в таком повседневном ее проявлении, как язык, и в то же время часто склонны считать, что именно их поколению падлежит «закрывать» одни вековые проблемы и «открывать» другие.

Однако трудно себе представить, чтобы такие события современности, как полеты в космос Юрия Гагарина и Германа Титова, не нашли своего воплощения в самых глубинах народного творчества, в том числе и устного.

Так же трудно представить, что народный язык перестал бы вдруг существовать в течение тех десяти — пятнадцати лет, когда в нашей стране было осуществлено всеобщее обучение, и теперь все предпочитают язык только литературный. Конечно, литература и образование в целом оказывают огромное влияние на народный язык, но они же и воспитывают к нему интерес.

Кроме того, всегда будут существовать язык литературный и разговорный.

Разговорный язык приближается к литературному, но этот последний уходит от него, вырабатывая свои приемы, по-своему экспериментируя, исполняясь научной и технической терминологией.

Тем не менее литературный язык всегда будет питаться за счет разговорного, общепринятого, им же он будет и апробироваться — что из его собственных экспериментов удалось и войдет в обиход, а что будет «вещью в себе» и явлением временным.

И литературное умение владеть им, этим не книжным языком, вряд ли станет когда-нибудь достоянием всех литераторов, всех писателей, — быть может, наоборот, мастерство это будет со временем еще более редким, а мы, читатели, с еще большим энтузиазмом будем его приветствовать и наслаждаться им. Может быть и так.

Однако для этого нужны не только своеобразные и талантливые писатели, но и чуткие, воспитанные в традициях своего национального языка читатели.

Так будем же любить и жаловать удивительные и редкостные произведения писателей, работающих в этом труднейшем жанре, будем почаще заглядывать в их мастерские — там много интересного и поучительного.

Мы до сих пор чаще заглядываем в Даля, чем в современных фольклористов. Это понятно — Даль дает нам слово, а мы надеемся этим словом распорядиться по своему усмотрению. Распорядиться, как говорят, с умом.

Но не всегда эта надежда — оправданная. То и дело чувствуется необходимость обучения такого рода уму и умению.

Фольклористы же этому как раз и учат.

ИСКУССТВО И ЕГО РАБОТНИКИ

В современном русском литературном языке единственно возможное общее название родственных видов искусства — живописи, скульптуры, графики — *изобразительное искусство*.

Оно прочно утвердилось в русском языке советской эпохи и отмечается в форме множественного числа в словарях (БСЭ, МСЭ, Краткий словарь терминов изобразительного искусства), закрепляется в составе других названий — музеев, институтов, кафедр: «При архитектурном факультете Индустриального института существует кафедра изобразительных искусств (скульптура, живопись, рисунок)» («Академия художеств СССР. Первая и вторая сессии». М., 1949); «Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), созданный в 1912 году как музей слепков, после революции значительно расширяет свои коллекции...» (Б. Крусман. Художественные музеи СССР. М., 1967).

Сначала это наименование имело большое распространение во множественном числе и употреблялось в ряду с названиями других видов искусства — музыка, театр, литература: «В области литературы, музыки и изобразительных искусств должны быть применены настоящие методы воспитания нового поколения» (журнал «Рабис», 1921, № 4—5); «Как известно, религиозно-моральные установки легче всего проповедовать через театр, литературу, музыку, изобразительные искусства» (А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве. М., 1967).

В настоящее время стало предпочтительным употребление наименования *изобразительное искусство* в единственном числе. В этой форме оно регулярно употребляется с названиями *музыка, театр, архитектура*: «Выросли города, поднялись школы, создана

своя печать, появились литература, изобразительное искусство, музыка» («Художник», 1969, № 12); «Любопытно отметить такую особенность соотношения поэзии и изобразительного искусства в творчестве Лермонтова» (там же).

Общепринятость наименования *изобразительное искусство* в единственном числе (для обозначения живописи, скульптуры, графики) свидетельствует о становлении новой нормы словоупотребления. Новая литературная норма получает признание в специальных словарях. В «Кратком словаре по эстетике» (под общей редакцией М. Ф. Овсянникова, В. А. Разумнова. М., 1964) читаем: «И з о б р а з и т е л ь н о е и с к у с с т в о — искусство, создающее наглядное и осязаемое изображение видимого мира в пространстве или на плоскости, воспринимаемое зрением... Изобразительное искусство объединяет прежде всего скульптуру, живопись и графику, т. е. такие виды искусства, которые, в отличие от литературы и музыки, оперируют плоскостью и пространством...».

Употребление наименования во множественном числе — *изобразительные искусства* — представляет старую норму и воспринимается в наши дни как архаичное, устарелое. Совсем не употребляется теперь сочетание *изящные искусства*, которое было широко распространено в литературе XIX века и предоктябрьского периода: четыре искусства — художество живописное, искусство ваятельное, архитектура, музыка — *объединялись* (в противоположность изящной словесности, изящной литературе) общим названием *изящные искусства*. Тогда же сочетания *изящные искусства* и *изящная литература* использовались в названиях журналов — «Вестник изящных искусств» (1883—1890), «Изящная литература» (1883—1885).

В начале XX века сочетание *изящные искусства* сохраняется как общеупотребительное наименование и закрепляется по преимуществу в составе разного рода названий — союзов, кружков, музеев: Северный кружок любителей изящных искусств; Одесское общество изящных искусств; Харьковская школа изящных искусств, музей изящных искусств. «Отправлена в Рим коллекция картин художников общества „Мир искусства“, предназначенная для открывающейся в средних числах февраля выставки изящных искусств» («Художественно-педагогический журнал». СПб., 1914, № 3); «Недалеко от храма Спасителя стоит изящное белое здание — открытый в этом году для публики музей изящных искусств имени Александра III» («Вестник воспитания». М., 1913, № 3).

На первом съезде русских художников и любителей художеств в Москве (апрель 1894) в речи выступавших звучало наименование *изящные искусства*: «Член Общества Любителей Художеств А. А. Брокер, открывший в помещении Верхних Торговых

рядов выставку произведений изящных искусств из собственной коллекции..., предоставил Гг. Членам Съезда вход на означенную выставку бесплатно...» («Дневник Первого съезда русских художников и любителей художеств». М., 1894, № 5).

Следует заметить, что употреблялось сочетание *изящные искусства* обычно во множественном числе: «Сын Аркадия, Феодосий II, Младший (408—450) особенно был любитель изящных искусств, покровительствовал художникам и сам посвящал свои досуги живописи и лепному искусству» (Ф. И. Буслаев. Краткое обозрение истории византийского искусства.— «Сочинения по археологии и истории искусства». Т. I. СПб., 1908); «Третья картинка — опять „любитель“, как те две предыдущие, но только любитель не по части изящных искусств, а по части гусей и кур» (В. В. Стасов. Выставки.— Избранное. Т. I. М.—Л., 1950).

Наименование *изобразительное искусство* (преимущественно во множественном числе) встречается в специальной литературе 900-х годов: «Мудрено ли, что это общество откликается на этот факт желанием собраться и сообща почествовать его обменом мыслей по поводу затронутого им предмета: принципов и форм существования в России изобразительных искусств» («Труды Первого съезда русских художников и любителей художеств». М., 1900); «Да и вообще понятно, что вопросы о форме, о технической стороне творчества занимают гораздо больше места в изобразительных искусствах, чем, например, в изящной литературе» (там же).

В литературе по изобразительному искусству для обозначения лиц, занятых творческой деятельностью в области изобразительного искусства, используется несколько обобщенных наименований: художники, работники изобразительного искусства, мастера изобразительного искусства, деятели изобразительного искусства. Особенно интересна история наименования *работники изобразительного искусства* (в сопоставлении с другими составными названиями).

Первые употребления наименования *работники изобразительного искусства* относятся к эпохе Великой Октябрьской социалистической революции, когда политическая значимость свободного гражданина стала определяться его трудовой деятельностью: труд — священная обязанность каждого советского гражданина. В это время становится наиболее популярным слово *работники*. Оно используется для обозначения не только людей физического и умственного труда, но и лиц художественного труда — артистов, художников, писателей: «О приравнении работников литературно-

го труда, художников и скульпторов и их детей... в отношении поступления в учебные заведения к рабочим и детям рабочих» («Тарифно-экономический справочник Всерабиса». Ч. II. М., 1929).

В связи с тем, что «в условиях коммунистического строя труд становится трудом радости, искусство становится искусством-трудом» (из резолюции по докладу Вс. Мейерхольда, 1924), наипривлекательнее *работники искусств* полностью вытесняет из русской речи старое название *служители искусств*. Об этом пишут сами художники: «Пять лет отгородили нас твердой стеной от того позорного прошлого, когда мы были не работниками искусств, а „служителями прекрасного“...» («5 лет работы Рабиса». Казань, 1924); «... Служителям искусства надо сознать, что то, что они создают, что они вносят в мир формами, линиями или красками, действительно, может быть или небесным или бесовским...» («Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде (декабрь 1911 — январь 1912)». Т. 3); «Настоящую свободу, внутреннюю творческую свободу получает художник, работник искусства только тогда, когда у власти пролетариат, когда пролетариат строит социалистическое общество» («Рабис», 1934, № 4).

Слово *работники* входит в состав названий профессиональных союзов: Союз работников искусств; Федерация работников изобразительных искусств; Союз работников просвещения и социалистической культуры; Союз работников народного питания и общезажитий и т. д.

У слова *работники* (или *работницы* — при желании подчеркнуть принадлежность лица к женскому полу) расширяется возможность сочетаться с другими словами. Оно выступает в сочетаниях с названиями видов искусства (работники изобразительного искусства, работницы музыкального искусства, работники театрального искусства), рода деятельности (работники сцены, арены, экрана): «... „Международная Федерация работников изобразительных искусств“ была бы, прежде всего, мощным профессионально-экономическим органом» («Искусство», 1919, № 8); «По списку ЦК, согласованному с ВЦСПС, этот отпуск должен предоставляться работницам следующих профессий:

1 — Работницы сценического искусства...

2 — Работницы музыкального искусства. Артистки оперы, оперетты, миниатюр 1 и 2 положения...

3 — Работницы цирка и эстрады («Тарифно-экономический справочник Всерабиса». Ч. I. М., 1928).

Названия-несложизмы бытовали не только в виде словосочетаний (театральные работники, работники театра; сценические работники, работники сцены; цирковые работники, работники цирка; работники изобразительных искусств, работники изо; изо

работники), но и как отдельные слова — сложное (театроработники), сложносокращенное (теаработники, изо-работники, изоработники): «Но, потерпев фиаско с военизацией театроработников, Тео воспонизировало, с горя, управление московскими театрами» («Рабис», 1924, № 4—5).

В речи наименования в форме слова выступали синонимами наименований-словосочетаний: «Особенно наглядно эти приравнения изо-работников выразились в осуществлении: 1) жилищного законодательства от 30 сентября 1927 г., в силу которого в отношении оплаты жилых помещений работники изо приравниваются к рабочим и служащим; 2) в отношении дополнительной площади... художники включены в тот ограниченный перечень лиц, которым в настоящее время разрешается пользоваться дополнительной площадью... работники изобразительных искусств, состоящие членами профсоюза, облагаются подходящим налогом по расписанию № 1...» («Профессиональный союз работников искусств СССР. Отчет ЦК VII съезду Союза». М., 1929).

В дальнейшем судьба таких наименований складывается по-разному: единственно возможным наименованием в форме словосочетания остается *работники просвещения*; сочетание *работники здравоохранения* имеет оттенок торжественности (ср.: профсоюз медицинских работников); *работники культуры* широко употребляется в письменной речи (ср.: профсоюз работников культуры, почетное звание «Заслуженный работник культуры»), в официально-торжественном стиле получает распространение *деятели культуры*: «В одном ряду с рабочими, колхозниками, инженерами, славного Урала шагают работники народного образования, деятели науки, культуры и искусства» («Художник», 1970, № 1); «Работники здравоохранения и физической культуры! Улучшайте медицинское обслуживание населения!» («Правда», 16 апреля 1970).

В сочетаниях с названиями видов искусства употребление слова *работники* либо воспринимается как устаревшее (работники музыкального искусства), либо как стилистически окрашенное (так, наименование *работники изобразительного искусства* закрепляется в деловом стиле; *мастера изобразительного искусства, деятели изобразительного искусства* — в нейтральном и официально-торжественном): «Профессиональная организация работников ИЗО является одной из ударных задач Всерабиса» («Рабис», 1920, № 2—3); «Приток молодых талантливых мастеров изобразительного искусства в ряды художников Федерации — повсеместное явление на выставках» («Художник», 1970, № 1); «Оценивая выставку, Л. Г. Монашев отметил, что обширная экспозиция, созданная творческим трудом, талантом восьми коллективов деятелей изобрази-

тельного искусства, отражает героические этапы революционной борьбы, истории партии и Советского государства...» (там же).

Аналогичные процессы испытывали параллельные составные наименования: работники искусства, деятели искусства; работники науки, деятели науки; работники художественной литературы, литературные работники, деятели литературы: «Общее количество делегатов — 306, из них актеров — 128, музыкантов — 30, художников — 18, эстрадников — 3, работников художественной литературы — 9...» («Рабис», 1921, № 10—11); «Деятели литературы и искусства собрались в знаменательные дни — накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, собрались, чтобы поделиться мыслями о воплощении ленинских принципов партийности и народности в советской литературе и искусстве» («Искусство», 1970, № 1); «Видные деятели науки читали в Женеве лекции по физике и химии, показывали опыты, стоявшие больших денег» (К. Кошечев. Повесть о Федоте Шублине. Повесть о Воронихине).

Сочетания *работники хора, работники оркестра, работники драмы, работники оперы, балета, оперетты* и т. д. вышли из употребления; в современном русском литературном языке принято употреблять: артисты хора, артисты драмы, артисты оркестра, артисты оперы, балета, оперетты.

Наименования *работники театра* (театральные работники), *мастера театра, работники цирка* (цирковые работники), *мастера цирка* подверглись переосмыслению: сочетания со словом *работники* указывают на производственную занятость лиц безотносительно к специфике трудовой деятельности (охватывает служащих, рабочих, артистов); словосочетания со словом *мастера* применяются только по отношению к художественно-творческим работникам театра, то есть артистам. «Вовлекать в работу культкомиссии и красного уголка, кроме рядовых членов союза, также и высококвалифицированных художественных работников театра» (Резолюция III Пленума Цекрабиса. 15—19 мая 1926 г.); «На открытии присутствовали... советские художники, архитекторы, ученые, писатели, мастера театра, кинодеятели, представители советской и иностранной прессы» (Хроника советского изобразительного искусства. 1946, № 1—2); «Личное театральное имущество артистов театра, эстрады и цирка не подлежит национализации, а остается собственностью театральных, цирковых и эстрадных артистов...» (Декрет Совета Народных Комиссаров. 26 августа 1919 г.).

Н. П. САВЕЛЬЕВА,
аспирантка МГПИ имени В. И. Ленина

БОГУ...
ЛИШЬ
БОГОВО

В редакционной почте нашего журнала есть немало писем, авторы которых предлагают «новые» слова, просят, а иногда и требуют исключить из словаря и даже из русского языка то или иное слово. Порой такие требования выражаются в форме весьма категорической. «Изжить словесную шелуху!» — пишет С. М. Гейзер, в частности, об употребляемых в литературе выражениях «боже мой», «слава богу», «каждый божий день»... и т. п.

В числе писателей, в произведениях которых «встречаются слова-сорняки из религиозного лексикона», читатель «Русской речи» назвал Сергея Антонова, Юрия Нагибина и некоторых других. Я мог бы значительно пополнить этот перечень. Если же вспомнить и тех, кто допускает различного рода сравнения еще и с царями, вельможами и т. п., то нашему перечню просто не будет конца.

Вот хотя бы Сергей Островой пишет о колхозницах:

Таким бы блистать на картинах,
Пиши их, любую подряд...
На грузных колхозных машинах
Румяные боги сидят!

У Владимира Павлинова читаем:

Мы лежим у замшелых гранитных быков...
Словно боги Олимпа среди облаков.

Евгений Евтушенко восклицает:

Ах, коровы, ах, коровы!
Как вносили вы в луга,
Словно царские короны
Ваши белые рога...

Евгений Винокуров заявляет: «Маяковский — Петр Великий русской поэзии» и т. д. и т. п.

Несколько лет назад мне уже приходилось писать о сравнениях подобного рода. Я усматривал тогда в этой

«Как случилось,— спрашивает читатель В. Г. Виницкий,— что такое выражение, как „ей богу“, впустили в литературную речь и его частенько употребляют современные (надо полагать не верующие) писатели и поэты?»

Есть среди писем на «религиозную» тему и прямо противоположные по смыслу. Например, Вас. Барынин из г. Кузнецка Пензенской области пишет: «В нашей речи и сейчас сохраняются выражения „боже мой“, „дай (не дай) бог“, „упаси боже“ и им подобные из религиозного словаря, но все они приобрели иную эмоциональную окраску и не связаны с отжившими ныне понятиями».

Письма читателей на эту тему мы попросили прокомментировать критика и писателя В. С. Бушина.

тенденции опасность главным образом для наших критиков — как бы и они не принялись писать в таком духе: «Сергей Островой — Перун нашего искусства», «Александр Жаров — Юрий Долгорукий советской поэзии», «Евгений Евтушенко — Екатерина Великая современной лирики»...

Авторам писем в редакцию «Русской речи», видимо, не до шуток. Большинство из них видит здесь настоящую опасность, прежде всего для подрастающего поколения. «Среди юных читателей,— пишет И. С. Туманов,— подобные восклицания [„слава богу!“ и т. п.] порождают удивление, недоумение, растерянность: раз известный автор рассказа или очерка призывает бога, клянется его именем, надеется на него, хвалит его, то здесь кроется что-то незаконное, но крайне любопытное, во всяком случае, требующее раздумья...». Кончает он письмо вопросом: «Зачем давать пищу для раздумья над выражениями, давно утратившими жизненный смысл, лишенными всякой почвы в нашем социалистическом обществе и ставшими пустым анахронизмом?».

Удивительно в этом письме неприязненное отношение к необходимости раздумья. Ведь по существу только этим (читатель понимает, что употребление религиозных слов «еще не означает склонности автора к религии») продиктовано решительное стремление изжить всякое упомина-

ние о боге. Но, во-первых, почему только о боге? А черт, сатана, демон? — ведь это все тоже «пустые анахронизмы», порожденные религией. Или вот мы говорим: «Народ — богатырь», «Советский патриотизм творит чудеса», «Диалектика — душа марксизма» и т. д. Если быть последовательным, то надо отказаться и от таких оборотов речи: *богатырь, чудо, душа* пришли в наш язык оттуда же — из анахроничного религиозного представления о мире.

Как видите, я назвал, конечно, далеко не все, — пришлось бы «изживать» слишком многое (даже, к примеру, такое хорошее и необходимое слово, как *спасибо*), а мы и так «изжили» уже предостаточно, весьма объединив родной язык. Не раз писали о том, что у нас не осталось очень нужного слова для обращения к незнакомой женщине. Почти совсем исчезли весьма полезные слова, обозначающие степени родства, кроме слов *отец, мать, сестра, брат*, и, конечно, *теща*. А как назвать брата жены или сестру мужа — это для большинства городских жителей неразрешимая задача. Многие даже не умеют правильно употребить слово *вдова* и не видят ничего зазорного, пользуясь вместо него словом *жена*.

А возьмите названия денег. Думаю, что их без очевидной пользы для себя «изжили» начисто. Многим, наверно, приходилось слышать, как человек, решивший позвонить по телефону-автомату просит кассира или кассирку дать ему в обмен «двухкопеечную монету» или «двушку». Возникает путаница, недоразумение, а между тем двухкопеечная монета, правда, серебряная, своего века имела свое определенное имя — *семьшивик*, трехкопеечная — *алтын*, пятикопеечная — *пятак*, десяти — *гривенник*, пятнадцати — *пятиалтынный*, двадцати — *двугривенный*, пятидесяти — *полтинник*, рублевая монета — *центовый*...

Когда-то были вычеркнуты у нас из обихода и *неделя* и названия ее дней. В этом была известная «внутренняя» логика — мы жили тогда по пятнадцаткам и шестидневкам. Но весь мир продолжал жить по неделям, и потому позже, несмотря на ее всем очевидное религиозное происхождение, неделя была восстановлена, а праздничным выходным днем опять стало (о, грехи наши тяжкие!) воскресенье.

Я думаю, это было сделано очень разумно. Разумно было бы возродить и слова, обозначающие степени родства, и названия денег; родство, деньги, как и неделя, — понятия реальные, жизненные, насущные. Это вернуло

бы нашему языку оплошно утраченные ценности, это в известной мере облегчило и уточнило бы общение людей.

Если даже согласиться с мнением, что слова религиозного значения и происхождения следует «изжить», то все-таки остается неясным, как это сделать? И еще вопрос: нужно ли это делать? Почва для употребления таких слов есть, она не менее реальна и жизненна, чем, скажем, упоминавшееся родство. Это многовековая, тесно и противоречиво связанная с религией традиция языка и литературы.

Религия на протяжении долгих веков крепчайшими узами переплеталась со всеми видами искусства, в частности с литературой. В литературе и языке складывались уже упоминавшиеся прочные традиции, каноны, условности в непонимании религиозного материала. Обращаясь к мировому искусству, юный читатель, которого так оберегают некоторые авторы писем в редакцию, непременно все это встретит в литературе и вынужден будет задуматься. Вот он раскроет одно из самых прекрасных мест пушкинской «Полтавы» и прочтет описание апофеоза битвы:

...Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!». Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божья гроза...

Как известно, Пушкин не был религиозным человеком, и мы люди неверующие. Но поэт-безбожник счел необходимым в самом патетическом месте поэмы употребить слова из религиозного лексикона и мне, «безбожнику-читателю», эти слова не только не мешают, не кажутся излишними или пустыми, но представляются единственно возможными, прекрасными, необычайно сильными и выразительными. Для меня, как, видимо, и для автора, эти слова лишены их прямого, церковно-теологического смысла, мое отношение к ним похоже на то, как я отношусь к словам *глас* или *лик*, употребленным здесь вместо слов *голос* и *лицо*. Да, я воспринимаю эти слова, пожалуй, лишь как стилистическое средство, и притом очень сильное.

Лермонтов тоже не был человеком религии. Но обратим внимание на то, как много у него стихотворений, озаглавленных то «Молитва», то «Исповедь», то «Завещание». Вот одна из первых его «Молитв» и, на мой взгляд, одно из самых сильных его стихотворений.

Не обвиняй меня, всемогущий,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж пропикнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

От начала до конца это стихотворение — обращение к богу, обращение прямое, честное, но в то же время исполненное благоговения и даже робости. И однако же, читая стихотворение, мы видим перед собой не бога, а мятежную, страстную душу пятнадцатилетнего отрока, стоящего на пороге жизни, уже осознавшего огромность и необоримость своего песенного дара, страшную ответственность за него перед людьми, терзаемого мучительной жаждой освободиться от пророческого жребия и еще большей жаждой исполнить его...

Каждое поколение воспринимает произведения искусства по-своему.

Когда моему сыну было лет шесть, я решил прочитать ему «Муму». Как я и предполагал и надеялся, в конце рассказа мальчишка заплакал, но сквозь слезы он шептал: «Дурак! Какой дурак!». «Кто?» — поразился я. «Герасим — кто! Зачем же он утопил Муму? Ведь все равно потом ушел в деревню и мог бы взять ее с собой туда»...

Для меня основным чувством при чтении рассказа всегда была жалость к Герасиму и Муму, горечь за их судьбу. Мне понятно, что его рабское почитание барыни, рабская зависимость от нее так велики, что он ни при каких обстоятельствах не мог послушаться ее, не смел не выполнить ее волю. А сын не понимал этого, великодушным образом не понимал психологию раба. Этой поправке, которую внесло в восприятие произведения искусства время, можно лишь порадоваться.

Но было бы печально и горько, если бы время внесло и такие поправки, которые лишили бы юное поколение способности и возможности ощутить то, что ощущаем мы, читая описание Полтавской битвы, или отроческую молитву Лермонтова, или хотя бы вот это стихотворение Бунина:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припаив.

Если мой сын сочтет эти стихи религиозным дурманом, а их автора упрекнет в том, что он употребляет слова-сорняки из религиозного лексикона, то, увы, между нами возникнет глубокое непонимание. Для меня это прекрасные стихи о нежной, неизбывной любви к родной земле.

Итак, как бы мы этого ни хотели (а у меня такого желания даже и нет), невозможно уберечь юных читателей от встречи со словами религиозного лексикона. Современный язык и современная литература не отделены непроницаемой стеной от языка и литературы прошлого, от их традиций. Конечно, сейчас такие слова употребляются гораздо реже.

Читатели совершенно правы в том, что некоторые авторы тут явно злоупотребляют, другие отчаянно кокетничают, третьи позволяют себе и то и другое. Но когда в сорок шестом году в Политехническом я услышал, как Семен Гудзенко прочитал:

Мы пред нашим комбатом,
Как пред господом-богом чисты...

— я задохнулся от восторга. А позже я понял, что точнее и сильнее сказать трудно.

Когда у Ярослава Смелякова я читаю о юном красноармейце, павшем в бою:

И если правда будет время,
Когда людей на страшный суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут,—
Предстанет за столом судейским
Не бог с тумашной бородой,
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой...
Он все увидит, этот мальчик,
И ни поты не простит,
Но лезть — от правды, боль — от фальши
И гнев от злобы отличит,—

когда я читаю об этом русском мальчике, силой своих страданий за родную землю, силой любви к ней заступившем место бога, я чувствую себя одним из тех, кто составляет помянутую поэтом потрясенную толпу.

В этой толпе я хотел бы видеть и своего сына, и авторов писем-предложений «очистить» наш язык от анахронизмов, и их детей, и все поколения юных читателей, которым мы, конечно, желаем только добра,

В. БУШИН

ЕСТЬ — КУШАТЬ — ПИТАТЬСЯ

В нашей речи есть слова-пасынки, слова-золушки. Историю некоторых из них мы и расскажем.

У глагола *есть* в значении 'принимать пищу' — большая и долгая жизнь. И кажется, нет оснований беспокоиться о его судьбе. Слово необходимо. А между тем все чаще и чаще приходится сталкиваться с тем, что функции глагола *есть* насильственно передаются его синониму *кушать* или глаголу *питаться*. Что говорят в этом случае классики? Начнем с пушкинских строк из поэмы «Руслан и Людмила». Юная Людмила в волшебном саду:

Обед прекрасный перед ней...». Но Людмила знает, что все это от злодея Черномора, и —

Людмила умереть умест!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов.
Подумала — и стала кушать.

Решительное «не стану есть» сменяет еще детски непоследовательное «и стала кушать».

Посмотрим, как использует различные смысловые оттенки *есть* и *кушать* Гоголь, создавая образ «прекрасного человека Ивана Ивановича» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Прекрасный человек Иван Иванович. Он очень любит дыни; это его любимое кушанье. Как только отобедает... приказывает Гапке принести две дыни, и уже сам разрежет, соберет семян в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственной рукой, сделает надпись над бумажкою с семенами: „Сня дыня съедена такого-то числа“». Глаголы *кушать* и *есть* сообщают особую окраску речи автора и его героя. У автора почтительность проницая, автор улыбается, смеется: «Прекрасный человек Иван Иванович... сам начнет кушать». Иван Иванович же исполнен серьезности. «Сня дыня съедена» — оборот книжный, официальный. Для Ивана Ивановича это серьезное дело. Попробуйте, замените *съедена* — *скушана* и вся серьезность, уверенность, монументальность Ивана Ивановича пошатнется: он засюсюкает, как ребенок.

А вот жена одного современного «руководящего работника» в фельетоне В. Карбовской «Вопросы морали» настаивает на *кушать*. Муж сообщает: « — Вот тоже насчет *кушать* полемика разыгралась. — Хххосподи! То насчет *выпить*, теперь насчет *кушать* — прямо ни охнуть, ни вздохнуть! А в каком смысле? — В том смысле, что лично про себя нужно употреблять слова *я ем*, а не *я кушаю*, чтоб не было к самому себе слишком слащаво и уважительно. А еще *я пришел*, а не *я прибыл*. — Новое дело! Конечно, какой-нибудь подсобник или даже слесарь может про себя выразиться *я ем*, *я пришел*, а начальник? Нет уж, это прямо даже странно».

Так, противопоставив пары стилистически окрашенных глаголов, В. Карбовская показывает весьма своеобразное

понимание этики и морали у некоторых людей. А в рассказе «Почему они поженились» слова *есть* — *кушать* — *нажираться* раскроют псевдоинтеллигентность молодой хищницы. Первое семейное столкновение: «... Счастливая семейная жизнь, нечего сказать: муж является с работы, нажирается (прежде она говорила „кушай шоколадку“, „я кушаю“, „он кушает“, а теперь в припадке злости кричала „нажирается“, забывая о золотой середине — глаголе „есть“...)».

Итак, в глаголе *кушать* и в современной речи ощущается особый оттенок значения — почтительный, уважительный, ласкательный.

Проведем один эксперимент. Перед нами книга К. Паустовского «Повесть о жизни». Если проследить страницу за страницей, отмечая все употребления глаголов *есть* и *кушать*, то можно сделать любопытный подсчет: *есть* — *съесть* — *поесть* — 45, *кушать* — *скушать* — *покушать* — только 13 и всякий раз в тексте эмоционально или локально окрашенном. Это или ласковое обращение к ребенку, или речь южан с типичным замещением *есть* глаголом *кушать*: «Фиринка — маленькая, с английскую булавку черноморская рыбка — подавалась всегда свежей по той простой причине, что никакой другой рыбы не было и вся Одесса ела (или говоря деликатно, по-южному, „кушала“) эту ничтожную рыбку... Ели ее сырую, чуть присоленную, или мелко рубили и жарили из нее котлеты. Котлеты эти можно было есть только в состоянии отчаяния или, как говорили одесситы, „с гарниром из слез“».

«Покушала немножко клейстеру... и колбасную корочку — вот и все». Именно так жалуется утомленная целодневным путешествием, озябшая, голодная чеховская Каштанка. Эти несколько строк описывают не только состояние Каштанки, но и продолжают характеристику среды, людей, окружавших Каштанку. Монолог Каштанки находится в том же стилевом плане, что и рассуждения подвыпившего Луки Александрыча («на фонарики глядим...»). Особый «деликатно-мещанский» стиль речи достигается накоплением ласкательно-уменьшительных форм (фонарики, немножко, корочку), в их ряду стоит и почтительно-ласковый, «уважительный» глагол *покушала*. Это обычное окружение *кушать*. Вот ср.: солидный, занятой Олег Иванович на приеме у врача. Рост — 180, объем груди — 112, объем талии — не стоит уточнять, говорит басом, жалуется.

«— Устал, совсем не могу кушать. Скушал тарелочку борща... шницель... немножко гарнира».

Невнимание к особому оттенку значения глагола *кушать*, может быть, не столь заметному в устной обиходной речи, оборачивается на письме уже совсем неприятными ошибками.

«Лошади кушают овес и сено» — это знаменитая фраза «милейшего» Ипполита Ипполитыча, учителя географии и истории из чеховского рассказа «Учитель словесности». Именно потому, что глагол *кушать*, слово, несущее оттенок особой вежливости, не сочетается с лошадьми, овсом и сеном, создается комический эффект.

Но вот перед нами газетный очерк: «— Холодно, конечно... Но овцам даже лучше, когда холодно, — они и кушают лучше, и шерсть хорошо растет». *Овцы кушают* — это смешно, но совсем иные ощущения вызывала у читателей строка в трагическом описании пыток в одной из первых публикаций-переводов из романа Андре Стиля «Обвал»: «Они заставили одного из пленных скушать полфунта соли».

У глагола *кушать* есть соперник, также неудачный конкурент *есть*. Это глагол *питаться*: «Холодные яйца всмятку — еда очень невкусная, и хороший веселый человек никогда их не станет есть. Но Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс...». И. Ильф и Е. Петров раскрыли различительные оттенки в значениях *есть* и *питаться* и, оттолкнувшись от противопоставления этих двух глаголов, противопоставили хорошего жизнерадостного человека затаившемуся миллионеру, берегущему свой организм до «лучших дней».

А вот боцманша тетя Мотя, с которой мы познакомились в рассказе Б. Привалова «Тяжелый заяц», воспринимает глагол *питаться* как «интеллигентный» синоним к *есть*. Однажды в сумеречный час тетя Мотя сидела за «стопкой кефира», мужа не было рядом и ее, как всегда, охватило беспокойство, аппетит пропал... «— Нет, — сказала тетя Мотя, отодвигая стакан, — не могу питаться. Волнуюсь».

Как-то в «Вечерней Москве» было опубликовано письмо учительницы А. Ш.: «Я сама часто питаюсь в закуской „Москва“, но далеко не всегда ухожу с хорошим настроением. Его портит невкусно приготовленная пища». (А боцманша тетя Мотя не одинока!) Можно сказать:

«Я два-три дня в неделю питаюсь только молочным» (определенная периодичность), но нельзя: не могу питаться (сейчас, в данный момент). Глагол *питаться* осмысливается в плане «принимать пищу с лечебной целью», а не «для обычного удовлетворения голода». В таких случаях между глаголами *питаться* и *есть* стирается разница и возникает ошибка.

Хорошо известно, что слова могут менять свои значения. Но можно ли, наблюдая замену *есть* глаголом *кушать*, сказать, что это естественное движение в языке? Л. В. Щерба отметил чрезвычайно интересное взаимодействие между синонимами *есть* и *кушать*: «*Кушать*... занимает особое место рядом с *есть*. Оно, кстати сказать, является прекрасным примером сложности системы литературного языка: *кушать* неупотребительно ни в первых, ни в третьих лицах, а только в повелительном наклонении, где оно заменяет формы *ешь*, *ешьте*, являющиеся уже фамильярными, и с осторожностью в форме вежливости (2-е лицо мн. ч.), где оно легко может получать слащавый оттенок. Форма 3-го лица ед. числа может употребляться лишь как выражение нежности по отношению к ребенку».

Особый оттенок вежливости в значении глагола *кушать* был отмечен уже самым первым «Словарем Академии Российской» (1792). Все словари, посвященные правильности русской речи, отмечают ошибочное употребление глагола *кушать* (вместо *есть*): «Правильность русской речи. Словарь-справочник». Изд. 2-е. М., 1965; «Краткий словарь трудностей русского языка». М., 1968. В устной речи *кушать* очень часто вытесняет глагол *есть*, нередко, к сожалению, попадает и в газетно-журнальные публикации, но в художественной литературе синонимы *есть* — *кушать* явственно сохраняют свои различия. Употребление глагола *кушать* в значении «есть» в современном русском обиходном языке — это результат своеобразного взаимного влияния и скрещения южно-русских диалектов и украинского языка. В украинском языке глагол *кушати* означает «пробовать, отвеживать» и, конечно, возможен в 1-м лице. Кроме того, для русского языка глаголы на *-ать*, *-аю*, (ср. работать — работаю, кушать — кушаю) продуктивны, т. е. распространены, их изменение по лицам представляет единую систему (работаю, работаешь...), в то время как глагол *есть* имеет свое особое изменение (ем, ешь...). Все это ослабляет позиции глагола *есть* и позволяет в обиходной речи грамматически правильному южному *кушать* вы-

тознять нормативное *есть*. В то же время самый факт постоянного «обыгрывания» особых оттенков в значении глагола *кушать* говорит о его неравнозначности *есть*.

Конечно, вопрос об употреблении слов не сводится к сумме отдельных примеров, как бы выразительны сами по себе они ни были. Вопрос этот более сложен. Неверное употребление слов может придать нашей речи ненужную торжественность, ложный пафос, либо излишнюю сюсюкающую ласкательность. Норма — это не произвол консерватора-пурриста или, наоборот, лингвиста, идущего «вперед прогресса». Наблюдая, отмечая и оценивая все новое в языке, отказываться от старых норм можно только с большой осторожностью. Если здесь пельзя отставать, то нельзя и торопиться, чтобы не нарушить естественное развитие живого языка.

А. А. БРАГИНА

ЛАТВИЙСКИЙ ИЛИ ЛАТЫШСКИЙ?

В русском языке названию страны и народа обычно соответствует одно прилагательное: Грузия, грузин — грузинский (Грузинская ССР, грузинский народ, грузинский чай, грузинский фольклор), Туркмения, туркмен — туркменский (Туркменская ССР, туркменская семья, туркменские ковры), Италия, итальянец — итальянский (итальянская опера, итальянский пейзаж).

Исключения из этого правила единичны, например: Финляндия — финляндский, финн — финский. К ним относятся также прилагательные *латвийский* и *латышский*. Первое соответствует названию страны — Латвия, второе — названию народа — латыши. В словарях, начиная со Словаря Д. Н. Ушакова (1938), приводится слово *латвиец*, *латвийка* «житель Латвии», однако реально эти слова вряд ли употребляются, так как национальность всегда обозначается словом *латыш*, а в случаях, когда необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о жителях Латвии, говорят: жители Латвии.

Согласно своему образованию названные прилагательные должны были бы четко различаться по значению: латвийский — относящийся к Латвии, латышский — относящийся к латышам (что и рекомендует наши толковые словари): Латвийская ССР, латвийская промышленность, латвийские топонимы, латвийское судостроительство. Параллельно прилагательному *латвийский* употребляется и форма родительного падежа — Латвии: промышленность Латвии, территория Латвии, но: латышские народные песни, латышский актрологический тип и т. п.

Однако приведенные примеры — крайние случаи разграничения этих значений, а в языке, как известно, имеется большое количество переходных случаев. Действительно, возьмем такие примеры: латвийский или латышский пролетариат, латвийское и латышское крестьянство, латвийская или латышская кинокартина, латвийская или латышская керамика и т. п. Можно ли сказать, что каждое из этих словосочетаний имеет свое значение? Строго говоря, это так. Но возможно (и нужно ли) в нашей многонациональной стране также четкое различение этих понятий в каждом отдельном случае? Не борьба ли это с ветряными мельницами?

Противопоставление этих двух прилагательных сглаживается тем, что в современном русском языке в подобных случаях обычно употребляется одно прилагательное (грузинский народ, эстонская песня), а значение, которое свойственно прилагательному *латвийский*, передает форма родительного падежа: пролетариат Грузии, искусство Эстонии.

Из факторов, поддерживающих разграничение понятий *латвийский* и *латышский*, следует назвать три:

1. Наличие в русском языке такого же смыслового противопоставления в словах *финляндский* (засвидетельствованного в словарях уже в 1864 году) и *финский*: финляндская территория, леса финляндские, финляндские пароходы, но: финская литература, финский народный эпос, финские племена (примеры из 17-томного академического Словаря). Однако влияние этой аналогии не следует преувеличивать.

2. Слова *латвийский* и *латышский* не становятся синонимами из-за различия их значений в латышском языке: *Latvijas PSR* — Латвийская ССР, *Latvijas ražojums* 'латвийское изделие', *Latvijas universitāte* 'Латвийский университет', *Latvijas brūnās* 'латвийские бурые' (порода коров), *Latvijas porcelāns* 'латвийский фарфор', но: *latviešu pasakas* 'латышские сказки', *latviešu humors* 'латышский юмор', *latvisks stils* 'латышский стиль', *latvisks profils* 'латышский профиль'. Надо согласиться, что это утверждение звучит не вполне убедительно, однако если учесть расширение и уг-

дублирование двуязычия, взаимодействие латышского и русского языков в Латвийской ССР, то разграничение значений *латышский* и *латвийский* в речи русских в Латвии, в том числе и в латвийской русской прессе, неизбежно (см.: газеты «Советская Латвия» и «Ригас Балсс»).

3. Слово *латвийский* представляется нам менее жизнеспособным, чем *латышский* (так же сужается сфера употребления слова *финляндский* в сравнении с *финский*). Однако то обстоятельство, что слово *латвийский* зафиксировано в официальном названии республики Латвийская ССР, гарантирует его употребительность.

Можно сделать следующий вывод: пока в активном фонде русского языка имеются оба прилагательных *латвийский* и *латышский*, рекомендуем употреблять слово *латышский* в сочетаниях: латышская народная песня, латышский фольклор, латышский акцент, латышские племена, латышское национальное блюдо, латышский орнамент и т. п.

В. Э. СТАЛТМАНЕ

КТО ТАКОЙ АБИТУРИЕНТ?

Судьба слова *абитуриент* в русском языке довольно любопытна. Появившись как заимствование из немецкого языка в середине прошлого века, оно первоначально употреблялось лишь в значении 'сдающий выпускные экзамены' (от латинского *abituriens, -entis* 'собирающийся уходить, уходящий').

В первые послереволюционные годы слово *абитуриент* на некоторое время вышло из употребления и появилось опять лишь в конце 20-х — начале 30-х годов в новых общественных условиях и в новом значении. Этим полузабытым словом стали называть выпускников школы, которым предстоит поступление в вуз. В известной книге тех лет «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнесва читаем: «Вечеринка была устроена по случаю окончания всеми нами второй ступени. Все мы теперь абитуриенты и, конечно, не такие совсем люди, какими были в школе. Но мы все же еще и не вузовцы, не студенты». Следует учесть, что в то время выпускники

школы, как правило, сразу становились студентами. Поэтому смысловое изменение слова вполне естественно: абитуриент — это 'поступающий в вуз выпускник школы' или просто 'поступающий'. Произошел метонимический перенос по смежности, и слово *абитуриент* стало употребляться вопреки своей буквальной этимологии.

Окончательное формирование нового значения слова относится к концу 40-х — началу 50-х годов. В это время *абитуриент* — обычное название для тех, кто, поступая в вуз (или техникум), держит вступительные экзамены и проходит отборочный конкурс. Слово окончательно оторвалось от своего латинского источника (тем более, что теперь *абитуриент* — совсем не обязательно вчерашний выпускник школы). Новое значение стало настолько привычным, что появилось даже полшутливое выражение *абитуриенты спецшкол* — о первоклассках, поступающих в школы с обучением на иностранных языках. В значении 'поступающий (в вуз)' слово *абитуриент* широко употребляется в деловой речи наших дней: в официальных документах, приказах и т. п.

В лингвистической литературе новое значение слова уже получило научное обоснование (см., например, статью И. Г. Добродомова в сборнике «Этимологические исследования по русскому языку». Вып. IV. М., 1963; заметку Ю. Степина в журнале «Русский язык в школе», 1963, № 3; словарь-справочник «Правильность русской речи» Института русского языка АН СССР. М., 1965). Известный широко «Словарь иностранных слов» под редакцией Ф. Н. Петрова и др., начиная с 6-го издания (1964), приводит оба значения слова: «*Абитуриент*... 1. Выпускник средней школы. 2. Тот, кто претендует на поступление в учебное заведение».

Однако споры вокруг слова *абитуриент* продолжаются. Писатель Б. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» (Л., 1963) предлагал вообще отказаться от этого слова ввиду его «ошибочности». В то же время живая языковая действительность наших дней дала своеобразный ответ на этот вопрос: в обиходной речи молодежи появилось словечко *абитур* (усечение от *абитуриент*) — в том же значении 'поступающий в вуз, сдающий конкурсные экзамены'.

Следует сказать, наконец, что в языке очень часто для обозначения новых явлений используется уже имеющийся «строительный материал», и при этом забытые или полужабытые слова начинают жить новой жизнью. Пришла, по-видимому, пора прекратить бесплодные споры по поводу нового употребления слова *абитуриент*.

Кандидат филологических наук
Л. И. СКВОРЦОВ

Ударение

О НОРМАХ УДАРЕНИЯ

Место ударения в русских словах устанавливается не случайным образом. Использование ударения в речи носителей русского языка является системой. Однако в употреблении ударения слов имеются различия, обусловленные существованием территориальных и социальных диалектов. Житель Архангельской области, например, скажет: *несетé, сосна*, а Московской области — *несете, сосна*. Моряк скажет: *комнас*, а представитель сухопутных профессий — *комнас*. Литературный язык, общий для всех говорящих по-русски, естественно, не может принимать все территориальные и профессиональные различия в постановке ударения. В нем исторически складывается определенная норма ударения. Она включает в себя правила, отражающие признаки ударения, общие всем территориальным и социальным диалектам, а в тех случаях, когда в диалектах имеются различия, норма избирает одни из существующих в употреблении ударений и запрещает все прочие. Так, нормативными считаются ударения *несете, сосна, комнас*, а ударения *несетé, сосна, комнас* — ненормативными. Норма ударения и ее исторические изменения отмечаются словарями и грамматиками русского языка. Правда, между рекомендациями словарей порою имеются расхождения, иногда в словарях отражается определенная традиция в постановке ударения, которая не соответствует повседневной практике. Это относится, в частности, к постановке ударения в словах *звонит* — *звóнит*. Ударение *звóнит* отражает особенности произношения, свойственные системе ударения жителей Москвы и Ленинграда (ниже мы на этом остановимся), а словари рекомендуют ударение *звонит*, отражающее старомосковское ударение.

Естественно возникает вопрос: как овладеть нормами русского ударения? Конечно, лучше всего в каждом конкретном случае обращаться к словарю: ударение запоминают вместе со словом. Именно так поступают, в частности, иностранцы, которые изучают русский язык. Однако активное владение языком предполагает также построение новых слов по некоторым правилам и образцам, используемым говорящими бессознательно. Именно поэтому у любого иностранца можно обнаружить «акцент». Чтобы избежать ошибок, нужно владеть правилами, которые лежат в основе нормы ударения.

Правила эти имеют двойной характер. Прежде всего, как расставить ударение в формах данного слова? В слове *водá* ударение падает на окончание во всех формах единственного числа, кроме винительного падежа, где ударение падает на основу: *водá, воды, водé, воду, водóй, о водé*. Во множественном числе ударение на основе: *вóды, вóдам, вóдами, о вóдах*. Когда основа многосложна, возникает дополнительный вопрос: на какой слог основы падает ударение? Оба эти вопроса можно решить, изучив непроезженные слова, входящие в русский язык. Можно составить достаточно полный словарь непроезженных слов, с помощью которого и русский, и иностранец сможет практически в любом непроезженном слове поставить ударение на основу или на окончание, а в случае ударения на основе — на нужном слоге. По нашим наблюдениям, этот словарь может состоять примерно из трех тысяч единиц.

Различия между ударением на основе и на окончании (а в глаголах, кроме того, перед суффиксом и на суффиксе), предписываемые нормой, можно представить в виде образцов. Для каждой части речи определяется сравнительно немного образцов: для существительных — 10, для прилагательных — 5, для глаголов — 15.

ОБРАЗЦЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В образце приводится ударение дательного падежа единственного и множественного числа и те формы, в которых ударение отличается от ударения дательного падежа каждого числа. Ударение остальных форм совпадает с ударением в дательном падеже.

1 — *ра́ку, ра́кам; болóту, болóтам; ли́пе, ли́пам;*

2 — *столу́, столáм; мечтé, мечтáм; очкú, очкáм;*

3 — *горé, горáм, гóру, горы́;*

4 — *любви́, любóвью;*

5 — *гóроду, городáм; пóлю, поля́м;*

6 — *зубу́, зубáм, зúбы; úху, ушáм, úши; дóбли, долéям, дóбли; нóчи, ночáм, нóчи;*

- 7— крюку́, крю́чкам; окну́, о́кнам; женé, жéнам;
 8— водé, вóдам, вóду;
 9 — гвоздью́, гвоздья́м, гвозди; губé, губáм, губы;
 10— лю́дям, людéй, людья́м; дéтям, детéй, детьмí.

ОБРАЗЦЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

- 1— краси́вый, краси́ва, краси́во;
 2— горя́чий, горя́ча, горячо́;
 3— го́рдый, го́рда, го́рдо;
 4— смешно́й, смешна́, смешно́;
 5 — дорогóй, дорогá, доро́го.

Все формы полных прилагательных имеют ударение, тождественное ударению именительного падежа мужского рода; формы множественного числа кратких прилагательных тождественны ударению кратких форм среднего рода. В кратких формах мужского рода нет окончания.

ОБРАЗЦЫ ГЛАГОЛОВ

1— краси́т, краси́ла, краси́ло (кра́шу, кра́сь, краси́ющий, краси́вший, краси́мый, краси́нный, кра́шена, кра́шено, кра́ся, -кра́сив, краси́ть);

2— но́сит, но́сила, но́сило (ношу́, носи́, нося́щий, но́сивший, но́симый, но́шенный, но́шена, но́шено, но́ся, -но́сив, но́сить);

3 — тре́плет, трепа́ла, трепа́ло (треплю́, треплю́, трéплющий, трéпавший, трéплемый, трéпанный, трéпана, трéпано, трепля́, -трепа́в, трепа́ть);

4 — крести́т, крести́ла, крести́ло (крещу́, крести́, крестя́щий, крести́вший, крести́мый, креще́нный, креще́на, креще́но, крестя́, -крести́в, крести́ть);

5 — ля́жет, лягла́, лягло́ (лежу́, ляг, лёгши́й, лёгши, лечь);

6 — мо́жет, могла́, могло́ (могу́, могí, могу́щий, мо́гший, мо́чь);

7 — коле́блет, колеба́ла, колеба́ло (колеблю́, колебли́, колеблю́щий, колеба́вший, колебле́мый, -колебле́нный, -колебле́на, -колебле́но, колебля́, -колеба́в, колеба́ть);

8 — ду́шит, душила́, души́ло (душю́, души́, ду́шащий, ду́шивший, ду́шимый, ду́шенный, ду́шена, ду́шено, -ду́шив, ду́шить);

9 — де́лит, дели́ла, дели́ло (делю́, дели́, де́лящий, дели́вший, дели́мый, де́ленный, де́лена, де́лено, де́ля, -дели́в, дели́ть);

10 — бере́дит, бере́дила, бере́дило (бережу́, бере́ди, бере́дящий, бере́дивший, бере́димый, -бере́жённый, -бере́жена, -бере́жено, бере́дя, -бере́див, бере́дить);

11 — чита́ет, чита́ла, чита́ю (чита́ю, чита́й, чита́ющий, чита́вший, чита́емый, -чита́нный, -чита́ла, -чита́но, чита́я, -чита́в, чита́ть);

12 — влечёт, влекла́, влекло́ (влеку́, влечи́, влеку́щий, -влеку́щий, влекóмый, -влечённый, -влечена́, -влечено́, влеча́, -влёкши, влечь);

13 — вьёт, вилá, ви́ло (вью, ве́й, вы́ющий, ви́вший, -ви́тый, -ви́та, -ви́то, -ви́в, -ви́ть);

14 — клюёт, клевáла, клевáло (клюю́, клюй, клюю́щий, клевáвший, клевáнный, клевáна, клевáно, клюя́, -клевáв, -клевáть);

15 — грызёт, грызла́, грызло́ (грызу́, грызи́, грызу́щий, грыз-ший, грызо́мый, грызённый, грызена́, грызено́, грызя́, -грызши, грызть).

П р и м е ч а н и е. Дефис перед основой глагола означает наличие любой приставки, кроме *вы-*: *вита́* — *завита́*, *навита́*, *свита́* и т. п.

После того, как неизпроизводные слова будут распределены по указанным образцам, мы решим для каждого вопрос, в какой форме и на каком слоге падает ударение на основу (или перед суффиксом), а в какой — на окончание (или на суффикс).

Вторая задача состоит в том, чтобы по ударению неизпроизводного слова и по особенностям аффиксации производного слова (суффиксам, приставкам) определить ударение производного слова. Решение этой задачи позволит правильно поставить ударение в практически неограниченном ряду слов. Например в слове *домище* ударение на суффиксе зависит от самого суффикса и от того, что в производящем слове ударение по крайней мере в части форм падает на окончание. В словах с суффиксом *-ище* ударение падает на суффикс, если в производящем слове есть ударение на окончании. Если ударение производящего слова во всех случаях падает на основу, в производных с суффиксом *-ище* ударение также падает на основу, причем на тот же слог основы: *домищу́*, *доми́щам* (*дóму*, *домáм*), но *базáрищу*, *базáрищам* (*базáру*, *базáрам*). Исключения из подобных правил обычно невелики.

В некоторых случаях норма предписывает ударение, которое обусловлено системой русского языка. Так, глаголы на *-ить*, соотносимые с однокоренными неизпроизводными глаголами на *-ать*, *-еть*, *-ти* (*-сти*) и т. п., имеют в качестве единственного или по крайней мере одного из возможных ударений 2-й образец (носит, носила, ср.: *несёт* — *несла́* — *нести́*). Еще примеры: *брóдит*, *брóдила́* (*бредёт*, *брелá*, *брести́*), *поло́жит*, *положи́ла* (*лежат*, *лежáла*, *лежáть*), *умóрит*, *умори́ла* (*умрёт*, *умерла́*, *умерéть*). Следовало бы ожидать ударение *звóнит*, *звони́ла*, однако словари рекомендуют *звони́т*, *звони́ла* (*звенит*, *звенéла*, *звенéть*). Запрет ударения *звóнит*, *звони́ла* носит явно искусственный характер, так как не опи-

рается на систему русского ударения. Однако до тех пор, пока словари не отменят запрет, возможно лишь *звонит, звонила*. Последний случай — традиционное ударение, свойственное старомосковскому произношению (об ударении в глаголе *звонить* см. статью В. Л. Воронцовой. — «Русская речь», 1969, № 4).

Можно привести и другие случаи искусственных ограничений на ударение. Ударение причастий глаголов на *-ить* за немногими исключениями зависит от ударения в формах изъявительного наклонения. Если в изъявительном наклонении ударение на окончании в 3-м лице единственного числа и на суффиксе в прошедшем времени изъявительного наклонения, в полных страдательных причастиях прошедшего времени ударение на суффиксе, а в кратких — на окончании: *сотворит, сотворила (сотворённый, сотворёна, сотворёно)* — 10-й образец; если в 3-м лице единственного числа изъявительного наклонения ударение на основе, а в прошедшем времени изъявительного наклонения на суффиксе, в страдательных причастиях прошедшего времени (и в полных и в кратких) ударение, как правило, перед суффиксом; *накопит, накопила (накопленный, накопиена, накопиено)* — 2-й образец.

В тех случаях, когда словари допускают двойное ударение в 3-м лице единственного числа изъявительного наклонения (принадлежность данного глагола к 2-му и 10-му образцам ударения), следовало бы ожидать, что в причастиях прошедшего времени также будет двойное ударение. И действительно, в некоторых случаях словари следуют этому правилу: *грузит и грузит, грузила (гружённый и гружённый), поит и поит, поила (поённый и поённый)*. Однако в большинстве случаев словари рекомендуют только одно из возможных ударений причастий: *белит и белит, белила (белённый), рядит и рядит, рядила (ряжешный, ряжешный [прилагательное])*. Второе ударение причастий, предсказываемое двойным ударением в формах изъявительного наклонения, в словарях либо не учитывается, либо отвергается как непорядочное: *забелит и забелит, забелила (забелённый, не: забеленный); перебелит и перебелит, перебелила (перебеленный, не: перебеленный)*. Иногда авторы словарей стремятся приписать одно из возможных ударений причастию, а другое — отглагольному прилагательному: *варит и варит, варила (варённый [причастие], варённый [прилагательное]), поит и поит (поённый [причастие], поённый [прилагательное]), солит и солит, солила (солённый [причастие], солённый [прилагательное]), чинит и чинит, чинила (чинённый [причастие], чинённый [прилагательное]), сучит и сучит, сучила (сученный [причастие], сучённый [прилагательное])*.

Нормативные словари, конечно, будут совершенствоваться, отражая не только сложившиеся традиции и опыт составителей,

но и научное проникновение в законы русского ударения. Однако следует подчеркнуть, что изменение норм ударения, конечно, не может быть произвольным. Оно может быть лишь следствием изменения ударения в русском литературном языке и диалектах. Наряду с ударением, отражающим практику разговорной речи, норма ударения всегда будет содержать предписания, рекомендуемые традиционное ударение.

Доктор филологических наук
В. А. РЕДЬКИН

СПИДОЛА

Название этого транзистора, выпущенного рижским заводом «ВЭФ», стало известным в русской речи в течение последнего десятилетия обычно с ударением на предпоследнем слове — Спи-дóла. Однако в речи встречается и другое ударение — Спíдола, которое можно услышать в русских передачах Латвийского радио и в речи говорящих на русском языке в Латвийской ССР.

Какой же из этих вариантов произношения считать правильным?

Spidola [spí: duola] — это латышское женское имя. Появилось оно в латышских календарях сравнительно недавно — в 70-х годах прошлого века. В это время в репертуаре латышских имен происходили большие изменения. Эпоха национального возрождения требовала и новых имен, а если таковых не хватало, то создавались новые. Наряду с традиционными христианскими именами стали появляться исконно латышские, почерпнутые из истории и мифологии (а также псевдомифологические) или образованные на почве латышских нарицательных имен. Так, в календаре 1879 года, составленном латышским прогрессивным поэтом Аусеклисом, в списке рекомендуемых имен можно прочесть в тогдашней орфографии Spihdala (от глагола spīdīt 'блестеть, блистать').

Поэт Пумпурс использовал это имя в энической поэме «Лач-плесис» (1888), а вслед за ним (с видоизмененным суффиксом Spídola) поэт Райнис в пьесе «Огонь и ночь» (1905). Spídola у Райниса — образ женщины, символизирующий вечное движение, прогресс, творческий гений человека.

С тех пор имя вошло в латышские календари. Однако в наре-
чении новорожденных это имя применялось крайне редко. Spīdola
в латышском языке осталось на уровне «литературного», не став
реальным, живым человеческим (правда, имя другой героини
упомянутой пьесы Райниса Laimdota стало довольно употребительным).

Имя Spīdola было использовано в качестве товарного знака для
обозначения разновидности транзистора и таким образом перешло
в другую область ономастики — в сферу имен собственных, обо-
значающих отдельные предметы, товары, учреждения и т. п. —
хремотони́мию (от греч. *ἄρτιον*, *ἀτος* «вещь, предмет, дело»).

Вернемся теперь к вопросу об ударении в слове Спидола в
русском языке.

Казалось бы просто — если слово заимствовано из латышско-
го языка (а в латышском ударение, как известно, фиксирован-
ное — всегда на первом слоге), то и в русском языке оно должно
произноситься так же. Но, как и всякое заимствование, слово
Спидола в русском языке подчиняется закону аналогии. Такие
слова, как *гондо́ла альвео́ла, ви́бла, пиано́ла, радио́ла*, диктуют
свое ударение и Спидоле. Можно предположить, что особое акцен-
тологическое влияние оказало при этом слово *радио́ла*, достаточно
употребительное и близкое по смысловой и предметной отнесен-
ности.

Итак, ударение слова Спидола в русском языке в настоящее
время колеблется между исходным Спидола и адаптированным
Спидо́ла с некоторым перевесом в сторону последнего.

Окончательный ответ на этот вопрос даст речевое употребле-
ние, языковой вкус говорящих. Цель нашей короткой заметки —
вскрыть причины колебания ударения в названии известного
современного транзистора.

В. С.

ЧАЙНВОРД «ЯЗЫКОВЕД»

(Ответы. См. № 3, 1971)

1. Варваризм. 2. Метафора. 3. Аффикс. 4. Синекдоха. 5. Ана-
пест. 6. Термин. 7. Небо. 8. Основа. 9. Акроним. 10. Мополог.
11. Грамматика. 12. Арго. 13. Ономастика. 14. Абзац. 15. Цезура.
16. Архаизм. 17. Метатеза. 18. Анахронизм. 19. Морфема. 20. Атри-
бут. 21. Троп. 22. Праязык. 23. Курсив. 24. Вид. 25. Дифтонг.
26. Генитив.

Чайнворд составил
К. М. Медведев (Кокчетав)

Грамматика

МЕСТОИМЕНИЕ ЭТОТ

Судьба слов в языке различна. Одни умирают с исчезновением обозначаемых ими понятий, другие с течением времени так маскируют свой первоначальный облик, что трудно понять их родословную. Точный возраст многих русских слов определить нелегко; доказать употребление их в прошлом можно, отметив эти слова в памятниках письменности, а древнейшие из памятников датируются лишь XI веком. Но и те слова, появление которых в письменных источниках относится к сравнительно позднему времени, могли с момента рождения употребляться веками только в разговорной речи, не имея доступа в официальный книжный язык. Такое положение пасынка долгое время занимало в русском литературном языке местоимение *этот*.

Первые примеры употребления слова *этот* (в XVI—XVII веках оно писалось *етот*) встречаются в «Парижском словаре московитов 1586 года»: *Thy zediello laito?* (Ты съдѣлал это?), и в «Памятниках обороны Смоленска 1608—1611 годов»: «Темъ поклажамъ ста меня старица клепала». В первой половине XVII века слово *этот* крайне редко используется в книжном языке; единичные случаи его употребления отмечаются в Воронежской грамоте (1615), в рукописной газете «Куранты» (1632).

По мнению профессора П. Я. Черных, местоимение *этот* употреблялось с давней поры в русских говорах, но в письменном книжно-литературном языке оно окончательно получило права гражданства только с середины прошлого столетия (см.: «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1949, вып. 8).

Почему же слово *этот* так долго не признавалось литературным языком?

Дело в том, что в русском языке издавна существовали три указательных местоимения, выражающие пространственные отношения: *сей*, *тот* и *оный*. *Сей* указывало на самый близкий к говорящему предмет, *тот* — на более дальний, *оный* — на самый отдаленный. Следы именно такой соотнесенности значений этих местоимений сохранились в сочетаниях *и то и се*, *о том о сём* и т. п.

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского местоимение *этот* (етот) не отмечено. Оно возникло, видимо, в более позднее время. По мнению крупнейших знатоков истории русского языка Ф. И. Буслаева, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, *этот* образовалось путем соединения двух ме-

стойменных основ *э* и *тот*: А. А. Шахматов полагал, что *э* — указательная частица, восходящая к общеславянскому корню *he*. ср. белорусское *гэты, гэто* (Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915). Интересно, что указательная частица *е* в значении 'вот смотри' употребляется в современном болгарском языке, а в русских говорах мы встречаем паречные образования с частицей *э*: *этамо, этут, этуда* (они отмечены в Словаре Даля); сюда же относятся и общелитературные разговорные *этак* и *этаким*.

В диалектах русского языка широко употребляются также формы *эвто, эсты, эшто*. А. Х. Востоков и А. И. Соболевский считали, что эти формы возникли в результате повторения предлога после *э*: в *э* в том, с *э* с тим, к *э* к тому. Длительное существование частицы *э*, к сожалению, не подкрепляется пока фактическим материалом памятников. (Несколько примеров, опубликованных в работах П. Я. Черных, не вполне убедительны. Так, *е* в письме Ф. Ю. Ромодановского Петру I от 8 апреля 1693 года — 'Моя е в том вина' — скорее сказуемое 'есть', чем указательная частица.)

Возникшее в разговорной речи местоимение *этот* стало синонимом местоимения *сей*. Впервые это отметил иностранец Лудольф, посетивший Россию в конце XVII века. Лудольф писал: «В разговорном просторечии чаще употребляется местоимение *этой*» (Б. А. Ларин. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937). Интересно, что употребление местоимения *этот* русскими людьми в конце XVI — начале XVII века отмечается и в других иностранных источниках, отразивших русскую разговорную речь той эпохи: «Парижском словаре москвитов» (1586), «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса» (1618—1619).

Из памятников русского языка XVII века наибольший интерес представляют материалы частной переписки, так как в них лучше всего отражена разговорная речь. В 784 письмах, недавно опубликованных Институтом русского языка АН СССР (изданные 1964, 1965, 1968) *сей* встречается 625 раз, а *этот* — лишь 12. Такой, на первый взгляд, огромный разрыв в частотности употребления двух местоимений объясняется особенностями эпистолярного жанра. Местоимение *сей* используется главным образом в традиционных формулах писем: в концовках (*По сем тебе государю своему челом бью; О сем тебе государю челом бью*), в устойчивых сочетаниях (*сие письмо, сего числа, преже сего, по сей час* и т. д.). Вне подобных устойчивых сочетаний и концовок *сей* встретилось лишь немногим чаще, чем *этот*. Если учесть, что местоимение *этот* мы находим в письмах людей разных сословий и из разных мест, то можно сделать вывод о достаточно широком его употреблении в русской разговорной речи XVII века. Один из первых русских словарей — «Лексикон» Федора Поликарпова (М., 1704) — еще не отмечает слова *этот* (этот). Но оно есть уже во всех последующих словарях: Вейсманновом Лексиконе (1731), Лексиконе (1762), Словаре Нордстета (1780).

Не все грамматики XVIII века признают *этот* в системе указательных местоимений русского языка. Так, мы встречаем его в «Грамматике» И. Горлицкого (СПб., 1730), в «Письмовнике» И. Курганова (СПб., 1769), но не находим в самом фундаментальном грамматическом труде XVIII века — «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (СПб., 1755). Ломоносов не упомянул *этот* рядом с *сей, тот, оный*, возможно, потому, что считал его просторечным, «деревенским» в отличие от нормативного для высокого стиля *сей*.

Напомним, что и «Словарь Академии Российской» (СПб., 1794) приводит местоимение *этот* с пометой «простонародное».

Учение Ломоносова о «трех штилях» препятствовало расширению сферы употребления *этот* в книжном языке. Простонародное *этот* допускалось только в произведения низкого стиля, например в ведевилли и комедии, и в них оно широко употреблялось уже в 60-х годах XVIII столетия. Так, в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» мы находим около 80 употреблений слов *этот, это*.

В начале XIX века степень употребительности местоимения *сей* значительно уменьшается. В произведениях А. С. Пушкина *этот* встречается 2433 раз, а *сей* — 1319 (Словарь языка Пушкина). К этому времени и Российская Академия наук признала права местоимения *этот* на широкое употребление в литературном языке: в словарях 1822 и 1847 годов оно приводится уже без пометы «простонародное».

Конкуренция со стороны местоимения *этот* была так велика, что в 30-х годах прошлого столетия развернулась дискуссия о допустимости использования еще недавно столь могущественного *сей* в литературном языке. Любопытно, что Пушкин, чаще употреблявший *этот*, все-таки выступил против изгнания *сей* из русского языка. В «Письме к издателю» (1836) он писал: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».

В середине прошлого века в защиту гонимого *сей* высказывается и В. И. Даль. В его «Толковом словаре» мы читаем: «Нет разумной причины на изгнание местоимения *сей*, заменяемое незвучным *этот*; оно осталось, впрочем, и в беседе, во многих реченьях и оборотах». Среди таких оборотов Даль называет *сегодня, по сию (по сию) пору, до сих мест, быть по сему, сию минуту* и др.

В наше время активность местоимения *этот* ничуть не уменьшилась. Есть мнение, что в простом предложении *этот* употребляется теперь даже шире, чем его «прародитель» *тот*. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» посвящает местоимению *этот* большую статью, отмечая пять его основных значений. А от бывшего могущества *сей* остались лишь жалкие следы: *сей* дается с пометой «устарелое», его употребление ограничено узким кругом перечисленных в Словаре устойчивых сочетаний. И если в XVIII веке предписывалось употреблять слово *этот* лишь в одном, низком, стиле, то теперь, в XX веке, жестко определена область использования слова *сей*. Еще в 1940 году «Толковый словарь» Д. Н. Ушакова помечал *сей* как «книжное», «устарелое», «риторическое», «официальное», «ироническое» (При сем препровождается. «К настойке страсть великую *сей* человек питал». Некрасов).

Вопрос о происхождении, развитии и употреблении местоимения *этот* в истории русского языка еще до конца не исследован. Ясно одно: на протяжении последних трех веков слово прошло путь очень интенсивного развития и прочно внедрилось в состав русского языка. Безусловно, решающую роль в вытеснении местоимения *сей* местоимением *этот* сыграла общая тенденция к демократизации русского литературного языка, проявлявшаяся уже в конце XVIII — начале XIX века.

И. П. ЛЫСАКОВА
Ленинград

ФОРМЫ СКАЗУЕМОГО

Сказуемое — зависимый главный член двусоставного предложения. Вместе с подлежащим, которому оно подчинено синтаксически, сказуемое составляет грамматическую основу предложения. Наклонение, время и лицо, свойственные сказуемому, — это опоры основного синтаксического значения предложения.

В предложении сказуемое одновременно выражает два значения — вещественное и грамматическое. Вещественное значение — это признак, который приписывается предмету, обозначенному в подлежащем (действие, качество, состояние и пр.: Мальчик рисует, продолжает рисовать, хочет рисовать; Мальчик был задумчивый, был в задумчивости). Грамматическое значение сказуемого складывается из наклонения, времени и лица, которые выражаются в соответствующих глагольных формах.

Соотношение вещественного и грамматического значений в слове или сочетании слов, выступающих в качестве сказуемого, определяет различия в грамматической форме сказуемого. Эти различия служат основой выделения типов сказуемого — простого и непростого.

В простом сказуемом оба значения заключены в одном слове или в сочетании, равнозначном слову: в спрягаемых формах глагола (закат *пылал*), глагольного фразеологизма (Марья Дмитриевна в нем *души не чаяла*) или описательного глагольно-именного оборота (Противник *оказал сопротивление*).

Непростое (или составное) сказуемое является двучленным: вещественное и грамматическое значение выражается в нем различными словами или сочетаниями, равнозначными слову. Основная часть обозначает действие в составном глагольном сказуемом (*Мы перестали ждать; Он должен был вернуться*) и качество, состояние в составном именном сказуемом (*Дни стали короче; Она была без чувств*). Вспомогательная часть выражает грамматические значения и зависимость сказуемого от подлежащего; она представляет собой спрягаемый глагол или содержит спрягаемый глагол (*Я желаю поговорить с вами — Я имею желание поговорить с вами — Я был намерен поговорить с вами*).

В конкретных формах простого и непростого сказуемого указанные общие грамматические значения выражаются различными средствами.

С различением вещественного и грамматического значения связано понятие соотносительных форм сказуемого. Соотноситель-

формы можно считать только формы, имеющие одинаковое вещественное значение. Следовательно, первое условие соотносительности форм сказуемого — выражение вещественного значения словами одного корня, одинаковыми по смыслу или очень близкими (Мальчик повеселел — стал веселым, стал веселее). Однако употребление в сказуемом однокоренных слов само по себе не создает равенства вещественного значения: формы слова, служебные слова могут заметно изменять содержание признака (Дом был с балконом — был без балкона). Равенство вещественного значения сказуемого — это полное совпадение содержания признака, передаваемого разными формами.

Соотносительные формы сказуемого различаются или средствами выражения вещественного и грамматического значения, или содержанием грамматического значения, или его показателями. В связи с этим можно говорить о разных видах соотносительности форм сказуемого.

1) Соотносительные формы принадлежат к одному типу (простому или непростому сказуемому) и выражают разные грамматические значения наклонения и времени (Ты поспал, поспишь, поспи, поспал бы и т. д.; Мальчик весел, будет весел, был весел, был бы весел).

2) Соотносительные формы одного типа сказуемого различаются некоторыми грамматическими значениями, например модальными и пр. Это разновидности одной конструкции сказуемого (Юноша был студентом, стал студентом, оказался студентом, казался студентом, считался студентом и т. д.).

3) Соотносительные формы принадлежат к разным типам, выражают одинаковые грамматические значения (модально-временные) различными средствами — это синонимичные формы сказуемого (Небо потемнело — стало темным; Мы повзрослели — стали взрослыми, стали взрослее).

4) Соотносительные формы относятся к одному типу и выражают одинаковые грамматические значения различными средствами — это варианты сказуемого (Мы победили — одержали победу; Сын казался хмурым — имел хмурый вид; Я намеревался ехать — имел намерение ехать — был намерен ехать и т. д.).

Остановимся более подробно на синонимах и вариантах сказуемого.

Синонимичными могут быть соотносительные формы глагольного и именного сказуемого, в которых используются слова одного корня. В глаголах содержится именное значение (качественное), а в именах — глагольное (значение действия, состояния). Значит, синонимика форм сказуемого зависит от словообразовательной связи глагола и имени.

Каждая из синонимичных форм сказуемого имеет свои оттенки грамматического значения, свою выразительность и стилистическое назначение. Рассмотрим эти особенности на примере нескольких синонимичных форм.

а) Простое сказуемое (спрягаемый глагол) — составное сказуемое (прилагательное со связкой): повеселел — стал веселым. Наличие синонимичных форм определяется возможностью образовывать глаголы от основ прилагательных и существительных. Глаголы обозначают возникновение качества, увеличение степени качества (чернеть — почернеть, взрослеть — повзрослеть, каменеть — окаменеть и пр.). Несовершенному виду глагола соответствует в

именном сказуемом несовершенный вид связки: *становиться, делаться* (чернели — делались черными, чернеют — делаются, становятся черными и т. п.), совершенному виду глагола — совершенный вид связки: *стать, сделаться* (повзрослел — стал, сделался взрослым и пр.; озверел — стал зверем, стал как зверь).

Каждая из синонимичных форм сказуемого имеет свои преимущества перед другой. Глагольное сказуемое отличается лаконичностью (грамматическое и вещественное значение — в одном слове) и динамичностью (качество предстает в возникновении и развитии). В составном именном сказуемом более ясно различаются оттенки увеличения степени качества (стал веселее, моложе) и обретения качества в полной мере (стал веселым, молодым). В глагольном (помолодел, повеселел и пр.) эти оттенки могут выявляться только с помощью контекста.

Указанные синонимичные формы сказуемого сами по себе не принадлежат определенному стилю речи, они нейтральны. Но в конкретном употреблении одна из них может быть более уместной. В переносном значении глагол точнее обозначает новое качество: «Давыдов сжал губы, *потемнел*» (Шолохов. Поднятая целина), ср.: Лицо его *стало темным*. Отдельные глаголы «специализируются» в образном и эмоциональном обозначении признака: «Что можно сделать, раз человек *осатанел?*» (Шолохов. Поднятая целина) — глагольное сказуемое в данном случае не может быть заменено именным.

б) Простое глагольное сказуемое — составное сказуемое (существительное в предложном падеже с предлогом *в* при связке *быть, пребывать, находиться*). Синонимичные формы сказуемого создаются однокоренными глаголами и отглагольными существительными со значением состояния: изумляться, восхищаться, недоумевать, восторгаться — *быть в изумлении, в восхищении, в недоумении, в восторге* и пр. «Все были в переполохе» (Зорни. Русская земля).

Форма именного составного сказуемого имеет стилистическую окраску книжности — во-первых, благодаря использованию отглагольных имен, во-вторых, из-за употребления связок *пребывать, находиться*. Эта форма предпочтается в тех случаях, когда нужно представить признак не как процесс, а как состояние, и подчеркнуть его статичность или постоянный характер: «Поезд был *в непрерывном движении*» (Паустовский. Беспокойная юность).

в) Составное глагольное сказуемое (со значением невозможности и нежелательности действия) — составное именное сказуемое (отглагольное существительное, имеющее значение лица — *житель, ходок, участник* и пр. — с частицей *не* при связке *быть*); «Я глупостей *не чтец*» — ср.: «Я не могу и не хочу читать глупости». Безусловно, «сильным», грамматически и стилистически выразительным является именное сказуемое. Сложное модальное значение в нем выражено лаконично и ясно. Отрицательное отношение к действию отчетливо проявляется при выражении подлежащего местоимением 1-го лица: «Я сей дорогой *не ходок*... Я изпод неволи *не проповедник*» (Лесков. Соборяне). Частица *не* является необходимым звеном данной конструкции сказуемого; без *не* именное сказуемое с подобными по образованию существительными имеет значение должностного и употребляется редко: «— Ты за них — *ответчик*» (Шолохов. Поднятая целина); ср.: «Тебе за них отвечать»; «Ты *должен* за них *отвечать*».

Форма именного сказуемого имеет разговорно-просторечную стилистическую окраску. Соотносительная форма составного глагольного сказуемого может быть стилистически равнозначна первой только при употреблении разговорно-просторечных вспомогательных глаголов: «При моей толщине и коротких ногах я по снегу *не хожу*» (Шолохов. Поднятая целина) — «Я... с детишками *не обучен воевать*» (там же). При использовании стилистически не окрашенных вспомогательных глаголов форма составного глагольного сказуемого нейтральна.

Варианты сказуемого существуют в пределах одного типа. Они создаются разными показателями грамматического значения сказуемого. В русском языке варианты формы имеет и простое и непростое сказуемое.

1) Варианты простого глагольного сказуемого создаются одинаковыми по смыслу глаголами и глагольно-именными описательными оборотами (посадить — сделать посадку, напасть — произвести нападение, помочь — оказать помощь и др.). В описательных глагольно-именных оборотах происходит утрата вещественного значения глагола. Вещественное значение описательного оборота заключено в отглагольном существительном. Глагол придает обороту значение действия и своими спрягаемыми формами выражает наклонение, время, лицо. Таким образом, в этих оборотах раздельно выражаются те же значения (вещественное и грамматическое), что и в соответствующем глаголе.

В простом сказуемом — описательном обороте — глагол не превращается в связку: он не только выражает грамматические значения, но и участвует в обозначении действия (оказал, окажет помощь — был, будет помощником).

Вариантные формы простого глагольного сказуемого имеют четкие стилистические различия. Спрягаемые глаголы — стилистически нейтральная форма. Описательные обороты имеют стилистическую окраску книжности. Поэтому они неуместны в обиходно-разговорном стиле речи: «Мы *произвели перестановку* мебели в комнате» — лучше: переставили (ср. и серьезное и ироническое обыгрывание Шолоховым стилистической окраски описательного оборота в записке Макара Нагульнова: «При описании имущества этого кулака он официально *произвел нападение* на присланного двадцатипятилетнего т. Давыдова и смог его два раза рубануть по голове железной занозой»). Напротив, в книжных стилях речи описательный оборот может оказаться более желательным, как официальный: «Луна-17 совершила мягкую посадку» — здесь нельзя: села.

2) Варианты составного глагольного сказуемого создаются употреблением вспомогательного спрягаемого глагола, либо глагольного оборота, либо сочетания именной формы со связкой (пожелал уехать — выразил желание уехать, приготовился слушать — был готов слушать). В качестве вспомогательных используются описательные обороты с глаголами *иметь* (намерение, желание, привычку), *дать* (обещание, зарок) и др. Эти обороты, как правило, придают форме сказуемого стилистический оттенок книжности или архаичности, который может быть использован, например, для создания иронического звучания: «— ...А то ведь командование нас до утра *не будить зарок не давало*» (Симонов. Живые и мертвые).

Вариантные формы составного именного сказуемого создаются употреблением в качестве связки описательных оборотов, подобных по значению глаголам-связкам: носить характер, иметь характер — быть, являться; иметь вид — казаться, выглядеть; принять вид — стать, сделаться и т. п. «Зеленщики имели завидно горделивый вид» (Сергеев-Ценский. Пушки выдвигают).

Формы сказуемого с описательной связкой обладают стилистической окраской книжности — в сравнении с нейтральными формами, использующими глаголы-связки. Сказуемое с описательными связками получает распространение в языке газеты как форма официального и публицистического стиля речи: «По ряду важнейших направлений советская наука занимает ведущее положение в мире» («Правда», 15 октября 1965).

Итак, соотносительные формы сказуемого показывают стилистическое богатство и гибкость синтаксического строя русского языка.

*Кандидат филологических наук
П. А. ЛЕКАНТ*

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Неделька

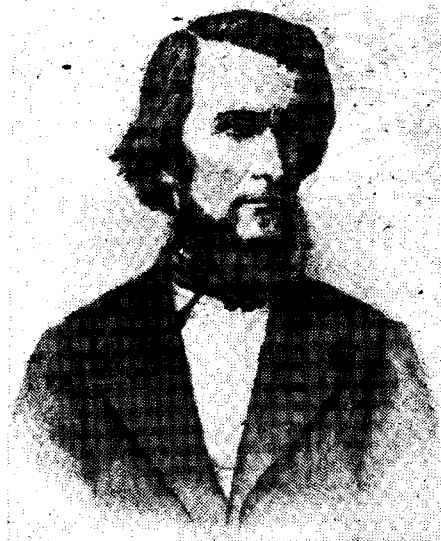
Во Владимирской области небольшой городок Юрьев-Польский — центр сельскохозяйственного района. Совхозные и колхозные земли вплотную подбираются к городским окраинам, а центральная усадьба одного из совхозов почти примыкает к городу. До войны шесть семей из этого совхоза получили разрешение построить свои дома в поле на пути между городом и совхозом. Потом к ним присоединилась еще одна семья.

И кто-то, любуясь бескрайними просторами полей, однажды обратил внимание на трогательную в своем одиночестве и отдаленности от другого жилья короткую линию домиков и в изумлении воскликнул: «Смотрите, семь домиков! Неделька!».

Никогда уж не узнать, кто первый произнес это слово. Может быть, и не одного человека вдохновил на ласковое название необычный вид крошечного поселка. Только название закрепилось прочно.

Лет двадцать «Неделька» еще оставалась одинокой в поле, а потом к ней стали как-то очень заметно подбираться большие и малые дома и вскоре совсем ее окружили. Район плотно застроен, но за местностью так и осталось название «Неделька». Большинство жителей происхождения названия теперь непонятно, но, конечно, живы еще многие свидетели ее рождения.

*А. Торлин,
краевед*

Школа

Один из наиболее одаренных, образованных и передовых людей своего времени, основоположник отечественной науки о воспитании, смелый преобразователь школы, К. Д. Ушинский отдал всю жизнь жертвенному служению делу народного образования. Представляют большой интерес взгляды Ушинского на воспитательную и образовательную роль родного языка, глубоко обоснованная им система работы по развитию речи и мышления учащихся. Его идеи важны не только в плане историческом, но полезны и необходимы нам в поисках путей и средств развивающего обучения.

Мировоззрение Ушинского на первый взгляд кажется противоречивым. Он был религиозным человеком и считал христианскую мораль источником нравственности. Но вместе с этим Ушинский в 1866 году открыто высказывается в защиту материализма и резко критикует идеализм Гегеля. Исследователи творчества Ушинского отмечают, что мировоззрение его развивалось в направлении от идеализма к материализму.

Ушинский в своих исканиях избрал в конце концов единственно правильный научный путь анализа фактов, о чем он сам говорил так: «Мы шли везде за фактами и настолько вели нас факты: где факты переставали гово-

К. Д. УШИНСКИЙ

О ЯЗЫКЕ

И ОБУЧЕНИИ

Родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний: с него начинается всякое понимание, через него проходит и к нему возвращается.

К. Д. Уш и н с к и й

рять, там мы ставили гипотезу — и останавливались, никогда не употребляя гипотезу, как признанный факт».

Неудивительно поэтому, что такие сложные вопросы, как происхождение языка, связь языка и мышления, проблемы познания и многие другие Ушинский решал с позиций довольно близких к современным научным воззрениям. Он говорит о происхождении языка, что язык не есть что-нибудь врожденное человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший с неба. Слово рождается из потребности. «Нет сомнения, что слово есть произведение объективна... В языке каждого народа слагаются результаты жизни, чувства, мысли бесчисленного числа индивидов, не только этого народа, но и множества других, язык которых он унаследовал...»

Язык, по Ушинскому, явление живое, развивающееся, «соединяющее отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое и историческое... целое». Ушинский, говоря о единстве языка и мышления, пишет, что речь основана на мышлении. «Развить в детях дар слова — значит почти то же самое, что развить в них логичность мышления»; «Развивать язык отдельно от мысли невозможно... развивать его преимущественно перед мыслью положительно вредно».

Взгляды Ушинского на язык исходят из общей теории познания, в которой познание рассматривается им как отражение объективной действительности. Первоначальные чувственные восприятия изменяются в результате умственной переработки, превращаясь в отвлеченные понятия, идеи, выражаемые в языке.

Процесс образования понятий, обозначаемых словами, сложен. Осознать то или иное понятие и выразить его в слове — это значит уловить общие признаки, мелькающие в массе единичных представлений.

«Слово поднимает рассудочную работу на высшую ступень, — говорит Ушинский. — Каждое слово для нас есть то же, что номер книги в библиотеке; под этим номером скрывается целое творение, стоившее нам продолжительного труда в свое время. Библиотекарь, знающий только номера и заглавия библиотеки, знает немного, но и человек, прочитавший все книги огромной библиотеки, но не знающий номеров и заглавий, бесполезно потерялся бы в ней. Слова, значение которых мы понимаем, делают нас обладателями громадной библиотеки нашей памяти: это произвольные значки, которые мы положили на бесчисленные творения, нами же выработанные».

Из всех этих предпосылок Ушинский делает выводы о воспитательном и образовательном значении родного языка, научных основах развития речи, правильном понимании сложных вопросов развивающего обучения, предостерегая при этом от возможных, иногда непоправимых ошибок.

Отмечая воспитательную роль языка, Ушинский пишет: «Родной язык является величайшим народным наставником. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле ... Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова».

Вот почему учебники Ушинского «Родное слово» и «Детский мир» так насыщены доступными пониманию детей произведениями народного творчества — пословицами, загадками, сказками.

«Пословица, несмотря на то, что она короче птичьего носа, представляет умственную задачу». «В пословицах, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями, — замечает Ушинский. — В них отразились все стороны жизни народа: до-

машинная, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, взгляды на природу, на людей, на значение всех явлений жизни». По форме поговорка — «проявление родного слова, вылетевшее прямо из его живого, глубокого источника — вечно юной, вечно развивающейся души народа».

Загадки Ушинский ценит за картинное описание предмета, за повод к интересной и полезной классной беседе, за возможность полезного упражнения для ума — «приладить отгадку к загадке».

В учебниках Ушинского много сказок, «этих блестящих попыток русской народной педагогики, созданных велагогическим гением народа». Народную сказку Ушинский ставит выше рассказов, написанных «парочно для детей образованной литературой». Такие рассказы, по его мнению, подделка, «детская гримаса на старческом лице». В народной сказке дитя-народ рассказывает детям свои детские грезы.

Мысль Локка «Нет ничего в познании, чего не было бы ранее в ощущении» Ушинский не только разделял, но и положил в основу своей дидактики. «Первая стадия в развитии разума, — говорил он, — это разумение чувственное. Первые наши учителя — это наши ноги, руки, глаза. Заменить все это книгами — это значит учить пользоваться чужим разумом, учить много верить и никогда ничего не знать». «Отсюда вытекает обязанность для первоначального обучения — учить дитя наблюдать верно и обогащать душу возможно полными, верными, яркими образами, которые потом становятся элементами его мыслительного процесса». «Должно детей вести так, чтобы они сами делали наблюдения и открытия».

А что получается, когда почему-либо нарушается этот дидактический закон? Слово без понимания смысла — это оболочка без ядра, скорлупа без ореха; «форма без содержания — мыльный пузырь», по выражению Ушинского. Формирование понятий без фундамента соответствующих представлений, запоминание без понимания, бездоказательное заучивание формул и выводов, принятых на веру, — все это приводит к так называемому формализму в знаниях, не развивающему мышление, а его отупляющему. Об этом Ушинский говорит с большим сожалением и горечью: «Готовые понятия и фразы, сыплющиеся в современное дитя из множества книг и уст, прежде чем оно само самостоятельно успеет подумать о чем-нибудь, составляет

большое зло современной цивилизации». Это зло прежде всего для обучаемых: «Смутный и призрачный хаос понятий и представлений, всезнание, соединенное с полнейшим невежеством, уничтожение любознательности, сильное ослабление памяти и пустое, раздутое самодовольство. Жалко смотреть на такое бедное создание, напоминающее собою цветок, развернутый руками, вялый и неспособный к свежей, сильной жизни»; зло обществу: «Сколько глубоких идей древности пропадает теперь даром именно потому, что человек заучивает их прежде, чем бывает в состоянии их понять, и так приучается их употреблять ложно и бессмысленно, что потом редко добирается до их истинного смысла».

Полноценное обучение должно быть развивающим ум и речь учащихся. Для этого нужны «упражнения, возбуждающие мысль и вызывающие выражение этой мысли в слове». При первоначальном изучении языка следует сравнивать, сопоставлять, группировать предметы. Главное — это сравнение. Ушинский считает, что без сравнения невозможно понимание, что сравнение лежит в основе мышления, все в мире познается сравнением: «Если вы хотите, чтобы какой-нибудь предмет был понят ясно, то отличайте его от самых сходных с ним предметов и находите в нем сходство с самыми отдаленными от него предметами: тогда только вы выясните себе все существенные признаки предмета, а это значит понять предмет».

В учебниках Ушинского также много упражнений на группировку предметов по родам и видам, на самостоятельность суждений, умозаключений, установление причинно-следственных связей. Хорошо развивать речь, наблюдая предметы и явления природы: «Лучшего предмета для бесед, как предметы естественных наук, выбрать невозможно. Эти предметы наглядны и находятся между собой в связи».

Развивая речь, нужно всегда заботиться о ее самостоятельности и точности: «Дитя может выразить ясно и самостоятельно ту мысль, которую и усвоит так же ясно и самостоятельно»; «Слово верно отражает мысль тогда, когда вырастает из нее, как кожа из организма, а не надевается, как перчатка, сшитая из чужой кожи»; «Лучше писать неловко и тяжело, да по-своему, чем чужими готовыми фразами».

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть актуальность изложенных положений для нашего времени, в част-

ности для обучения по новым программам. Почему-то сейчас принято считать, что старые программы давали детям известную сумму знаний и навыков, но мало их развивали. А вот новые программы таковы, что дети, учась по ним, разовьют умственные способности. Это вредное заблуждение. Сами по себе программы еще не решают задач развивающего и воспитывающего обучения. Все дело в учителе, творчески работающем по новым программам.

Учителю и заинтересованному родителю нужно дать научную психолого-педагогическую основу развивающего обучения, чтобы они могли творчески подходить к такому важному делу. Большую помощь в этом оказывают нам прогрессивные идеи Ушинского, которые, будучи, по признанию М. И. Калинина, «настоящими педагогическими идеями, только в нашем социалистическом обществе могут быть полностью осуществлены» (О коммунистическом воспитании).

Учитель
А. С. ШАРКОВ
Зеленогорск

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

О ФОРМУЛИРОВКАХ ЗАДАНИЙ

В 1969/1970 учебном году первые классы массовой школы занимались по новому учебнику русского языка (М. Л. Закожурникова, Ф. Д. Костенко, Н. С. Рождественский. Русский язык. Учебник для первого класса. Изд. 2-е. М., 1969).

К сожалению, язык этой книги далеко не безупречен.

1. В Учебнике много недочетов, которые обычно квалифицируют как видовой разноречивостью. Например: «Спишите, вставляйте пропущенные буквы... слова» (упр. 25, 45, 49, 66, 75, 91, 96, 117, 120); «Спишите. Делите слова для переноса» (упр. 32, 33, 34, 67, 77, 93, 94, 225, 348); «Напишите... прочитайте, изменяйте слова по смыслу... по образцу» (упр. 119, 132, 139, 140, 207, 327, 328);

«Спишите. Ставьте точки... ударения» (упр. 2, 178, 308, 324, 338). Обычно не принято в качестве однородных членов употреблять глаголы различных видов.

Параллельно, часто в рядом стоящих аналогичных упражнениях, авторы Учебника используют иные формулировки: «Спишите, вставьте пропущенные буквы... слова» (упр. 47, 85, 98, 121, 134, 137, 144, 147, 149, 153); «Спишите, разделите слова для переноса» (упр. 30, 35, 70, 71, 95, 142, 144); «Спишите, измените слова по образцу» (упр. 86, 94, 154, 209); «Спишите, поставьте точки... ударения» (упр. 169, 175, 182, 292, 342, 346).

Задание типа «Спишите, вставьте пропущенные буквы», очевидно, уязвимо с методической точки зрения. Последовательно расположенные глаголы совершенного вида обозначают смену и очередность действий (А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. I, М., 1961, стр. 308), в результате чего учащиеся могут вставлять пропущенные в словах буквы после того, как спишут весь текст. Употребляя «Спишите, вставляйте пропущенные буквы», авторы, скорее всего, хотели предупредить эти неправильные действия школьников. Но в таком случае следовало использовать не глагол, а деепричастие, ибо деепричастия от глаголов несовершенного вида обозначают одновременное с глаголом действие: «Спишите, вставляя пропущенные буквы». Именно такая формулировка дана во многих учебниках и пособиях. Но в заданиях к упражнениям Учебника деепричастия встречаются только три раза (упр. 126. Прочитайте слова по слогам. Напишите эти слова, не деля на слоги; упр. 203. Спишите, вставляя пропущенные согласные в словах; упр. 326. Закончите предложения, дописывая названия действий).

Можно предположить, что авторы Учебника сознательно избегали деепричастий, потому что последние, являясь принадлежностью книжной речи, «отсутствуют у ребенка в течение всего детства» (А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961, стр. 455). Составители книги для чтения в первом классе («Звездочка». М., 1969), думается, придерживались другой точки зрения. По нашим подсчетам, в книге в среднем на 6 страниц приходится одно деепричастие, причем четвертая часть их встречается в стихотворных текстах, многие из которых первоклассники учат наизусть.

Формулировка «Спишите, вставляя пропущенные буквы» не содержит речевых недочетов, безукоризненна в

методическом отношении; она может влиять на обогащение речи первоклассников такими необходимыми категориями, как дееспричастие.

2. Авторы не учитывают, что глаголы совершенного вида в сочетании с наречием *нельзя* выражают значение невозможности совершить действие, например: «По этой дороге нельзя пройти», а глаголы несовершенного вида в сочетании с *нельзя* выражают значение запрета или предостережения: «По этой дороге нельзя проходить» (Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1965, стр. 172).

Неразличение оттенков указанных значений приводит к тому, что в Учебнике параллельно употребляются следующие формулировки: «Выпишите слова, которые нельзя перенести» (упр. 28, 44) и «Выпишите слова, которые нельзя переносить» (упр. 31, 81), хотя в обоих случаях имеются в виду слова типа: кот, сад, там, шить, обед, этаж.

3. В Учебнике не всегда точно используется термин *ударение*. Например, к упражнению 164 дано задание: «Выделяйте голосом ударения». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова читаем: «Ударение. Выделение (слога, слова) силой голоса или повышением тона, а также значок, показывающий такое выделение». Следовательно, выделить голосом выделение, или, как иногда пишут, произнесение слога невозможно.

В упражнении 161 подобное задание сформулировано правильно: «Выделяйте голосом ударный слог».

4. В заданиях к некоторым упражнениям читаем: «Подчеркните мягкие согласные на конце слов вместе с мягким знаком» (упр. 80). Вместо «Подчеркните буквы, обозначающие мягкие согласные» авторы учебника прибегают к эллиптическому словоупотреблению. Формулировка неудачна, так как способствует смешению школьниками звуков и букв. Первokлассник должен уже понимать, что мягкими бывают звуки, а на письме можно подчеркнуть только буквы. С этой же точки зрения требуют редактирования и задания к упражнениям 43, 167, 212, 214.

Новый стабильный учебник русского языка для первого класса нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе и в отношении языка.

Кандидат педагогических наук

В. Я. БУЛОХОВ

Красноярск

МЫ ИЗУЧАЕМ РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Вы, как и все окружающие,
увлекаетесь увлечениями. Но что
этого не переживаете, так же вы
также переживаете.

2. В школе вы часто слышите
иногда слышите слова, которые
иногда слышите, слышите слышите
иногда слышите, слышите слышите
иногда слышите, слышите слышите

3. Русский язык — это предмет, который
любят изучать. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так

4. Русский язык — это предмет, который
любят изучать. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так

5. Русский язык — это предмет, который
любят изучать. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так
как все на свете. Это звучит не так

Любишь ли ты русский язык как предмет изучения в школе?

Русский язык — предмет изучения в школе. Это звучит не так интересно, как есть на самом деле. Мне этот предмет нравится, как и литература, но русскому языку я уделяю не всегда достаточно времени, поэтому в этой области в настоящее время меня постигла неудача (Ольга А.).

Люблю, когда все понимаю, урок учить хорошо. Но когда вызовут к доске и ты понимаешь, а учитель не дает сосредоточиться, велит отвечать с ходу или вообще не дает ответить, а вызывает другого, я злюсь и ненавижу русский язык втихую, про себя [...] (Виктор Ю.).

Русский язык я люблю, но больше всего я увлекаюсь математикой (Владимир Е.).

Мнения учащихся об изучаемом предмете, о преподавании его в школе всегда вызывают живой интерес читателей. Мы уже публиковали подборку материала под рубрикой «А что думают дети» («Русская речь», 1969, № 4). Речь шла об экспериментальном учебнике. На вопросы редакции отвечали ученики четвертых классов.

В одной из подмосковных школ учитель русского языка предложил восьмиклассникам анкету. На вопросы ответили 120 учащихся. Некоторые из этих ответов мы публикуем, надеясь, что они привлекут внимание читателей содержанием и формой (ответы даны без стилистической и пунктуационной правки; многоточие в квадратных скобках обозначает сокращение).

В. М. ПАНЬКИН

Русский язык в чем-то нравится мне и в чем-то не нравится. Я не могу сразу ответить на этот вопрос. Чтобы на него ответить, надо хорошенько подумать (Владимир Р.).

Русский язык как предмет изучения в школе мне нравится, хотя у меня по русскому тройка (Александр К.).

По сравнению с анатомией этот урок чем-то нравится, и как-то тянет на этот урок, и с охотой идешь и думаешь, что же будем проходить сегодня (Вячеслав С.).

Язык, речь нашего народа мне очень нравится, а потому изучать ее приятно. Я считаю, что свой родной язык надо знать на отлично. Ведь с какими-то другими «предметами» мы встречаемся в жизни значительно реже, чем с русским языком. Письма, посланные друзьям, стыдно писать с ошибками, и неприятно слушать речь неграмотного человека, да и самой говорить неправильно (Светлана П.).

Я люблю русский язык. Он необходим для жизни. Мне кажется, если человек русский, то он должен обязательно говорить и писать грамотно. Стыдно, если иностранцы начнут говорить и писать очень грамотно, даже лучше русских. У каждого свои мнения, но мои мнения таковы: русский язык нужно изучать и знать (Галина О.).

Русский язык изучать надо обязательно. Мне он не нравится. Почему — не знаю, просто, наверное, лодырь хороший я (Юрий И.).

Любить — люблю, а учить не люблю (Евгений Б.).

Я люблю предмет русского языка. Он мне дается, я все понимаю, учу правила. Вот некоторые говорят, что этот предмет дрянь,

а это говорят те, у которых плохие оценки и которым он не дастся. Я лично люблю русский язык (Марина С.).

Как предмет мне русский язык очень нравится, мне нравится выполнять упражнения. Мне очень нравится, как Вы что-нибудь нам объясняете, хоть и иногда я вас не слушаю, но Вы, надеюсь, меня простите (Наталья З.).

Люблю, потому что он мне легко дается (Михаил Х.).

К русскому языку я отношусь спокойно, так как диктанты я пишу обычно хорошо, правила учу не всегда (Владимир Л.).

При изучении русского языка твой лексикон становится обширней, что помогает при общении с окружающими. По-моему, наш родной язык очень многогранный. Особенно он пополнился новыми словами после Октябрьской революции. В его состав вошли такие слова, как: колхоз, совхоз, пионер, комсомолец, спутник. И вообще он стал очень распространенным во всем мире (Иван С.).

К русскому языку я отнесился небрежно, но сейчас понял, что без него плохо будет в жизни [...] Я скажу не тая, что я, когда учился в V классе, делал ошибку в слове *русский язык*, но после диктанта мне вошло в голову, что *русский язык* пишется через два с (Анатолий М.).

Мне русский язык как предмет изучения в школе нравится, а самое главное — мне нравится, как ведет его наш учитель (Надежда М.).

У каждого есть свой любимый предмет, но для меня все они одинаковы (Ирина И.).

Русский язык мне нравится, когда получу положительную оценку (Алексей И.).

Интересуешься ли ты происхождением слов?

Нет, не интересуюсь (Евгений Б.).

Происхождением слов я не интересуюсь. Иногда, читая книгу, увидишь какое-нибудь непонятное слово, начнешь спрашивать, никто толком ничего не скажет (Юрий С.).

Конечно! Ведь многие слова кажутся такими непонятными. И часто думаешь, почему же именно так называли тот или иной предмет (Светлана П.).

Интересуюсь. В воскресенье бывает такая передача по радио. Особенно я люблю, когда говорят, какие имена, откуда они произошли и что обозначают (Надежда П.).

Знаете, все как-то не интересовался (Виктор А.).

Некоторые слова я ни разу не слышал и поэтому обращаюсь к папе (Александр К.).

Я всегда слушаю передачу «В мире слов». Слушая эту передачу, мы узнаем, что два слова, похожие на первый взгляд, имеют разное значение. Русский язык должен знать каждый советский гражданин. Но мой брат не любит этот предмет, он не идет в школу, когда есть русский язык (Наталья П.).

В основном нет, потому что остается ужасно мало времени, которое я уделяю на «глотание» книг. Но все-таки в воскресенье удается послушать передачу, которая касается этого вопроса. На вопросы передачи я даже сумела ответить (нужно было найти пять-шесть поговорок о труде) (Ольга А.).

Иногда интересуюсь происхождением слов не иностранного происхождения, в больших случаях о происхождении русских слов я дохожу сам (Виктор Ю.).

Меня также интересует происхождение многих слов. Ведь это очень интересно, почему вот многие слова имеют при себе многие значения (Иван С.).

Не то чтобы интересуюсь происхождением слова, но иногда бывает и так, что услышу какое-нибудь слово и начинаю рыться в словарях, учебниках и просто в книгах, стараюсь побольше узнать об этом слове (Ирина Б.).

Все как-то времени не было, может, в будущем я и поинтересуюсь этим (Людмила М.).

Правильно ли говорят и пишут в твоей семье и замечаешь ли ты ошибки в речи окружающих?

В моей семье все грамотные, но иногда, конечно, встречаются слова, которые неправильно произносятся [...] Замечаю, но не обращаю на это внимание (Ирина Ч.).

В моей семье в основном говорят обычным для нашего времени языком [...] Преподаватели предметов, ведь они тоже люди и в своих речах допускают некоторые ошибки на ударения и в предложениях (Иван С.).

У нас в семье все грамотные, кроме двух бабушек, они часто говорят неправильно слова, а пишут не то чтобы всегда грамотно, а одна бабушка совсем писать не умеет (я имею в виду всех моих родных) [...] Честно говоря, за всеми преподавателями, то есть за их речью, я не слежу, но в речи учительницы по анатомии как-то невольно это замечаешь, она одно и то же слово может повторить раз пять, а это очень заметно (Ирина Б.).

Я не замечаю, ну вообще встречаются простонародные выражения, слова. [...] Да вроде нет, ведь все учителя учились произношению слов (Михаил Х.).

Когда как (Надежда К.).

В семье у нас говорят все правильно, только папа немножко говорит по-деревенски, правда, только некоторые слова (Наталья З.).

В моей семье мама и папа окончили по 8 классов, говорят и пишут грамотно. Есть бабушка, она вообще даже и не видела раньше книги, но сейчас читает понемногу, а говорит неправильно (Марина С.).

[...] Я иногда поправляю их (родителей), но это бывает редко. Например вместо *магазин* говорят *магáзин*, вместо *сейчас* — *щас*. Но и сама я, конечно, много слов говорю неправильно, но чем дальше я учусь, тем больше говорю правильных слов (Людмила М.).

В семье у меня говорят не все правильно, например отец [...] Часто в словах ставит неправильно ударение, также он делает много ошибок в правописании [...] Так как учителя закончили институты и вузы, то произношения у них должны быть правильными. И мне кажется, что учителя все говорят красноречиво и правильно (Александр К.).

У нас в семье разговаривают правильно и пишут тоже, иногда исправляют меня, ведь я еще плохо знаю русский (Наталья П.).

Вот в разговоре я не замечала, что кто-нибудь выражался неправильно. Наша семья состоит из трех человек: мама, папа и я. Бабушка наша живет в деревне, и поэтому мне кажется, что говорят у нас все правильно. Мой папа (он занимается в вечерней школе) учится, учится он ничего (на 4, редко бывает 3). Мне нравится, как он пишет сочинения. Мама моя работает табельщицей, и у нее в табеле не должно быть так же ошибок, как у нас в диктантах (Светлана П.).

Говорят в моей семье правильно, но пишут не всегда. Мама моя всегда пишет письма без запятых, без точек. Начало с большой буквы пишет и только в конце письма ставит точку (Надежда П.).

В семье моей говорят правильно. Мать окончила 8 классов, а ошибки ляпает одну на одну. Отец, который учился в войну и окончил всего 6 классов, пишет грамотно и красиво (Алексей И.).

В нашей семье в основном сознательные люди, говорят правильно, но бабушка иногда почему-то вместо *кладу* говорит *ложу*. Нам с мамой приходится ее исправлять, что сопровождается пререканием с обеих сторон (Ольга А.).

В семье говорят правильно, а тем более пишут, но иногда папа нутя исказит какое-нибудь слово [...] Мне кажется, да, но не обращай на это внимания, так как я раньше очень любил исправлять взрослых и очень сильно за это страдал. Люблю блеснуть своим интеллектом, люблю вставлять древнерусские слова или заграничные слова, но часто не понимаю их значения, а просто слышал, в каких случаях употребляют их другие (Виктор Ю.).

В семье говорят все правильно, за исключением бабушки, которая упорно твердит вместо *ц* букву *ч*, например: курица; чипленок; ну так што? [...] Неправильные выражения, написания у педагогов довольно редкие, но все-таки встречаются, например учитель по физике вместо *одновременно* говорит *одновременённо* (Владимир Е.).

Нет, в моей семье говорят неправильно. Моей бабушке 86 лет, она не может ни читать, ни писать. Такое скажет, что не удержившись от смеху [...] Да, замечаю (Людия М.).

В семье у нас говорят и пишут правильно, и если я сделаю ошибку на письме или при разговоре, то меня исправляют (Геннадий Б.).

Кажутся ли трудными правила, которые мы проходим в школе?

Правила мне трудными не кажутся, прочитаешь раз, и все понятно. Правила писать правильно мне не помогают. А из правил знаю я, что *ча — ща* пишется с буквой *а*, да частица *не* с глаголами пишется отдельно (Юрий И.).

Не правятся. Непинтересно (Евгений Б.).

Когда пойму урок, то не трудные, а если нет — трудные. Если я пишу не спеша, то вспоминаю правила, но если спешу, то тут не до правил (Ирина Б.).

Правила, если их учить хорошо, всегда будут казаться легкими. Правила я учу, но я их быстро забываю и больше пишу механически. На диктантах я все правила забываю и даже простые слова забываю, как писать (Виктор А.).

Кажется трудным правило, когда его зубришь и не понимаешь, а это приходится делать часто. Пишу я интуитивно всегда и часто делаю не ошибки, а описки. И лишь на диктантах я уверяю, что написал (Виктор А.).

Иногда как, но чаще всего нет. Конечно, правила помогают мне правильно писать, но иногда я пишу автоматически (Лидия М.).

Чтобы правила не казались трудными, их надо хорошо понимать. Обычно я пишу, не обдумывая каждое слово, но все же обращаюсь к правилам: например при расстановке запятых, правописании корней, приставок и т. п. (Геннадий Б.).

В русском языке есть правила, которые нетрудные, но есть и трудные, например «обособление». Я его не очень понимаю (Вячеслав С.).

Я почти что все диктанты пишу интуитивно, не применяя правил и даже сама удивляюсь, что они у меня пишутся правильно (Наталья З.).

Правила в русском языке нетрудные, поэтому они должны помогать всем. Когда я пишу диктант или что-нибудь другое, я пишу и по правилам, и наобум (Ирина Н.).

Правила, которые мы изучаем, особенных трудностей не представляют собой, просто мы их не учим. Я пишу иногда по правилам, когда быстро пишешь, не обращаешь на них внимания (Ирина Ч.).

Правила, которые мы учим, легкие, но много лени во мне, так говорят и мои родители (Анатолий М.).

Правила, которые мы учим, в основном нетрудные. Но и бывают среди них и сложные, которые требуют неоднократного разбора. Правила, которые мы изучаем, очень полезны (Иван С.).

Считаешь ли оценку за диктант справедливой?

По-моему, преподаватели изучаемых мною предметов требований не завышают (Владимир Р.).

Мне безразлично, что поставят (Евгений Б.).

С оценками я полностью согласна, что заработала, то и получила (Ирина Б.).

При проверке работ учащихся учитель очень правильно оценивает твою работу, ведь всякому учителю хочется, чтобы все ученики были хорошими (Иван С.).

На эту тему можно было бы поговорить, посмотреть мой дневник за VI класс, на эту тему Вы мне несколько листов попортили (Виктор Ю.).

Чем строже судят, тем лучше для нас, как говорят, на ошибках учимся (Виктор А.).

Учителю с его знаниями виднее, ведь он тоже был в VIII классе [...] (Марина С.).

Учитель должен быть строгим, иначе никто ничего не будет знать (Галина О.).

В некоторых — да, в некоторых — нет. Меня взволновал случай. Мне Нина С. сказала, что у нее такие же ошибки, как у Гали К., но Нине С. поставили 3, а Гале К. поставили 4. Так поступают и другие учителя (Ирина Н.).

В какой степени влияет чтение художественной литературы на твою грамотность?

При чтении книг я обращаю внимание на правописание, потому что эти слова встречаются в речи людей, в диктантах, и их необходимо знать (Наталья П.).

Читая художественную литературу, я не обращаю внимания на знаки препинания и написание слов (Иван С.).

Нет. Я вообще мало читаю (Михаил Х.).

Если бы я не читала много книг, мне было бы гораздо труднее писать грамотно (Надежда М.).

Книги мне всегда помогают правильно писать, и если я читаю книгу и попадаются непонятные слова, то я перечитываю фразу несколько раз и обязательно смотрю словарь, если они есть (Владимир П.).

Вообще художественной литературой не увлекаюсь (Владимир Р.).

На правописание слов я не обращаю внимания, меня больше интересует суть произведения (Надежда П.).

Я прочитал много книг, но что в них пишут, я через два дня забываю (Виктор А.).

Не обращаю внимания на правописание, так как при чтении занят изучением более крупных проблем (Виктор Ю.).

Смотря какая книга. Когда я читаю произведения Диккенса, Лондона, Драйзера, Толстого, Виктора Гюго и др., то события меня так захватывают, что я слежу только за течением событий, а не за расстановкой запятых и правописанием слов, хотя это приходится делать, когда читаешь Вальтера Скотта (Ольга А.).

Твое мнение об учебнике русского языка

Учебник мне нравится, но есть в нем некоторые сложности для учеников: большие упражнения (Ирина Н.).

Мне учебник нравится, и я не могу сказать, что не нравится (Анатолий М.).

Не могу ничего сказать, так как никаких чувств к нему не питаю (Оля А.).

Сухо написан учебник (Виктор Ю.).

В учебниках нужно писать подробно, а не намеками (Виктор А.).

Нравится учебник истории. Вообще очень люблю красивые иллюстрации, но ведь в этом учебнике (русского языка) иллюстрировать нечего, поэтому он меня «удовлетворяет» (Светлана П.).

Учебник русского языка не может мне не понравиться, ведь без русского языка не денешься (Михаил Х.).

Не нравится оформлением (Алексей И.).

В учебнике русского языка хорошо бы поместить словарь (Геннадий Б.).

Учебник русского языка мне не нравится тем, что в нем много правил (Юрий И.).

М. В. Ломоносов в статье «О России прежде Рюрика» писал, что славянские и балтийские языки очень близки в словарном составе и грамматических формах. Он полагал, что близость этих языков можно объяснить лишь общим происхождением. Исследователи по-разному объясняли происхождение балтийских (литовского, латышского и прусского) и славянских языков. Почти целое столетие господствовало мнение, что балтийские языки произошли от славянских (такое мнение разделял и Ломоносов). Позднее, когда в языкознании ведущим стал сравнительно-исторический метод, были созданы теории о едином балто-славянском праязыке, о параллельном развитии балтийских и славянских языков. Однако никто из сторонников этих теорий, даже самые ревностные, в дискуссиях со своими оппонентами не пытались отрицать того факта, что славянские и балтийские языки в семье индоевропейских наиболее близки и похожи.

Разумеется, такими их видят только ученые. Тысячелетнее самостоятельное развитие языков сделало свое дело: сегодня уже русский или носитель любого другого славянского языка не поймет, о чем говорит литовец или латыш, и наоборот. Так, русский читатель вряд ли

догадается, что приведенные ниже строфы на литовском и латышском языках — это отрывки переводов стихотворения великого русского поэта Пушкина:

ŽIEMOS VAKARAS

Vėtra šėlsta, niaukia dangų,
Sukas sniego sūkuriuos,
Tai sukauks žvėrim prie langų
Taip kaip vaikas sudejuos...

Перевод на литовский К. Бинкиса

ZIEMAS VAKARS

Sniegs pa gaisu griežas aukā.
Vētra traucas miglu jaukt:
Te kā zvērs tā gaudo laukā,
Te kā bērns sāk tumsā saukt.

Перевод на латышский К. Крузы

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Действительно, литовский и латышский тексты сами по себе достаточно далеки от русского оригинала. И вместе с тем, если человек, не знающий литовского и латышского, сопоставит эти переводы с переводами той же строфы на другие языки мира, то при внимательном изучении придет к убеждению, что, кроме славянских языков, строфы на литовском и латышском наиболее близки к тексту оригинала. Кроме того, надо иметь в виду, что это не подстрочник и не перевод прозы, а поэзия, где перевод наиболее удаляется от оригинала. Для более полной картины близости славянских и балтийских (литовского и латышского) языков попробуем сделать анализ русского текста стихотворения Пушкина, подыскивая соответствия русским словам в литовском и латышском языках.

Зима имеет наиболее точные соответствия в литовском žiema и латышском ziema.

Вечер соответствует литовскому vakaras, латышскому vakars.

Буря не имеет прямого соответствия в балтийских языках; тем не менее его можно связать с латышским bauņot 'мычать', литовским rabūtiāi 'бурно, быстро, стремительно'.

Мгла по форме и по значению точно соответствует литовскому migla, латышскому migla.

Небо (множ. число *небеса*) соответствует латышскому *debess* 'небо', литовскому *debesis* 'туча'. В балтийских языках изменен начальный согласный слова (*d* получилось из *n*). В литовском изменилось и значение. Скорее всего для первобытного человека не было большой разницы между понятиями 'небо' и 'туча'.

Крыть по значению несколько отличается, но по форме совпадает с литовским *krauti* 'наваливать, накладывать, грузить', латышским *kraut* (то же).

Вишь соответствует литовскому *viesulas* и латышскому *viesulis*, только у балтийских слов другой суффикс.

Снег и по форме и по значению точно соответствует литовскому *sniegas*, латышскому *sniegs*.

Зверь — литовское *žvėris*, латышское *zvērs*.

Он, она — литовские *anas, ans*.

Соответствия русскому *плакать* в балтийских языках по значению расходятся: литовское *plakti* 'драть, пороть, бичевать; биться', латышское *placināt* 'плющить'. Далекие значения этих балтийских и славянских слов станут гораздо ближе, если вспомним, что первичное значение слова *плакать* в славянских языках было 'бить себя в грудь', ср. также родственное слово из другого индоевропейского языка: латинское *plango* 'от горя бью себя в грудь; громко оплакиваю кого-нибудь'.

Дитя имеет очень интересные соответствия в балтийских языках: литовское *dėlė* 'пиявка' и *pirmdėlė* 'корова, отелившаяся впервые', латышское *dēls* 'сын'. Все эти слова связаны значениями 'кормить грудью', 'сосать'.

Так много и таких точных соответствий русским словам в этих строках Пушкина, как и вообще лексике русского и других славянских языков, мы не найдем ни в какой другой группе индоевропейских языков.

В наше время на балтийских языках говорят два народа Советского Союза — литовцы (около двух с половиной миллионов человек) и латыши (около полутора миллионов). Кроме того, около полумиллиона литовцев и латышей проживают как эмигранты в других странах (больше всего в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, Австралии).

Науке известен и третий язык балтийской группы — древнепрусский, на котором еще в XVI веке говорили люди, жившие на территории нынешней Калининградской области и в близкой к ней части Польской Народной Республики. 400-летний гнет ордена крестоносцев привел к

тому, что в конце XVII века пруссы окончательно слились с завоевателями, потеряли свой язык.

О прусском языке мы можем получить довольно хорошее представление по трем сохранившимся прусским катехизисам (I и II изданы — 1545, III — 1561) и двум небольшим рукописным словарям (I — около 1400 г., II — начало XVI в.). Эти письменные памятники дополняются прусскими личными именами и названиями местностей, которые мы находим в документах на других языках.

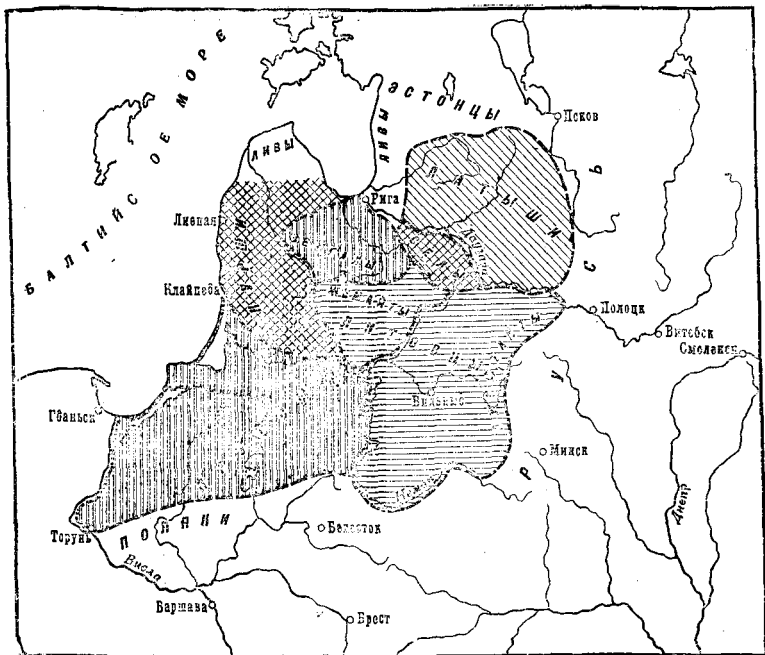
Самый значительный памятник прусского языка — катехизис 1561 года: он больше других по объему, а кроме того, в нем отмечена долгота ударных слогов, что позволяет ученым сделать определенные выводы об ударении в древнепрусском языке. Этот катехизис был переведен с немецкого языка пастором Абедем Виллем с помощью одного крепостного. Вообще язык всех памятников прусского языка довольно изуродован: переводчики и составители словарей плохо знали прусский язык, да и сам язык к тому времени уже находился под сильным воздействием других языков.

Видный польский языковед Ян Отрембский метко назвал прусский язык любимым детищем индоевропейцев. Действительно, эти, как будто и незначительные с первого взгляда, прусские тексты — последние документы умершего языка — уже почти полтора века привлекают внимание ученых. На языках мира о древнепрусском языке написано множество статей и монографий, заканчивает большой труд московский языковед В. Н. Топоров.

В лингвистической и исторической литературе нередко упоминаются и другие умершие племена балтов — ятвяги, куроны, жемгалы, селоны; однако эти племена исчезли, не оставив никаких письменных памятников.

Первая литовская книга — катехизис М. Мажвидаса — издана в 1547 году, первая латышская книга (также катехизис) — в 1585 году. В 1653 году издана первая грамматика литовского языка, а первая грамматика латышского языка вышла в свет в 1644 году. Обе эти грамматики написаны на латинском языке. Может быть, наиболее значительный памятник древних балтийских языков — литовская «Постилла» М. Даукиши (1599), написанная превосходным языком, к тому же на большей части текста в ней расставлены ударения.

Интересен вопрос о территории расселения древних балтов, который вызывает много споров. В них принимают

Балтийские племена в XIII веке

Карта из книги: К. Buga, Rinktimai raštai, III t., Vilnius, 1991

участие археологи, языковеды, историки, этнографы. Большинство ученых пришло к единому мнению, что территория древних балтов была намного больше, нежели бассейны рек Немана и Даугавы. Еще в 1897 году А. А. Кочубинский в статье «Территория доисторической Литвы» высказал мысль, что территория балтов распространялась до бассейнов Припяти и Березины. В качестве основных аргументов этой гипотезы ученый выдвинул гидронимы (названия рек и других водоемов) балтийского происхождения, встречающиеся на данной территории. А. Л. Погодин в книге «Из истории славянских передвижений» (Варшава, 1901) «продвинул» территорию балтов еще больше на восток. Видный литовский языковед К. Буга тщательно изучал гидронимы балтийского происхождения на нынешней славянской территории. Советские языковеды В. Н. То-

поров и О. Н. Трубочев в книге «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (М., 1962) удачно обобщили все имевшиеся исследования в этой области и на основе новых фактов уточнили южные и восточные границы прародины балтов.

В исторических документах раньше всех упомянуты племена западных балтов. Римский историк Корнелий Тацит (55—120) в труде «Germania» говорит о балтийских племенах «Aestiorum gentes» (астийцах), обитающих на побережье Балтийского моря, которые собирают янтарь, «выращивают хлеба и другие плоды более терпеливо, нежели ленивые германцы».

Название Литвы первый раз встречаем в 1009 году. В одном документе на латинском языке написано: «В 1009 г. святой Брунон, он же Бонифаций, архиепископ и монах, на втором году своего обращения, получив удар в голову от язычников на пограничье Руси и Литвы (in confinis Rusciae et Lituae), со своими 18 сподвижниками 23 февраля отправился в рай».

В XI веке название Литвы встречается уже в русских летописях: наряду с другими прибалтийскими народами в них упоминается и Литва. Эта форма должна была произойти от литовской Lietuva. Значит, русские познакомились с названием Литвы из уст самих литовцев. Позднее из названия Литва появилась теперешняя русская форма Литва, проникшая и в другие славянские языки.

Как полагает К. Буга, от общего праязыка балтов прежде всего отделился древнепрусский язык, а позднее, по его мнению, не раньше VII века нашей эры, выделились самостоятельные языки — литовский и латышский. Советский литовский языковед В. Урбутис попытался определить время сформирования литовского и латышского языка при помощи так называемого метода глоттохронологии, или лексической статистики. Результаты, полученные таким методом, говорят, что эти языки существуют как самостоятельные примерно 1300 лет, что соответствует предположению К. Буги.

Балты и славяне испокон веков были соседями. Многовековые контакты балтийских и славянских языков особенно ярко отражаются в лексике балтийских языков. Сравнительно-историческая фонетика показывает, что первые славянские заимствования появились в балтийских языках уже 1000 лет назад. Из славянских языков в балтийские перешли слова не только славянского происхож-

дения: от славян балты переняли многие заимствования из греческого, латинского, германских и других языков.

Ровно 100 лет назад в Литву, в окрестности Людвинаваса, приехали два молодых воспитанника Московского университета — Ф. Ф. Фортунатов и В. Ф. Миллер, позднее ставшие учеными с мировым именем. В 1872 году в «Московских университетских известиях» они опубликовали собранные ими литовские народные песни. В конце сборника песен Фортунатов писал: «Едва ли другой индоевропейский язык столь богат диалектическими оттенками, как язык литовской... Каждые десять, двадцать верст можно уже подметить некоторые особенности, интересные в этимологическом, фонетическом или лексическом отношении. Часто в одной местности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая в других говорах». Несколько лет спустя Фортунатов приступил к чтению курса литовского языка в Московском университете. Эти лекции посещали многие студенты, в будущем ставшие видными русскими и западноевропейскими языковедами. Среди них был и выдающийся литовский лингвист, основоположник литовского литературного языка Йонас Яблонскис (1860—1930). Кроме Фортунатова, в разных университетах России литовский язык преподавали выдающиеся ученые И. А. Бодуэн де Куртене, В. К. Поржезинский и другие. Лекции Фортунатова в некотором смысле способствовали тому, что литовский литературный язык сформировался на основе диалектов так называемых западных аукштайтов.

Западноевропейские ученые стали интересоваться балтийскими языками (особенно литовским) сразу после возникновения сравнительно-исторического метода в языковедении. Важным событием в истории изучения литовского языка было издание научной грамматики этого языка немецким ученым А. Шлейхером (Прага, 1856). После выхода в свет грамматики Шлейхера зарубежные языковеды не раз посещали Литву, чтобы из уст самих литовцев познакомиться, по словам Фортунатова, с «чертами глубокой древности». Видный французский языковед А. Мейе даже заметил: «Тот, кто хочет знать, как говорили наши предки, должен приехать послушать, как говорит литовский крестьянин». Исследователей индоевропейских языков особенно удивлял тот факт, что сохранившиеся формы литовского языка сильно напоминают формы древнеиндийского языка — санскрита. Некоторые совпадения действительно поразительны. Например:

dūmas	dhūmas	дым
sūnus	sūnus	сын
vilkas	vrkas	волк
avis	avis	овца
antras	antaras	второй

Многие западноевропейские языковеды не верили в будущее литовского и латышского языков. Они полагали, что литовцы и латыши, подобно другим балтийским народам, вскоре исчезнут. Своими исследованиями они стремились зафиксировать факты духовной культуры этих народов для будущих поколений. Однако они глубоко ошиблись. Сегодня литовский и латышский языки — это языки двух социалистических наций Советского Союза, а произведения искусства и науки, созданные и создаваемые на этих языках, известны далеко за пределами не только Литвы и Латвии, но и всего Советского Союза.

Исследование балтийских языков стало особенно интенсивным в годы Советской власти. Центром изучения литовского языка является Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР в Вильнюсе, а центром исследования латышского языка — Институт языка и литературы АН Латвийской ССР в Риге. Большой вклад в исследование этих языков вносят также филологические кафедры высших учебных заведений обеих республик. Среди наиболее важных трудов в области балтийского языкознания за последний период следует отметить академические грамматики литовского и латышского языков, подготовленные упомянутыми институтами (двухтомная Грамматика латышского языка уже вышла в свет; издан I том Грамматики литовского языка, а II том находится в печати), академический Словарь литовского языка (всего 15 томов, издано уже 8), диалектологические атласы литовского и латышского языков (материал собран полностью, готовятся карты и тексты). Нельзя не упомянуть Грамматику латышского языка, написанную видным латышским языковедом Я. Эндзелином, II дополненное издание которой увидело свет в 1951 году; в 1958 году ее автору присуждена Ленинская премия. Известную роль в изучении балтийских языков играют также журнал «Baltistica», издающийся в Вильнюсе с 1965 года, такие серийные издания, как «Lietuvių kalbotyros Klausimai» («Вопросы литовского языкознания», вышло 12 томов), «Kalbotyra»

(«Языкознание», 21 том) и ряд значительных филологических изданий в Латвийской ССР.

В последнее время за границей издан ряд значительных трудов: Этимологический словарь литовского языка, подготовленный немецким языковедом Э. Френкелем; Словарь литовского языка А. Куршайтиса; трехтомная Грамматика литовского языка, написанная польским языковедом Я. Отрембским; Сравнительная грамматика балтийских языков, созданная норвежским ученым Кр. С. Стангом. Как отечественная, так и зарубежная лингвистическая печать часто публикует исследования по балтийским языкам. Без более глубокого познания балтийских языков и использования их материалов сегодня немыслимо решение многих проблем индоевропеистики и сравнительного языкознания.

*К. КОРСАКАС,
академик АН Литовской ССР*

*А. САБАЛЯУСКАС,
старший научный сотрудник
Института литовского языка и литературы
АН Литовской ССР*

РУССКИЕ СЛОВА БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Известно, что новые слова появляются в языке не только на базе старых слов, но и в результате общения с другими народами. Заимствованные слова часто помогают лингвистам, историкам, этнографам приподнять завесу, скрывающую прошлое того или иного народа, языка.

В балтийских и славянских языках мы обнаруживаем немало общего в лексике. С одной стороны, это объясняется сохранением древнейшего языкового слоя, восходящего к праиндоевропейскому состоянию; с другой — обоюдными

заимствованиями. И хотя заимствование слов носило обоюдный характер, до последнего времени ученые больше внимания уделяли исследованию славянских слов, заимствованных литовским и латышским языками. Влияние балтийских языков на славянские изучалось мало. Более того, у некоторых языковедов (например у известного польского ученого-этимолога А. Брюкнера) обнаруживается предвзятый подход к исследованию, выражающийся в отрицании самой возможности влияния балтийских языков на славянские. На самом деле языковые отношения между балтами и славянами не были односторонними. В восточнославянских языках, как и в польском, можно найти слова, заимствованные из балтийских языков в разные периоды истории этих народов.

Исторические судьбы народов сложились так, что большинство балтийских заимствований в восточнославянские и польский языки шло из литовского, а не из латышского. После образования Великого княжества Литовского почти вся Белоруссия, часть западнорусских и северноукраинских земель вошла в состав Литовского государства. Естественно, что в эту эпоху значительное количество литуанизмов (слов литовского происхождения) проникло в восточнославянские языки. Как известно, окончательная христианизация Литвы была осуществлена через славянское (польское) посредничество. Именно поэтому среди славянских заимствований в литовский язык довольно много слов, связанных с религией и духовной жизнью. Совсем иная картина вырисовывается при изучении литовских и редких латышских заимствований в славянских языках. В них лексика балтийского происхождения в основном охватывает разные области материальной жизни — сельское хозяйство, строительство, повседневный быт крестьянина.

Наибольшее количество балтизмов до сих пор обнаружено в польском языке и его диалектах — около 400 слов; затем в белорусском — около 300 слов (однако в последние годы, в связи с подготовкой этимологического словаря белорусского языка, обнаружено много новых, до сих пор не отмеченных балтизмов, так что приводимые здесь цифры по отдельным славянским языкам весьма относительны). Количество балтизмов в русском языке не достигает и 200 слов, а в украинском их насчитывается всего несколько десятков (примерно 30). Этим в основном и ограничивается круг славянских языков, в которые про-

никли слова балтийского происхождения. Основная масса балтизмов засвидетельствована в тех говорах славянских языков, которые непосредственно соприкасались с Литвой и Латвией. Это, например, псковские и смоленские говоры русского языка, витебские и гродненские говоры белорусского, северо-восточные говоры польского. Но некоторые балтизмы, например *деготь*, *венгерь*, *пакля*, *скирда*, *янтарь*, *ковш*, оказались такими «подвижными», что перешагнули Уральские горы на востоке, добрались до южных областей Украины, охватили почти всю Польшу.

Нельзя не обратить внимания на одну важную особенность распространения балтизмов в славянских и славизмов в балтийских языках. Сегодня все балтийские языки, вместе взятые, занимают территорию, которая равняется порой территории лишь одного русского диалекта. Неудивительно, что любое славянское слово, проникшее в какой-нибудь пограничный говор литовского или латышского языка, без особых затруднений распространяется на всей балтийской территории. Иначе обстоит дело с распространением слов балтийского происхождения в славянских языках. Балтизм, порой охвативший территорию, большую, чем территория самих балтийских языков, тем не менее остается диалектным словом, известным только в части русских или белорусских, польских, украинских говоров. Этим отчасти объясняется небольшое количество балтизмов, проникших в славянские литературные языки и известных на всей территории русского или польского языка (в белорусском таких повсеместно известных балтизмов значительно больше).

Балтизмы проникали обычно в другие языки устным путем, через разговорную речь, в результате непосредственных живых контактов с носителями славянских, финских или германских языков. Такой способ проникновения слов балтийского происхождения в другие языки стал одной из причин их территориальной и тематической ограниченности.

Мы уже отмечали, что больше всего балтизмов в русском, как и в других славянских языках, приходится на сельскохозяйственную лексику. Здесь мы находим такие слова: деревня (от лит. *dirvā* 'пашня, нива'), дырван — 'паровое поле, залежь' (от лит. *dirvonas* — то же), дýрса — 'житняк; костер (сорная трава)' (от лит. *diršė* — то же) ёвня — 'овин' (лит. *jauja* 'овин, рига'), клýня — 'молотильный сарай, рига' (лит. *klūnas* 'гумно, рига'), свёр-

на, свѣрон — ‘постройка для хранения зерна, половы, снопов’ (лит. sviḡnas ‘клеть, амбар’), скирдá — ‘большой стог сена или хлебов’ (лит. stirta — то же), паршук — ‘поросенок’ (лит. paṛšiukas — то же), пуня — ‘изба или сарай для хранения зерна’ (лит. pūnė — то же). К ремесленной (строительной) лексике относятся в первую очередь слова: деготь (лит. degūtas), пакля (лит. pākulos), склют — ‘специальный топор для обработки дерева’ (лит. skliūtas ‘тесло’), и упомянутые выше названия сельскохозяйственных построек.

Можно еще выделить балтизмы, обозначающие предметы домашнего обихода, обувь: жлукто — ‘кадка для стирки белья’ (лит. žluktas — то же, ‘белье, приготовленное для стирки’), ковш — ‘корец, деревянный черпак с ручкой’ (лит. káušas, латыш. kaúss — то же), клумбы — ‘обувь на деревянной подошве’ (лит. klumbė, klumpė — то же, ‘деревянные башмаки’), куршы — ‘берестяные лапти; мужские башмаки’ (лит. kūrės, древнепрусск. kure ‘сапог’); названия пищи: крупёня — ‘суп или жидкая каша из крупы’ (лит. kruoriėnė — то же), путра — ‘жидкая похлебка’ (лит. putrà, латыш. putra ‘суп; еда’), тюрá — ‘каша; жидкая еда’ (лит. tūrė ‘каша’) и др.

Часть слов относится к самым различным тематическим группам: валáнда — ‘медлительный человек; гуляка, шатун’, валáндаться — ‘медлить, копошиться’ (оба слова — от лит. valandà ‘час’), вѣнтерь — ‘рыболовная сеть’ (лит. vénteris, латыш. veñteris — то же), пѣлька — ‘болото’ (лит. pėlkė — то же; многочисленные значения и распространение этого балтизма в говорах русского и белорусского языков рассмотрены в книге Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология». М., 1969), янтарь (лит. giñtaras — то же).

Приведенные слова — общепризнанные балтизмы, они не раз были предметом обсуждения в научной литературе. Наиболее детально до сих пор исследовались балтизмы белорусские (см., например, работы Е. Ф. Карского, Э. Блезе, К. Яблонскиса, В. Урбутиса) и польские (начиная с трудов Я. Карловича до последних работ Я. Отрембского и Т. Зданевича). Русские и украинские балтизмы не привлекали к себе столь пристального внимания. Детальное изучение украинской лексики балтийского происхождения началось в основном только с работ А. П. Непокупного. Краткие заметки о русских балтизмах мы находим уже в работах А. Л. Погодина, А. А. Потёбни,

А. И. Соболевского и К. Буги; наибольшее количество балтизмов в русском языке отмечено в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера.

Однако изучение русских балтизмов нуждается в дальнейшем расширении и углублении: с изданием словарей русских народных говоров обнаруживаются все новые, до сих пор неизвестные в науке слова, среди которых есть и лексика балтийского происхождения. Так, в картотеке Псковского областного словаря Ленинградского университета нам удалось обнаружить ряд балтизмов, засвидетельствованных только в псковских говорах русского языка. Например: курмэль — ‘пескарь’ (ср. белорусск. *курмэль* ‘карась’, от лит. *kurmėlis*, уменьшительного к *kūrmis* ‘крот’), рявгэня — ‘солодовая каша’ (ср. белорусск. *райгэня* ‘солодовая каша, кислые щи’, польск. *rougienia* — то же, от лит. *gaugieņe* ‘закваска’), ўдра — ‘выдра’ (лит. *ūdra* — то же) и др.

Некоторые из этих балтизмов, как мы видим, встречаются также в соседних белорусских и польских говорах, и их балтийское происхождение давно стало общепризнанным. Однако часть подобных слов еще никем не относилась к балтизмам. На каком основании мы все же относим их к словам балтийского происхождения? Выработаны ли здесь какие-нибудь научные критерии или всякое предположение строится на догадках, на интуиции? Как показывают результаты исследований М. Фасмера и других этимологов, существуют определенные критерии выделения языковых заимствований, в том числе и балтизмов в славянских языках. Один из основных — фонетический критерий. Его применение можно проиллюстрировать на таком примере.

Возьмем русское диалектное (псковское) слово *удра* ‘выдра’, которое мы отнесли к числу балтизмов. Как определить, кто у кого заимствовал это слово: литовцы у псковичей или псковичи у литовцев? Литовское *ūdra* содержит в своем корне долгий гласный *ū*. Этому гласному в славянских языках, как правило, соответствует гласный *ы*: лит. *būti* — русск. *быть*, *dūmas* — *дым*, *sūnūs* — *сын* и т. п. В этот ряд соответствий, естественно, входит и литовское *ūdra* — русское (*в*)*удра* (со вторичным *в*, появившимся в праславянскую эпоху). Во всех славянских языках, кроме русского диалектного *удра*, в данном слове мы находим гласный *ы*, а в начале слова — *в*. Если

бы славянское *выдра* было заимствовано литовским языком, то в нем было бы *vuidra, ибо в литовских славизмах звук *ы*, как правило, передается через литовское *ii* (русск. *мыло* — лит. *muilas*, *быт* — *buitas*, белорусск. *смык* ‘смычок’ — *smiukas* ‘скрипка’). Приведенные факты совершенно исключают возможность исконного родства литовского *ũdra* с русским диалектным *удра* или заимствования из русского языка в литовский. Правдоподобное объяснение здесь может быть лишь одно: *удра* — заимствование из литовского языка.

Таким же способом доказывается происхождение и других балтизмов — как ранее установленных, так и новых. Разумеется, фонетический критерий не единственный, с помощью которого можно прийти к выводу о заимствовании того или иного слова. Значительную помощь исследователю оказывают морфологические свойства и значения слов, область их распространения.

Изучение балтизмов в славянских языках еще далеко не завершено. Нам очень мало известно о заимствованиях древнейшей поры, когда языковые связи между славянами и балтами были настолько тесны, что наводили и наводят многих исследователей на мысль об исключительно близком родстве этих языковых групп. Какие слова в ту отдаленную эпоху были родственными, а какие заимствовались из одних языков в другие? На этот вопрос ответят дальнейшие исследования балто-славянской лексики.

Анализ балтийских заимствований в славянских языках (особенно древнейшего их слоя) представляет собой одну из существенных сторон изучения славяно-балтийских языковых контактов. Выяснение этих контактов исключительно важно для решения одного из кардинальных вопросов славистики — вопроса о прародине и о древнейшем периоде истории славян.

Ю ЛАУЧИОТЕ
Ленинград

ЗАЧЕМ
ИСТОРИК
РУССКОГО
ЯЗЫКА
ДОЛЖЕН
ИЗУЧАТЬ
БАЛТИЙСКИЕ
ЯЗЫКИ?

Читая Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского или М. Фасмера, можно заметить, что к каждому исконно русскому слову подобраны соответствия из других славянских языков и из языков балтийских почти на равных основаниях. И наоборот, в Этимологическом словаре литовского языка Э. Френкеля к словам литовского языка тщательно подобраны славянские соответствия. В свое время Р. Траутманн создал особый словарь балтославянских лексических соответствий (R. Trautmann. Baltisch-slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923). Крупные специалисты по славянской этимологии А. Брюкнер и В. Махек начинали свою деятельность с исследований в области балтославянских лексических соответствий. Теперь окончательно установлено, что степень лексической близости между балтийскими и славянскими языками выше, чем между некоторыми другими индоевропейскими языками, входящими в единую языковую семью. На этом, в частности, и основана гипотеза о единстве балтийской и славянской языковых групп.

Правда, звуковой облик родственных слов русского и, скажем, литовского языков различен. Но эти различия в принципе лишь незначительно отклоняются от закономерных и последовательных различий, наблюдаемых между славянскими языками. Сравните, например,

следующие параллели: русские *ворона, ворон* — литовские *várna, varnas* — сербские *vgr̃ana, vgr̃an* — чешские *vgr̃ána, vgr̃an*. Здесь наблюдается поразительное соответствие качества интонации, места ударения, долготы и краткости гласных. Разве литовские формы дальше от русских, чем сербские или чешские?

Будущий учитель русского языка — студент первого курса на лекциях и практических занятиях по старославянскому языку, овладевая навыками реконструкции дописьменной формы русского слова, с удивлением обнаруживает, что реконструируемые праславянские формы нередко можно встретить в словарях и грамматиках литовского языка.

Так, сопоставляя старославянские формы причастий прошедшего времени: *ведъ — ведъша — ведъши* и *знавъ — знавъша — знавъши*, легко можно восстановить суффикс этих причастий *-us-. Его-то мы и находим в аналогичных литовских образованиях: *ved-us-io, ved-us-i*. Рассматривая формы единственного числа родительного — *сынѡу* (сына), творительного — *сынѣмь* (сыном), дательного — *ръцѣ* (руке) и зная, что славянское *ы* восходит к **ū*, *ѣ* — к **i*, *ь* — к **i̇*, *оу* (русское *у*) восходит к *au* или *ou*, а *ѣ* после *ц* — к *ai*, мы восстанавливаем праславянские формы: **sūnau(s)*, **sūnumi*, **rankai*. Именно эти формы обнаруживаются и в грамматике современного литовского языка. И так во многих случаях.

Вот почему, углубляясь в древнейшее, дописьменное состояние русских и славянских слов и форм, трудно отделаться от впечатления, что реконструируемый праславянский язык, из которого развились все современные славянские языки и диалекты, сам является как бы литовским диалектом. В действительности отношения между славянскими и балтийскими языками не могли быть столь прямолинейными. Не случайно существуют несколько противоположных гипотез, объясняющих факт поразительной близости между балтийскими и славянскими языками. Во всяком случае реконструировать не только общеславянский праязык, но даже общеполтийский праязык не удастся. Праславянский язык, язык-предок всех славянских языков, реконструируется гораздо легче, так что до VI века н. э. он вырисовывается как единый язык, почти не имеющий диалектных различий, по крайней мере в области фонетики и грамматики. Наоборот, многие фонетические и грамматические схождения между бал-

тийскими и славянскими языками не могут быть возведены к единому источнику, а являются результатом относительно позднего параллельного развития. Так, несмотря на материнское сходство полных (местоименных) форм прилагательных, совершенно очевидно, что у славян эти формы возникли после действия специфически славянского закона открытых слогов. Ср. русское *добрый* <*dobrъ + (j)ь и литовское *gerasis* из *geras + is*: в обоих случаях мы имеем исторически краткие («именные») формы прилагательных + склоняющиеся формы указательного местоимения — литовское **is*, славянское *и (же)* — *je go*. Но если бы эти формы восходили к единому «балто-славянскому» праязыку, то у славян мы имели бы формы вроде **добрси*, **добрасего* и т. п.

Как бы то ни было, внимание славистов и русистов к балтийскому материалу всегда приносило и приносит пользу, помогая глубже проникнуть в историю слов и форм. Вот, например, новая этимология русских слов *ковш* и *кувшин*, данная в последнем номере литовского журнала «*Baltistica*». До сих пор полагали, что оба русских слова можно связать с корнем глагола *ковать*, и, следовательно, первоначально сосуды были металлическими. Уже этот вывод, да и непонятный суффикс *-ш-* мешали считать эту этимологию достоверной. В то же время литовские *káušas* ‘ковш’ и *kaušinas* легко связываются с литовскими глаголами *kàuti* ‘рубить, вырубать’ и *kaūsti* ‘выдалбливать’, и значит, первоначально ‘ковш’ и ‘кувшин’ были деревянными сосудами, что более вероятно. В таком случае, русские *ковш* и *кувшин* — слова, заимствованные из балтийских языков. С другой стороны, уже давно отмечено, что многие балто-славянские параллели, приведенные в Словаре Траутманна, являются заимствованиями из славянских языков в балтийские.

В свое время Ф. Ф. Фортунатов ввел курс литовского языка в качестве обязательного университетского для подготовки историков русского языка. С тех пор в учебных планах многих вузов, где готовятся специалисты по русскому и славянским языкам, наряду с курсами старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков читаются курсы балтийских языков.

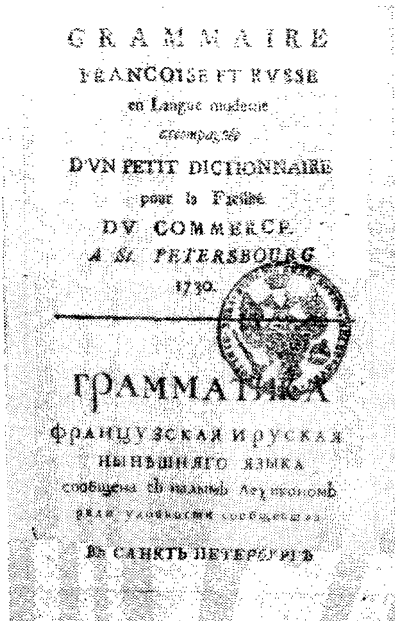
Доктор филологических наук
В. К. ЖУРАВЛЕВ

РУССКАЯ
ГРАММАТИКА
И. С. ГОРЛИЦКОГО

Грамматики русского языка, вышедшие в России и за границей до появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755), почти не сохранились. Тиражи их были небольшими, а использовались они достаточно широко и иностранцами, изучавшими живую разговорную речь, и русскими. Больше известны славянские грамматики, которые выходили чаще, чем русские, и имели значительные тиражи. До сих пор обнаружены и описаны пять русских грамматик доломоносовской поры.

Первая русская грамматика английского ученого Генри Вильгельма Лудольфа, который путешествовал по России в 1693—1694 годах и был знаком с Петром I, напечатана на латинском языке в 1696 году в Оксфорде. В 1706 году И. Ф. Копиевский — известный деятель культуры начала века, лексикограф и типограф — напечатал по распоряжению Петра I в Штольтценберге, близ Данцига, «Руководение в грамматику во славянорусскую или московскую». Оно содержало параллельные тексты на русском, латинском и немецком языках. В 1723 году в Петербурге вышла в свет «Грамматчка славенская» Федора Максимова, учителя «греко-славенской школы в Новгороде Великом». Хотя по традиции книга Максимова называлась «Грамматикой славенской», на самом деле — это грамматика славянского и русского языков. Хорошо известны «Начальные основы русского языка» — русская грамматика переводчика Академии наук В. Е. Адодурова, напеча-

Титульный лист
грамматики
Горлицкого

танная на немецком языке
в приложении к «Вейсман-
пову лексикону» в Петер-
бурге в 1731 году. Нако-
нец, в 1750 году в Сток-
гольме была издана на

шведском языке «Российская грамматика» М. Гренинга. Но этот список нельзя считать исчерпывающим. Его следует пополнить еще одной грамматикой, не известной историкам русского языка, единственный экземпляр которой хранится в Библиотеке Академии наук в Ленинграде. Название ее дано на двух языках: «Grammaire françoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. A St. Petersbourg, 1730. Грамматика французская и руская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ Лексикономъ ради удобства сообщества. Въ Санктъ Петербургѣ». Грамматика напечатана в академической типографии на средства французского виноторговца Имбера, жившего в Петербурге.

Долгое время считалось, что это грамматика французского языка. Источник неправильных сведений — «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова. В первом издании указателя (1814) под № 3006 она описана так: «Грамматика французская (сокращенная), с вокабулами, СПб., 1730, в 8°». А так как эта грамматика сохранилась лишь в одном экземпляре и практически была недоступной для исследователей, то это ошибочное указание Сопикова было

воспринято библиографами на веру. Неправильно описана она всеми библиографическими справочниками XIX — начала XX века.

Укоренившаяся ошибка вызвана тем, что название книги неточно отражает ее содержание. На титульном листе указано: «Грамматика французская...», а в книге французской грамматики нет. Это грамматика русского языка, в которой правила излагаются на французском языке, а формы русских склонений и спряжений и русские тексты имеют французские переводы.

У учителя французского языка Шарля Анри Декомбля (Charles Henri De Combles, умер 3 января 1735 года) или, по архивным документам, «французского шпрахмейстера», была взята для перевода на «российский диалект» грамматика французского языка. Это и дало повод библиографам и историкам языка считать его автором грамматики. На самом же деле Декомбль только передал в Академию наук одну из французских грамматик, популярных в то время. Архивные документы не сообщают имени автора и точного названия ее. По всей вероятности, это была грамматика французского языка филолога XVII века Пеплие (Peplier или Des Peplies), неоднократно выходившая во Франции и в Германии.

По указу Екатерины I 26 июня 1729 года книга была передана для перевода Ивану Семеновичу Горлицкому (Горлецкому) (1688—1777). После окончания московской Славяно-греко-латинской академии Горлицкий в числе девяти лучших ее воспитанников по распоряжению Петра I, находившегося в то время в Голландии, был отправлен в марте 1717 года в Амстердам. С 1718 года он студент Университета в Париже, где изучает французский язык, философию, естествознание и другие науки.

Возвратившись на родину в 1724 году, Горлицкий становится одним из первых русских адъюнктов Академии наук в Петербурге. Когда была основана академическая гимназия, он преподавал в ней русский и иностранные языки.

Горлицкий, известный лексикограф своего времени, участвовал вместе с И. И. Ильинским и И. П. Сатаровым в составлении русской части к «Вейсманнову лексикону». Он перевел с французского «Сокращение математическое в трех частях» Якова Германа и Жозефа Делиля (1728—1730), представляющее серию учебников, «содержащих арифметику, геометрию, тригонометрию, астро-

номию, географию и фортификацию». Вместе с С. Коровиным перевел историческое и этнографическое «Описание о Японе» (1734). Горлицкий — один из переводчиков статей академиков, написанных ими для «Краткого описания Комментариев Академии наук» (ч. 1. СПб., 1728) — первого научного журнала в России.

Перевод грамматики надо было сделать срочно, но Горлицкий неточно выполнил распоряжение и написал грамматику русского языка по-французски с русскими примерами и небольшим словариком. Естественно, лишена всякого основания мысль, что грамматику мог написать Декомбль, не знавший русского языка.

В первых общеобразовательных светских учебных заведениях России: в академической гимназии, открытой в 1726 году, и в шляхетном корпусе, начавшем свои занятия в 1730 году, — почти половина всех учащихся были детьми иностранцев, находившихся на русской службе, которые или не говорили по-русски, или говорили плохо. Русского языка как специальной дисциплины в школах не было, хотя в регламенте Екатерины I 22 декабря 1727 года об организации учебных занятий в гимназии было сказано: «Во всяком же классе по два учительское звание имети будут, которых классов в трех нижних потребно есть, чтоб в каждом един из них знал по-русски говорить и писать». Учеников должны были обучать одновременно русскому и иностранным языкам. При этом широко применялись переводы с русского на иностранный и наоборот. Сохранились воспоминания Адодурова, изучавшего языки по этой методике: «Я при Академии наук учился языкам латинскому, немецкому и французскому и притом имел случай собственные мои недостатки в правильном употреблении природного нашего языка несколько усмотреть и оные в себе по возможности исправить».

Важно отметить, что грамматика старославянского языка ни в академической гимназии, ни в шляхетном корпусе не изучалась. «Французская грамматика и русская нынешнего языка» была первым отечественным опытом учебника русского языка, написанного на иностранном языке. Все это выясняет только практическую сторону дела: почему грамматика русского языка была непечата на по-французски.

Но есть и более важные причины использования иностранного языка в русском учебнике. В грамматике 1730 года находят отражение идеи «Грамматики универсаль-

ной и рациональной», составленной в аббатстве Пор-Рояль в 1660 году Клодом Лансело и Антуаном Арно. Авторы полагали, что языки различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание их едино. Они ставили своей задачей описать «естественные основы искусства речи», «принципы, общие всем языкам, и причины основных различий в них встречающихся». Эти принципы реализуются в грамматике Горлицкого.

В переходную эпоху становления нового литературного языка наблюдается противоречие между описанием форм склонения и спряжения и выбором иллюстративного материала, отражающего живые нормы словоупотребления, и между авторской речью грамматиста, в которой не дифференцированно используются то русские, то «славенские» формы. Такой, например, была «Грамматика славенская» Максимова, фиксирующая параллельные русские и «славенские» нормы. Единственный выход из затруднительного положения в эту эпоху — создание грамматики русского языка на языке иностранном. Так, в частности, поступали Лудольф, Горлицкий, Адодуров.

Грамматика Горлицкого сжата и элементарна, в ней всего 62 страницы. Грамматические правила в учебном пособии чередуются с практическими сведениями, приводятся примеры употребления слов, словосочетаний, предложений.

Титульный лист грамматики набран на двух языках. Напечатаны французский и русский алфавиты, сведения о произношении русских звуков. Обращает на себя внимание одинаковая транскрипция для звуков *e* и *ѣ*, которая указывает на то, что в живом произношении они совпали. Об этом свидетельствуют примеры с написанием *e* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *e*. В положении под ударением написано *e* вместо *ѣ* при переводе французского глагола *manger* 'есть, лекарь'; в безударном положении: посетить, девицею; *ѣ* вместо *e* под ударением: кавалѣра, пѣтли; в безударном положении: извѣсть, вы дѣлаетѣ и т. д.

Отражено аканье (паварню, начевать, збери съ стала, калпакъ и т. д.), а также другие звуковые явления живого произношения.

Морфологические нормы грамматики Горлицкого близки современной литературной речи: отсутствуют архаизмы в склонении и в спряжении, которые были свойственны грамматикам доломоновской поры: формы двой-

34 GRAMMAIRE

Madame va a la cuisine	госпожа была в повар- нѣ
Je vas a la cuisine	я иду в поварню
Madame va a la Cuisine	госпожа идетъ в по- варню
J'ai été a la campagne	я былъ в полѣ
J'ai été à Moscou	я былъ в Москвѣ

Le b. qui est avant les noms ci dessus sig-
nifie a la, quelquefois ne la.

J'ayre u hier lettre de
Moscou de mon frere

я вчера получилъ гра-
мотку изъ Москвы
отъ моего брата

J'ai reçu hier lettre de
Paris d'une belle fil-
le

я вчера получилъ гра-
мотку изъ Париза
отъ прекрасной дѣвуш-
ки

J'ai reçu de mon Cor-
respondant une caisse
de marchandise d'
Amsterdam

я получилъ отъ моего
корреспондента изъ
Амстердама сумку изъ
товаровъ

Cette année j'ay reçu
du vin de Bourdeaux
de mon Correspon-
dant

этого года я получилъ
вино изъ бурдоса отъ
моего корреспондента

Часть
страницы из
«Грамматики
французской
и русской
нынѣшняго
языка»
1730 года

ственного числа и звательный падеж существительных, энклитические формы местоимений, старые формы прошедшего времени глаголов.

И. С. Горлицкий перераспределяет четыре склонения существительных, представленные в грамматиках Лудольфа, Кошневского, Максимова, Адодурова, в два (В. А. Плотникова-Робинсон. Нумерация склонений существительных.— «Русская речь», 1968, № 6). Он определяет типы склонения не по окончаниям основ, как это делали грамматики старославянского и русского языка, а по именительному падежу, учитывая при этом общность окончаний в косвенных падежах. Поэтому в каждом склонении объединяются существительные с разными основами, но совпадающие в окончаниях именительного и косвенных падежей. Подобная группировка отражает методические устремления автора, который пытается создать упрощенный вариант грамматики для использования ее в педагогических целях.

В грамматике отсутствуют формы склонения прилагательных, но наблюдения над склонением указательных местоимений и над текстами показывают, что все прилагательные склоняются по современному образцу. Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа и возвратного тоже соответствует современным. Но в склонении личного местоимения 3-го лица есть такие формы, которые указывают на незавершенность процессов нормализации. Так, местный падеж единственного числа местоимения *онъ* имеет форму древнерусского указательного местоимения *емъ*.

Числительные в грамматике Горлицкого соответствуют современным, кроме *четыри*, *осмь*, *осмнатцать* и некоторых других. Автор достаточно подробно рассматривает различные значения предлогов: *у* — с родительным падежом, *к* — с дательным, *в* — с винительным, *о* — с местным, *из* — с родительным и т. д.

Не даны правила спряжения глагола, но по окончаниям видно, что различаются 1-е и 2-е спряжения. Формы глаголов приводятся в следующей последовательности: сначала идут спряжения настоящего, прошедшего и будущего времени, затем повелительное и условное наклонения, приводятся инфинитив и формы причастий и деепричастий. В конце раздела помещен список глаголов с указанием настоящего или будущего времени, прошедшего времени. Образцы спряжения глаголов и образование их форм за редким исключением соответствует современным.

Данные морфологии у Горлицкого отличаются пестротой, так как в них отражается процесс складывания новой литературной речи. Однако грамматика дает более строгую систему морфологических норм, чем это было в других грамматиках домоносовской поры. Морфологические нормы отличаются значительной близостью к современной литературной русской речи, хотя диалектные вкрапления достаточно обильны.

Лексика пособия Горлицкого содержит в основном элементы русской обиходной речи. Это преимущественно слова, представляющие собой названия различного рода продуктов питания, одежды, мебели, профессий и т. д.: *столь*, *ложка*, *мясо*, *бараншина*, *птица*, *тетеребенокъ*, *рыба*, *пиво*, *платокъ*, *калнакъ*, *священникъ* и т. д.

В примерах много просторечных слов и выражений: *куды*, *сюды*, *вчерасть*, *поварня*; *изволить* — в сочетании с

инфинитивом в значении благодарности, приглашения и т. д.: «Извольте госпожа учинить мне честь принять чашку кофёю»; баронша, сержантша — имена существительные женского рода с суффиксом *-ша* для названия жен по сословному положению мужа или его профессии и т. д.

Как отражение процессов, происходивших в литературном языке Петровского времени, в грамматике обильно представлены заимствования из разных языков: стуль, салата (в женском роде), салфетка, кофёй, скарпетки, комзоль, корреспондетъ (в значении 'лицо, находящееся в переписке с кем-либо'), галстугъ, табакерка, манжетки, аптекаръ и т. д.

Любопытны переводы некоторых французских слов. *Une casserolle* переведено как *касарикиъ*, хотя имя существительное *кастрюля* известно с 1720 года, *les pincettes* разъясняется с помощью русизма *клещи*, *une broche* переводится словом *роженъ*. В «Новом лексиконе на французском, немецком, латинском и на российском языках» С. Волчкова (СПб., 1755) значение слова *broche* описывается следующим образом: «Вертель, роженокъ; на чомъ мясо жарять». *Un corset* переводится более ранним заимствованием из голландского *бострокъ* (*borstrok* — 'куртка, фуфайка'), обозначающим род одежды моряков (ср. в словаре С. Волчкова: «*Corset m.* — Женской бострогъ без рукавовъ, корсетъ»), *un manteau* — словом *епанча* (38), *un lettre* — *грамотка* и *письмо* и т. д.

Если оставить в стороне списки слов церковного содержания, использовавшихся под титлами, то славянизмы в грамматике представлены в основном словами, вошедшими в состав русского литературного языка, нет «обветшалых славянизмов», по выражению Ломоносова. Из славянизмов, имеющих стилистическую окраску, следует отметить такие, как союз *аще*, имя существительное *здравіе*: «пить за здравіе госпожи капитанши»; глагол *рачить* в значении 'заботиться' и т. д.

В грамматике отражен процесс выработки общерусских норм литературной речи, показано становление и развитие лингвистической и методической мысли в России. Грамматика Горлицкого — важный источник для изучения истории русского языка XVIII века.

Доктор филологических наук
В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Янтарь

Слово *янтарь* принадлежит к числу довольно редких в русском литературном языке балтийских заимствований. Встречается оно в памятниках старинной русской письменности с XVI века в написании *ентарь*, которое легко объясняется условиями заимствования.

Слово это, вероятно, пришло в русский язык вместе с предметом: ведь именно Балтийское море славится обилием янтаря. Морские волны выбрасывают на берег окаменевшую смолу древних хвойных деревьев, которая привлекает внимание своими теплыми оттенками желтого цвета. Это ископаемое вещество в больших количествах вывозилось с балтийского побережья, и русские узнали его под литовским названием.

В современном литовском янтарь именуется *giņtaras* или *gintāras*, в диалектах известна и форма *gentāras*, а в старых литовских словарях, составленных немцами, отмечалась также форма *jentaras*, которая ближе всего подходит к древнерусскому *ентарь*. Однако специалисты по истории литовского языка считают, что здесь отразилось немецкое произношение литовского слова. Дело в том, что в языке немцев Прибалтики заднеязычный согласный *g* произносился длительно, как читается у нас сочетание *жг* (например в слове *бухгалтер*). Этот длительный согласный *у* перед гласными переднего ряда *э*, *и* немцы обращали в *й*:

о таком немецком диалектном произношении свидетельствует проникновение в русский язык немецких слов *Gefreiter*, *Gefäß*, которые превратились в *ефрейтор*, *ефес* (сейчас последнее слово пишется даже *эфес* в результате устранения начального й-). Следовательно, отмеченное в литовских словарях *gentaras* отражает немецкое произношение литовского слова и не может быть источником для русского *янтарь*, *ентарь*.

В современном латышском закрепилась курземская диалектная форма *dziņtars*, вытеснившая более закономерную для литературного латышского языка форму *wzītars*. Известны также более редкие латышские разновидности этого названия: *zītars* и *dzinters*. Очень широко представлено это наименование в латышских географических названиях. Латышские формы подтверждают большую древность литовской *giņtaras*, с которой они хорошо согласуются.

В древнепрусском языке слово было засвидетельствовано в виде *gentar*, *gentars*, *gentarn*, а также в составе личных имен. Вероятно, древнепрусское слово легло в основу средневекового латинского *gentarum*, которое, впрочем, не получило широкого распространения, оставаясь местным словом.

Итак, названия янтаря широко представлены во всех балтийских языках. Правда, на почве этих языков они не имеют бесспорной этимологической связи с другими словами и выглядят в них совершенно изолированными. Поэтому естественно предположить, что слова восходят к языку, который предшествовал древнему балтийскому праязыку, из которого развились впоследствии языки древнепрусский, литовский и латышский. Древнейший язык, предшествовавший балтийскому праязыку, можно было бы условно назвать «добалтийским», но судить о нем пока трудно. Вероятно, это был язык добытчиков янтаря в Прибалтике и торговцев им. Подробнее об этом см. в специальной статье Б. А. Ларина «О слове *янтарь*» («Сборник статей, посвященный академику профессору доктору Яну Эндзелину»). Рига, 1959).

Литовское *gentaras* попало в русские говоры с длительным (ффрикативным) *ү*, которое, как и в немецком, перед гласным переднего ряда *э* изменилось в *й*-. Литовское окончание *-as* (именительный падеж) было отброшено, а конечное сочетание *-ar* отождествлено с распространенным славянским суффиксом *-арь*. Так возникла старинная русская

форма *ентарь*, в которой начальный слог был постоянно в безударном положении и постепенно в нем укрепилось написание *я-*, которое теперь стало единственным. Сходную судьбу имело название месяца *генварь*, изменившееся в *январь* (см.: «Русская речь», 1968, № 1). Ср. также колебания в написаниях русских слов: ядова — едова, яга — ега (название шубы, дохи), ялань — елань (поляна), яман — еман (дикая коза), японча — епанча (накидка) и т. п.

Слово *янтарь* было заимствовано русским языком после X века, о чем свидетельствует сохранение согласного *-н-* перед *-т-*. В более раннее время этот *-н-* обязательно бы исчез, превратив предшествующий гласный в носовой.

Из русского слова *янтарь* распространилось в другие славянские языки: украинское и белорусское *янтар*, болгарское *янтар*, сербскохорватское *jāntar* (*jāntār*) словенское *jāntar*, чешское *jantar*, словацкое *jantár*, польское *jantar*, нижнелужицкое *jantaŕ*, верхнелужицкое *jantar*. Правда, в некоторых славянских языках это слово употребляется наряду с другими синонимами. Все приведенные славянские названия янтаря можно было бы принять даже за исконные, но этому мешает сочетание *-ан-* перед согласным (*йантарь*), которое должно было бы в древнем славянском слове претерпеть изменения, так что в современном русском слово звучало бы **ютарь*. Но эта форма русскому языку не известна. Было известно употребление балтийского слова также и в немецком языке в виде *kentner*.

Уже через славянское посредство старинное балтийское слово попало в венгерский язык. Венгры знают это слово с XVI века в разных формах: *gyenta*, *gyanta*, *gyánta*, *gyonta*, *jánto*, *gyantár*, *gyentár*, *gyontár*, в которых начальное сочетание букв *gy-* читается как очень мягкий согласный *д^в*. Начальный *д^в* венгры использовали для передачи особого рода начального *й-* в заимствованных словах. Венгерские формы употреблялись в трех значениях: 'янтарь', 'сосновая смола' и 'гипс, глазурь'. Причины колебаний в оформлении конца венгерских слов неясны. Современный венгерский литературный язык из всего многообразия значений и форм сохранил только одну: *gyanta* со значением '(древесная) смола, канифоль'.

В дальнейшем из русского языка слово *янтарь* стало распространяться в разные языки народов СССР. Оно проникло во многие финно-угорские: коми-зырянское *jantar*

(современная орфография *янтар*), удмуртское *янтарь*, эрзянское *янтарь*, мокшанское *янтарь*. Вошло русское *янтарь* и во многие тюркские и северокавказские языки нашей страны; в большинстве этих языков оно даже сохраняет русское написание и произношение.

В некоторых языках *янтарь* стало смешиваться со словами, сходными по звучанию, но имеющими другое происхождение. Так, по сведениям «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина, диалектное чувашское *йантар* означает не только 'янтарь', но и 'стекло', 'стеклянная посуда'. Это развитие значений вполне понятно: подобным же образом древнелатинское название янтара *glēsūm* и немецкое название стекла *Glas* восходят к одному источнику, ведь янтарь отличается прозрачностью. Но вот чувашское название дорогих бус *йантал*, которое уже корреспонденты Ашмарина объясняли как 'янтарь', сближается по звучанию со словом *йантал* 'жестяная посуда для жидкого меда' и *йантав* 'посуда для пива из красной меди с продолговатым носиком и на трех коротких ножках'.

Последние два слова, которые сейчас пишутся *янтал* и *янтав*, были заимствованы чувашским из русского и восходят к названию большого сосуда для разливания пива — *яндова* или *ендова*. В чувашских говорах известно также близко относящееся сюда слово *ямтар* 'бутылка' (Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка). Однако чувашские *ямтар* 'бутылка' и *янтар* 'стекло' известны только верховым говорам чувашского языка, граничащим с марийским языком, а потому их можно считать марийскими по происхождению; в этих чувашских говорах вообще очень много марийских слов. В литературном чувашском *янтарь* употребляется в значениях 'стекло', 'стеклянная посуда' и 'янтарь'.

Важно учесть, что и в марийском языке переплетаются слова разного происхождения, которые также сближались, как и в чувашском. В марийском известны *jamdar* 'склянка' и *jamdar, jandar* 'ясный, чистый, прозрачный'. Именно эти слова со значением 'стекло, стеклянная бутылка, склянка' проникли к чувашам.

Конечно, можно было бы легко вывести значения 'стекло' и даже 'ясный, прозрачный' из первоначального 'янтарь'. Балтийское название легко могло попасть на Волгу, в область государства волжско-камских булгаров, с историей которых связаны и судьбы марийского народа. Известна и торговля янтарем в этой области. Но сочетание звуков *мд*

в марийском слове *ямдар* мешает такому предположению, ибо марийское *мд* могло сохраниться от глубокой старины, подобно тому как оно сохранилось в некоторых саамских диалектах, но не могло возникнуть на месте более древнего *нд*. Кроме того, следует учесть, что названия стекла у народов Поволжья обычно связаны с иранскими языками.

Финский тюрколог М. Ряснен в специальной статье о марийском слове *ямдар*, помещенной в венгерском журнале «Nyelvtudományi közlemények» (1936, т. 50), показал, что он происходит от древнего иранского **джам-дар* ‘стеклянный’ (**джам* ‘стекло + *дār* ‘имеющий’), которое попало к марийцам через посредство тюркских языков, знающих изменение начального *дж*->*й*-.

Любопытно отметить, что в луговом марийском название стекла также имеет ряд вариантов: *janda*, *jandava*, *jamdava*, *jandau*, *jandayu*, *jandarka*. Здесь, вероятно, тоже имело место сближение марийского названия стекла с названием янтаря и с названием сосуда *яндова*, *ендова*, которое отразилось в горномарийском языке в формах *йанды́ва*, *йандо́ва* (А. А. Саваткова. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969). Сблизилось с названием сосуда это слово и в эрзянско-мордовском языке, где *яндава* помимо значения ‘большая посуда для пива, браги: ендова’ имеет другое значение — ‘стеклянная посуда’.

Некоторые языковеды, правда, высказывали предположение, что слово *янтарь* проникло с востока и в балтийские языки. Это предположение можно было бы оправдать, если бы название товару давал покупатель, а не продавец и изготовитель, особенно если дело касается столь естественно-го товара, как янтарь.

Любопытно заметить, как при движении из одного языка в другой балтийское слово сближалось с другими словами. Создавалось впечатление, что это не два разных слова, а развитие значений одного слова. Особенно поучительны в этом отношении чувашские и марийские примеры. Более детальное изучение путей движения балтийского и других названий янтаря поможет вскрыть историю древней торговли янтарем.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

РУССКИЕ
СЛОВА
В СЛОВАЦКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ

ловацкий литературный язык возник в конце XVIII и первой половине XIX века. Его формирование проходило в два этапа. Первый связан с деятельностью Антона Бернолака (1762—1813), который в своей грамматике и других работах упорядочил западнословацкий культурный диалект, а второй — с усилиями Людовита Штура (1815—1856) и его окружения, создавшими после 1843 года литературный язык на базе центрального среднесловацкого диалекта. За прошедшие два столетия словацкие писатели и общественно-культурные деятели широко использовали для своих целей лексические богатства русского языка. В разное время словацкие авторы заимствовали около 1500 русских слов. Естественно, что не все они были необходимы, многие в процессе нормализации словацкой литературной лексики были заменены своими словами или оказались вне активного употребления. Обращение словацких деятелей культуры к русским словам было обусловлено не только неподготовленностью нового языка к выражению идей своего времени, но и их общественно-политическими воззрениями, словесно-художественными симпатиями и обстановкой эпохи.

Первые заимствования относятся ко времени Бернолака. Он употребил русские слова *letopis* 'летопись', *buk-*

vár 'букварь', а свой пятиязычный словарь назвал русским словом slovár 'словарь', а не принятым в чехословацкой языковой области slovník. Однако наибольшее количество русских слов проникло в словацкий язык в первой половине XIX века, во времена деятельности Я. Коллара, П. Шафарика и Я. Голлого. Это была эпоха национального возрождения и пробуждения самосознания угнетенных славянских народов. Политическое могущество России, стремительный расцвет русской литературы и бурное развитие русского литературного языка оказали большое воздействие на славянский мир. В среде угнетенного словацкого народа возникает идея славянской взаимности, сформулированная Я. Колларом.

В этот период в словацкий язык (иногда через чешское посредство) вошли такие русские слова, как ataman 'атаман', beseda 'беседа' (с производными besedovat' 'беседовать', besiedka 'беседка'), bohatier 'богатырь' и прилагательное bohatiersky 'богатырский', cár 'царь', а также cárstvo 'царство', cárít' 'царить', celovat' 'целовать' (словацкое bozkat'), čaj 'чай', dejstvo 'действие' (театральное), а также dejstvovat' 'действовать', dejatel' 'деятель', deva 'дева', država 'держава' (иногда deržava), chrabry 'храбрый' и chrabrost' 'храбрость', inostranny 'иностранный' и inostranec 'иностранец', kurhan 'курган', mohyla 'могила', nábeh 'набег', neha 'нега' (с производными nežný 'нежный', nežnost' 'нежность'), obrad 'обряд', odužie 'оружие' (словацкое zbroj), plenít' или plienít' 'плени́ть', prestol 'престол', príroda 'природа', sloh 'слог', step 'степь', truzna 'тризна', učilište 'училище', velikán 'великан', vesna 'весна' (словацкое jaro), vesmír 'космос', vzduch 'воздух' (иногда vozduch), vkus 'вкус', žertva 'жертва' и др.

Эти слова, войдя в словацкий словарь, со временем стали использоваться в нем в стилистических целях, приобретя по преимуществу торжественно-книжный и поэтический оттенок.

Для обозначения понятий, не имеющих наименований в словацком языке, в это время укрепились слова: bojar 'боярин', gubernia 'губерния', kubitka 'кибитка', knut 'кнут', kozák 'казак', rubel' 'рубель', stolica 'столица' и др.

В штуровскую эпоху (40-е годы XIX в.) русский язык продолжал играть роль источника, из которого словацкие писатели черпали необходимые им лексические средства.

Штуровцы считали словацкий язык центральным по положению среди славянских языков, вследствие чего заимствования из русского языка рассматривались не только как вполне закономерное явление, но даже обязательное, укрепляющее межславянские связи и устраняющее чуждые влияния. Позднее, С. Цамбель, впервые поднявший вопрос о русизмах в словацком литературном языке, писал следующее: «Словацкие деятели 40-х годов, имевшие своеобразное понятие о роли русского языка в кругу славянских, почти все были знакомы с русским языком. М. Годжа в своем „Ветине” считал обязанностью образованного словака немного научиться по-русски. Годжа, Л. Штур, Й. Гурбан, Е. Герометта, М. Догнани... все читали русские книги, в известной мере знакомились с русским языком» (Заметка по истории словацкого литературного языка. Будапешт, 1887).

Штуровское поколение сделало всеобщим употребление русских слов, заимствованных в предыдущий период. В 40-е годы были заимствованы еще некоторые русские слова: *bratat' sa* 'брататься', *bylina* (от русского *былина*, *былинка*), ср. производное *bylinár* 'ботаник', *čipovník* 'чиновник', *čudo* 'чудо', *družina* 'дружина', *duma* 'дума', *lampada* 'лампада', *lík* 'лик', *lúč* 'луч', *nástojčivý* 'настойчивый', *nebosklon* 'небосклон', *obozrenie* 'обозрение', *odrad* 'отряд', *priemysel* 'промысел, промышленность', *priestranstvo* 'пространство', *priezračný* 'прозрачный', *prívŕženec* 'приверженец', *skazka* 'сказка', *sočinok* (от русского *сочинение*), *stroj* 'строй' (например *stroj jazyka*), *sudba* 'судьба', *tečenie* 'течение', *uprojený* 'упоенный', *vnešný* 'внешний', *znamenie* 'значение', *záštita* 'защита' и др. Эти слова также увеличили выразительные возможности высокого стиля, ср.: «*triumf môj je tvoja pýcha ... verš môj to je tvoja hudba, osud môj je tvoja sudba*» (Мой триумф — твоя гордость, стих мой — твоя музыка, судьба моя — твоя судьба. Я. Смерк). Этот пример особенно показателен, так как по-словацки *osud* означает 'судьба'.

Многие русские слова, бывшие в обиходе у писателей штуровского поколения, в настоящее время не употребляются. Они заменены соответствующими словацкими. Другой причиной их вытеснения была омонимичность, звуковое подобие словацким словам. Наиболее показательные случаи: *bistrotá* 'быстрота' (словацкое *rychlosť*), *bitva* 'битва' (словацкое *bitka*), *dvorec* 'дворец' (словацкое *palác*), *líce* 'лицо' (по-словацки *líce* 'щека'), *odobrit'*

‘одобрить’ (словацкое *schválit'*), *okolica* ‘околица’ (словацкое *okolie*), *poklonník* ‘поклонник’ (словацкое *zbožňovateľ*), *pokroviteľ* ‘покровитель’ (словацкое *ochránca*), *prímer* ‘пример’ (словацкое *vzor*), *praviteľ'stvo* ‘правительство’ (словацкое *vláda*), *rodina* ‘родина’ (словацкое *vlast'*, а *rodina* означает ‘семья’), *strana* ‘страна’ (словацкое *krajina*, а *strana* означает ‘партия’), *vražda* ‘вражда’ (словацкое *perpriateľ'stvo*, а *vražda* означает ‘убийство’).

После поражения революции 1848 года в Австрийской монархии усиливается реакция, среди словацкой интеллигенции распространяются взгляды реакционного славянофильства, всякое свободомыслие решительно пресекается. В эти тяжелые годы происходит утрата веры в будущее, растет надежда лишь на вмешательство внешних сил, прежде всего царской России.

Только в 60-х годах деятелям словацкой культуры удается создать свой культурный центр «Словацкую Матицу», однако и эта организация через несколько лет была разгромлена господствующими венгерскими кругами. В таких тяжелых условиях обращение словацких писателей и деятелей культуры к русским заимствованиям стало формой оппозиции национальному угнетению. Именно этим можно объяснить широкое привлечение русских слов Й. Заборским, В. Паулини-Тотом, Св. Гурбаном-Ваянским и другими словацкими писателями.

Множество русских слов проникает в словацкий язык в связи с переводами произведений русских писателей, публицистической и этнографической литературы: *balagan* ‘балаган’, *barin* ‘барин’, *bliny* ‘блины’, *burlak* ‘бурлак’, *červonec* ‘червонец’, *dača* ‘дача’, *dubinuška* ‘дубинушка’, *ikra* ‘икра’, *jamščík* ‘ямщик’, *kartuz* ‘картуз’, *kvas* ‘квас’, *korejka* ‘копейка’, *národník* ‘народник’, *peredvižník* ‘передвижник’, *prístav* ‘пристав’ (по-словацки *prístav* ‘пристань’), *samovar* ‘самовар’.

Неумеренное использование русских заимствований нанесло ущерб литературному словацкому языку и вызвало весьма обоснованную реакцию со стороны словацкого лингвиста С. Цамбеля. В ходе возникшей полемики с Цамбелем не согласились ни Св. Гурбан-Ваянский, ни Й. Шкультетый, стоявшие во главе тогдашней словацкой культуры, но количество русских заимствований в конце XIX века резко пошло на убыль.

Займствование русских слов в словацкий литературный язык в XIX и XX веках проходило в специфических условиях: носители обоих литературных языков не были непосредственными соседями в территориальном отношении, не входили они и в состав единого государства. Русские слова в указанное время проникали в словацкий язык из книг, прежде всего художественных, научной и публицистической литературы. Когда после установления социалистического строя в Чехословакии контакты между носителями обоих литературных языков возросли, словацкий литературный язык уже вполне сформировался. В этот период из русского языка были взяты лишь такие слова, которые отражают некоторые стороны социалистического общества, нового способа общественного производства, коммунистического мировоззрения и последних советских научных достижений.

В кругу русских слов, заимствованных словацким языком за истекшее столетие, можно выделить несколько групп.

Первую группу составляют русизмы конца XIX и начала XX века, которые за указанное время в словацком литературном языке перестали употребляться. Сюда относятся:

1) названия, обозначающие явления природы, названия мер, временных и пространственных отрезков: *strana* 'страна', *čtvrť* 'четверть', *srok* 'срок', *bezdna* 'бездна';

2) слова, связанные с познанием, умом, чувством, волей, сознанием, психикой, состоянием и действием человека: *obrazec* 'образец', *zadaca* 'задача', *zrelišťe* 'зрелище, представление', *točka* 'точка', *apogeja* 'апогей' и т. п.;

3) наименования, характеризующие человека на основе его занятий и других признаков: *pokrovitel'* 'покровитель', *ľubitel'* 'любитель', *kormilec* 'кормилец', *voľnodumec* 'вольнодумец' и т. п.

4) общественно-политическая лексика, связанная с администрацией, армией, религией и т. п.: *vlast'* 'власть', *hosudarstvo* 'государство', *medzicárstvo* 'междоцарствие' и т. п.

5) неизменяемые слова (наречия, модальные слова, частицы, предлоги, междометия): *interesno* 'интересно', *vperjod* 'вперед', *niet* 'нет'.

Ко второй группе относятся слова, которые в современном словацком литературном языке рассматриваются не как русизмы, а устаревшие, книжные, поэтические, редкие и т. п. элементы. Это:

1) названия, связанные с явлениями природы: *vesna* 'весна' (поэтическое), *výsota* 'высота' (поэтическое, устарелое), *struja* 'струя' (поэтическое, архаическое), *podrostok* 'подросток' (устарелое);

2) названия, характеризующие человека по его свойствам и качествам: *ľubinec* 'любимец' (книжное, устарелое), *bratec* 'братец' (поэтическое), *devica* 'девица' (поэтическое), *avanturista* 'авантюрист' (несколько архаичное), *vedma* 'ведьма' (устарелое), *hnet* 'гнет' (книжное), *polet* 'полет' (книжное), *hluš* 'глушь' (поэтическое), *prelest'* 'прелесть' (книжное), *dielo* 'дело' (устарелое), *svojstvo* 'свойство' (несколько устарелое), *korennú* 'коренной' (устарелое), *jutrennú* 'утренний' (поэтическое, устарелое), *puť* 'ныть' (поэтическое);

3) слова, связанные с жизненной обстановкой: *dvorec* 'дворец' (устарелое), *lampada* 'лампада' (книжное), *trapeza* 'трапеза' (книжное), *trúbka* 'трубка' (устарелое), *trojka* 'тройка (лошадей)';

4) общественно-политическая лексика типа *prestol* 'престол' (книжное), *dvoranin* 'дворянин' (устарелое), *gab* 'раб' (поэтическое);

5) неизменяемые слова (наречия, частицы, междометия): *pevno* 'нервно' (устарелое), *druh druha* 'друг друга' (книжное), *игга* 'ура' (устарелое).

Третья группа включает слова, рассматриваемые в качестве русизмов и в современном литературном языке:

1) названия явлений природы: *ruslo* 'русло', *vozduch* 'воздух' (книжное, устарелое);

2) наименование состояний, действий, ситуаций: *úhroza* 'угроза' (поэтическое, устарелое), *obstanovka* 'обстановка' (книжное, устарелое), *obajanie* 'обаяние' (книжное, устарелое), *blagodat'* 'благодать' (поэтическое, устарелое), *bušovat'* 'бушевать' (книжное), *ždat'* 'ждать' (книжное, устарелое);

3) общественно-политическая лексика: *ság* 'царь' (устарелое), *hosudar* 'государь' (книжное), *barin* 'барин', *znat'* 'знать' (устарелое), *činovník* 'чиновник' (книжное), *odrad* 'отряд', *skazka* 'сказка', *poslovica* 'пословица' (устарелое).

Четвертую группу составляют слова, которые по различным причинам уже не рассматриваются в качестве русизмов:

1) слова, означающие явления природы: vesmír буквально 'весь мир', 'космос', luh 'луг', lúč 'луч', buran 'буран', príboj 'прибой', fokus 'фокус';

2) наименования человека по его признакам: deduško 'дедушка', baťko 'батька', následník 'наследник', bujan 'буян', bolvan 'болван';

3) названия, связанные с познанием, психикой, состоянием, действием, качеством: čuvstvo 'чувство', rozkol 'раскол', prihovor 'приговор', kurz 'курс', lekcia 'лекция', idol 'идол', beseda 'беседа', besednica 'фельетон', chvastún 'хвастун' (неодобрительное), mätež 'мятеж', neha 'нега', údel 'удел', chrabrosť 'храбрость', tišina 'тишина', vodvorit'sa 'водвориться', sporit' 'спорить', rozl'úbit' sa 'разлюбить', prináležať 'принадлежать', pokorit' 'покорить', obodrit' 'ободрить', pohubit' 'погубить', napomínať 'напоминать', klonit' sa 'клониться', celovať 'целовать' (поэтическое), brodit' 'бродить', verný 'верный', slávný 'славный', rezký 'резкий', pokojný 'покойный', krutý 'крутой', krepký 'крепкий', čudsný 'чудесный', humanný 'гуманный', državný 'державный', veľkolepý 'великолепный':

4) общественно-политическая лексика: država 'держава', дума 'дума', učilište 'училище', kormidlo 'кормило', žurnál 'журнал';

5) неизменяемые слова: союз по 'но', частица prosto 'просто', наречие nástoјčivo 'настойчиво', предикатив nádobno 'надобно'.

К пятой группе относятся русские слова, связанные с новыми общественными явлениями, возникновением социалистического общества, нового способа производства и жизни вообще:

1) названия, связанные с государственным устройством и новыми учреждениями: Soviet 'совет', politbyro 'политбюро', partkom 'партком', ženoddiel 'женотдел';

2) слова, связанные с борьбой за новое социалистическое общество: krasnogvardejec 'красногвардеец', bielogvardejec 'белогвардеец', bol'sevik 'большевик', automatčik 'автоматчик', rozviedčik 'разведчик', rozviedka 'разведка', buržuj 'буржуй', komisár 'комиссар', kulák 'кулак', podryvník 'подрывник', zachvatčik 'захватчик', bronebojščik 'бронбойщик';

3) наименования, отражающие новые формы общественного производства: sovchoz 'совхоз', chozgasčot 'хозрасчет', zveno 'звено', калька päťročnica 'пятилетка', artel 'артель', stachanovec 'стахановец', mičurinec 'мичуринец', sobotnik 'субботник';

4) наименования, связанные с пролетарской идеологией, культурой и жизнью: proletkult 'пролеткульт', robkor 'рабкор', fyzkultúrnik 'физкультурник', pionier 'пионер', komsomolec 'комсомолец', agitprop 'агитпроп', кальки nástenné noviny 'стенная газета', bleskovka 'молния' (о газете);

5) лексика, отражающая новейшие достижения советской науки и техники: sputnik 'спутник', lunik 'лунник', lupochod 'луноход'.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что в досоциалистический период развития словацкой нации, когда лексика словацкого литературного языка еще не была в достаточной мере нормализована, из русского языка заимствовались преимущественно слова, связанные с различными областями жизни человека. При социализме, когда словацкий литературный язык завоевал прочные позиции, когда был нормализован его словарный состав, русские слова заимствуются главным образом из области лексики, отражающей формы общественного производства и надстроечные категории.

Профессор Н. А. КОНДРАШОВ
Москва

Доцент П. ОНДРУС
Братислава

Дорогие читатели!

*Не забудьте выписать журнал «Русская речь»
на 1972 год.*

*Подписная цена на год—3 руб. (за 6 номеров);
на полгода—1 руб. 50 коп. (за 3 номера).*

*Подписка на журнал принимается без ограничений.
Индекс 70788*

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

Словарь включает слова и формы слов, в произношении, ударении, образовании или употреблении которых чаще всего наблюдаются ошибки, колебания или разного рода затруднения.

Равноправные, одинаково употребительные в литературном языке варианты даются рядом и без помет, например: *далекó* и *далёко*; *докрасна́* и *до́красна* и т. п.

Допустимые, а также стилистически окрашенные или ограниченные по употреблению в пределах литературного языка слова и формы даются в круглых скобках и сопровождаются пометами:

доп. — допустимое во всех стилях речи;

устар. — устарелое или устаревающее, употребляемое в речи старшего поколения говорящих;

разг. — разговорное, употребляемое в современной обиходно-разговорной речи образованных людей;

проф. — профессиональное или специальное, традиционно употребляемое людьми той или иной профессии.

В круглых скобках даются рекомендации произношения, указываются значения близкозвучащих слов.

Ошибочные, отвергаемые современной литературной нормой варианты произношения, ударения и формообразования помещаются в квадратных скобках с отрицанием *не*.

В основу краткого словаря русского литературного произношения и ударения положены материалы словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959), «Краткого орфоэпического словаря» (приложение к словарю-справочнику «Правильность русской речи». Изд. 2-е. М., 1965), «Словаря ударений для работников радио и телевидения» (М., 1970) и «Орфографического словаря русского языка» (изд. 8-е. М., 1968).

От «Краткого словаря произношения и ударения», опубликованного ранее в журнале «Русская речь» (1967, № 2—6), настоящий словарь отличается значительно большим объемом и уточнением в ряде случаев нормативных рекомендаций.

Абордаж, *род.* -ажа [не -ажá]
абрёк (рэ)
абрикос, *род. множ.* -косов и
разг. -кос
абсентеизм (сэ, тэ)
авары, *род.* -аров и *доп.* -ар
августовский и *доп.* августов-
ский
автобус [не автобус]
автор, *мнж.* авторы, -ов.
агент [не агент]
агентство [не агентство]
агрессия (р'е)
агрессор (р'е)
агрономия [не агрономия]
адаптер (тэ)
адепты (дэ и *доп.* д'е)
адюльтер (тэ) [не адюльтер]
азимут [не азимут и не азп-
мут]
академик (д'е)
академия (д'е)
акварель (р'е)
аккордеон (д'е)
акселератор и акселератор
акушёр и *разг.* акушёр
акушёрка [не акушёрка]
акушёрство [не акушёрство]
алиби [не алиби и не алиби]
алкаты [не алкаты]
алкоголь [не алкоголь и не
алкоголь]
алё [не алоэ и не алоэ]
алфавит [не алфавит]
алфавитный [не алфавитный]
альтиметр (*проф.* альтиметр)
альтовый [не альтовый]
амбра [не амбра]
амбрé (рэ)
ампёр [не ампер], *род. множ.*
ампёр [не -ов]
амфора [не амфора]
аналог (*устар.* аналог)
анапест (*устар.* анапест)
анатом (*устар.* анатом)
ангажировать (*устар.* ангажи-
ровать)
английский (*устар.* англий-
ский)
аневризм, *муж.* и *аневризма,*
жен. (п'е)
анемия (п'е)
анероид (п'е)
анестезия (пэ, тэ)
антенна (тэ)

антитеза (тэ)
антрекот (р'е)
антрепренёр (трэ)
антресоли (тр'е)
антураж, *род.* -ажа
аншлюс [не аншлюс]
апартамент и *доп.* апартамент
апартейд (тэ)
авельсин, *род. множ.* -инов и
разг. -ин
апокриф (*устар.* апокриф)
апоплексический (*устар.* апо-
плексический)
апоплексия (*устар.* апоплек-
сия)
апострóf (*устар.* апостроф)
аранжировать (*устар.* аранжи-
ровать)
арба [не арба]
арбитраж, *род.* -ража [не
-ража]
арбуз [не арбуз]
арбузный [не арбузный]
аргумент [не аргумент]
ареометр (*устар.* ареометр)
арест [не арест]
аристократия (*устар.* аристо-
кратия)
артезианский (т'е)
артерия (тэ и *доп.* т'е)
артикул (тип изделия, товара)
артикул (ружейный прием)
асбест [не асбест]
асбестовый [не асбестовый]
асимметрия (*устар.* асиммет-
рия)
аскет [не аскет]
астения (стэ)
астероид (стэ)
астроном (*устар.* и *проф.*
астроном)
асфальтировать (*устар.* ас-
фальтировать)
атеизм (тэ) [не атеизм]
атеист (тэ)
атеистический (тэ)
ателье (тэ)
атеросклероз (тэ)
атлас (сборник географиче-
ских карт)
атлас (гладкая ткань)
атлет [не атлет и не атлет]
атлетика [не атлетика]
атомный (*устар.* и *проф.* атом-
ный)

аудиенция (диэ)
аутсайдер (дэр)
афазия [не афазія]
афёра [не афёра]
афинянин [не афинянин]
афинянка [не афинянка]
аэрoметр (устар. аэрoмётр)
аэропорт, род. -порта [не -портá]
аэросани, род. -саней [не -саней]

Багаж, род. -жа
багрить (вытаскивать багром)
багригь (окрашивать в багровый цвет)
багроветь [не багроветь]
багрянеть [не багрянеть]
багрянец [не багрянец]
багрянить [не багрянить]
базилика [не базилика]
бакан и бакен
баккара [не баккара]
бактерия (т'е и доп. тэ)
баллотировать (устар. баллотировать)
баллотироваться (устар. баллотироваться)
баловать [не баловать]
баловаться [не баловаться]
баловник [не баловник]
баловница [не баловница]
баловство [не баловство]
бальзамировать (устар. бальзамировать)
бандероль (д'е)
бантовый и бантовой [не бантовый]
баржа и баржа
бархатка (кусочек бархата)
бархотка (бархатная ленточка)
басовый (разг. басовой)
баттерфляй (тэ)
батуд, род. -да [не батут, -та]
батудист [не батудист]
бахча [не бахча]
бачки (бакенбарды) [не бачки]
башкиры, род. -ыр [не -иров]
башня, род. множ. башен [не башень]
бдеть [не бдить]
бедовать [не бедовать]
бедственный, кратк. ф. бедствен [не бедственен]

бездарь (устар. бездарь)
безе (зэ)
безжизненный, кратк. ф. безжизнен [не безжизненен]
безлистный и безлистый
безнадёжный (устар. безнадежный)
безнравственный, кратк. ф. безнравствен [не безнравственен]
безответственный, кратк. ф. безответствен [не безответственен]
безудержный (устар. безудержный)
безукоризненный, кратк. ф. безукоризнен [не безукоризненен]
безумолчный [не безумолчный]
безымянный и безыменный
безыскусственный, кратк. ф. безыскусствен [не безыскусственен]
бекон [не бекон] (б'е и доп. бэ)
беленный [не беленный]
белёый [не белёый]
бензопровод [не бензопровод]
бередить [не бередить]
берёста (доп. берестá)
берёт (б'е, р'е)
беркут [не беркут]
бескрайний и бескрайный
беспрепятственный [не беспрепятственный]
беспрецедентный [не беспрецедентный]
бесхребетный [не бесхребетный]
бесчувственный, кратк. ф. бесчувствен [не бесчувственен]
библиотека (устар. библиоте-ка)
бижутерия (тэ) [не бижутерия]
бильярд (устар. биллиард)
битум (проф. битум)
битумный (проф. битумный)
бла́го, множ. блага́, блага́м [не блага́, блага́м]
благоволить [не благоволять]
благоприобретённый (доп. благоприобретённый)

(Продолжение в следующем номере)

НАРОДНЫЕ

НАЗВАНИЯ РЫБ

(Продолжение)

Кефали (*Mugil*). Ряд близких видов. *Сингиль* (*Mugil auratus*). *Джуларá*, *кефáль*, *лáрич* (мелк.), *сангéль*, *сарманáк*, *сингýл*, *сингýл чуларá*, *шкребетýха* (мелк.) — Черное м.

Лобáн (*Mugil cephalus*). *Гáва*, *молдави*, *лобáн* (крупн.), *лобанчýк* (мелк.), *лобáч*, *чулáра* (мелк.) — Чёрное Азовское м.

Остронóсик (*Mugil labrosus*). *Гáва*, *гáлга*, *лáрич*, *лобáч*, *остронóсик*, *сингиль* — Черное м.

Остронóс (*Mugil saliens*). *Джуларá* (мелк.), *илáрия*, *карáсингиль*, *лáрич*, *остронóсик*, *чулара*, *шкребетýха* — Черное м.

Ряпушка. Основной вид — *Европейская ряпушка* (*Coregonus albula*). *Бегýн* (отнерестившиеся особи, вылавливаемые до заморозков), *кёрзовая ряпушка* (ряпушка, вылавливаемая в начале мая, сразу после вскрытия озера), *колосовица*, *колосовýха* (ряпушка, вылавливаемая в июне в период колошения ржи), *листопадка* (ряпушка, вылавливаемая в период листопада, в октябре), *листопадница* (молодь до 8,5 см),

межéнная ряпушка (ряпушка, вылавливаемая в середине лета) Онежское оз.: сев. часть *Мошкáрка* (мелк.) Ладожское оз., рр. Нева, Волхов. *Рýпукс* Волхов. *Рýпус* Ладожское оз., Волхов; Новг.: оз. Уклеино, Валдайское. *Рýпуса* Ладожское оз. *Ряпуга* Новг.: оз. Уклеино; Калинин.: оз. Все-луг, Стерж, Селнгер. *Ряпус* Ладожское оз. *Ряпуха* Волхов. Псковско-Чудское оз.; Калинин. *Сандáлка* КАССР: оз. Сандак. *Селява* Пск.: южные районы; Калинин. *Тяпуга*, *хег* (молодь до 8,5 см) Онежское оз.: мыс Петра и Павла. *Чужмóзерка* КАССР: Заонежье, Чужмозеро.

Переслáвская ряпушка (*Coregonus albula pereslavicus*). Подвид только из Переславского оз. *Переслáвская сельéдка*, *переслáвская сельдь*.

Водлозёрская ряпушка (*Coregonus albula vodlozeiticus*). Важный промысловый подвид из Водлозеро на востоке КАССР. *Анйска*, *ряпус*, *ряпуса*, *шйга*, *шйльница*.

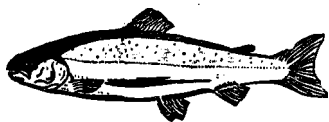
Онежский сиг (*Coregonus lavaretus lavaretoides*). Основной вид знаменитых сигов Карелии. Все названия на Онежском озере, ниже указаны только его части, районы: сев. (преимущественно Заонежье), вост., южн. *Бéлый сиг* (крупн., весом до 4—6 кг) сев. Заонежье, Повенецкое Онего. *Евдýшек*, *евдушка*, *ёлдуга* (мел.) вост., Вытегра. *Жировой сиг*, *закóрный сиг* (сиг весной), *зеленчáк-кормовый*, *зобáтый сиг*, *зобáч* (крупн.) сев. *Килéц*, *кормовой сиг* (сиг, поедающий икру ряпушки) южн. *Кóрюшник* (сиг, вылавливаемый весной) сев. *Круглый сиг* (сиг, подходящий к берегу весной и летом) южн. *Кряжéвой сиг* (сиг темного цвета весом до 1 кг, вылавливаемый с 25 ноября по

25 декабря) южн. *Липушник* (сиг, идущий к берегам вслед за корюшником), *листопадник*, *листопадный сиг* (сиг, вылавливаемый осенью), *местный сиг* сев. *Мордак*, *мошкалов*, *мошкарь*, *музак*, *музак вост.*, *мякотный сиг*, *низовой сиг*, *новинный сиг* (сиг, вылавливаемый с августа, когда начинают жать рожь), *носарь* сев., *паровой сиг*, *пясиг*, *пясижок*, вост., южн. *Песочник*, *песочный сиг* (сиг, вылавливаемый в августе на песках) сев., *песчанник* (то же) южн. *Речной сиг* (сиг, идущий на нерест в реку) сев. *Сборный сиг* (сиг, идущий к берегу на корм) южн. *Светлый сиг* вост. *Сиг-зобач* (весом до 3 кг) южн. *Сиг-корюшник* (сиг, поедающий корюшку) сев., вост. *Сиг-песочник*, *темно-коричневый сиг* южн. *Филак* (весом до 400 г) Вытегра. *Чёрный сиг* (сиг, идущий на нерест) сев. *Шальский сиг* вост. *Ямный сиг* сев.

Чудской сиг (*Coregonus lavaretus maraenoides*). Основной вид на Чудском оз. *Корюшник*, *марена*, *мордак* (самец), *паёк*, *салак* (мелк.), *салака*, *салачок*, *сиг*.

Лосось (*Salmo salar*). *Вальчэг* (самец после нереста) Белое м. *Верховушка* Арх.: р. Пинега. *Голка* (лосось, появившийся в р. Печоре 10—15 августа) р. Печора. *Гон* (самец после нереста) нижн. теч. р. Свири. *Гуж* верхн. теч. р. Печоры. *Закройка* (лосось, входящий в реки с начала июня), *залёдка* (лосось, входящий в реки сразу после вскрытия льда) Белое м., р. Печора. *Казак* р. Печора. *Карлук* Онежское оз. *Кирьяк* Арх. *Коба* Белое, Баренцево м. *Коповичок* Арх. *Корюшок* р. Печора. *Краснорыбца*, *краснуха* нижн. теч. Волги. *Ладак* Смол. *Летний берег Летняя* Белое м. *Летняя*

сёмга р. Печора. *Листопадка* Белое, Баренцево мм., Арх.: р. Пинега. *Лососка* Ильмень, Волхов, р. Сясь. *Лох* (самец во время нереста) Белое м., р. Печора. *Лох-земляничник* (лосось, который идет в период созревания земляники) р. Нарова. *Лаховина*, *лошала*

рыба, *лошала* *сёмга*, *лошбк* (самец во время нереста) Белое м., р. Печора. *Меженка* Арх.: р. Пинега; нижн. теч. р. Свири. *Межень*, *междка* Белое м. *Морянка* Арх.: р. Пинега. *Озимая сёмга*, *осень*, *осенняя*, *осенняя сёмга* Белое м. *Пан* Арх. *Пестрятка* Арх. *Побывалец* (лосось, вновь поднимающийся в реку с моря) Сев. Урал. *Покровский лох* р. Нарова. *Преображенская голка* (лосось, входящий в Печору около 6 августа) р. Печора. *Самжина* (крупн.) Урал. *Светлая рыба* Белое м. *Сёмга* как местное название преимущественно на Белом и Баренцевом морях и во всех бассейнах рек, впадающих в эти моря. *Семга-кемь* КАССР: р. Кемь. *Сёмга-порог* Арх.: р. Онега. *Синюшка* (молодь) р. Нева, Псковско-Чудское оз. *Талемка*, *Тальма* (молодь) верхн. теч. Печоры. *Тюда*, *тунда*, *тиндяк* (лосось, входящий в реки с середины июля до начала августа, мелк.) Белое и Баренцево мм. *Успенская голка* (лосось, входящий в Печору к 15 августа) р. Печора. *Успенский лох* р. Нарова. *Чистая сёмга* Арх.: р. Онега. *Яровая сёмга* Арх. (Продолжение в следующем номере)

Вас. БИРЮКОВ

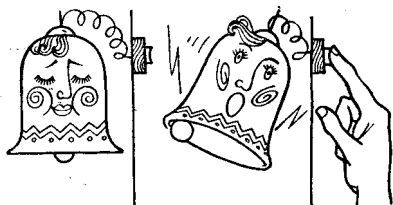

Рис. В. Толстоногова

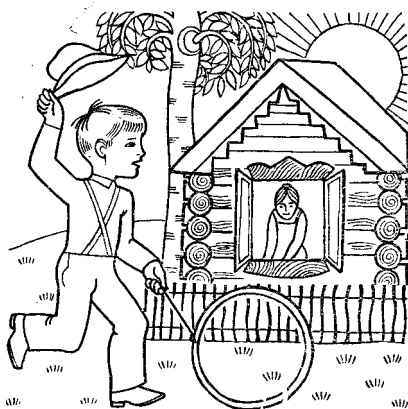
МУХОМОР

Хвалился он
Дразня опять:
— Меня не тронут.
Вас съедят!

ЗВОНОК

Свою
Ленью знаменит —
Не нажмут,
Не зазвенит.

С ПАНАМОЮ

— Опять ты ходишь
Без панамы! —
Кричит Олегу
Строго мама.
Олежек
Отвечает маме:
— С панамойю ...
Она в кармане.

ГРАМОТНЫЙ ПЕТЯ

Петя утром
Всем хвалился:
— Я писать
Сегодня научился.
— Прочитай,
 Что написать сумел.
— Читать я ...
Научиться не успел.

ЗАЯЦ

— Что дрожишь,
Как на морозе птичка?
Ответил заяц коротко:
— Привычка.

НАШЕЛ ВЫХОД

— Я говорила —
На крыльце сиди,
За ворота не выходи.
— Я не выходил, —
Сказал Егор, —
Я перелез через забор.

Почта „Русской речи“

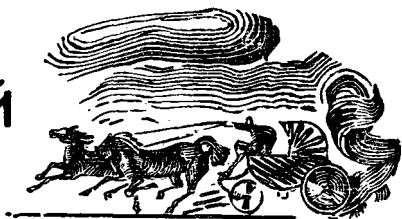
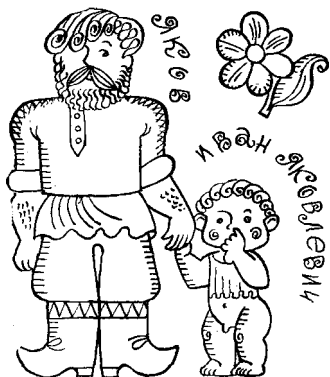

Рис. В. Толстого

Яковлевич —
сын Якова...

Л. И. Новожилову из Ленинграда интересуется: «Почему так странно образуется отчество от имени Яков — Яков-лев-ич? Как правильно образуется отчество от имени Пров?»

Слово Яковлевич имеет сложное морфологическое строение, оно содержит три суффикса: Яков-л-ев-ич. Суффикс *-ев-* (вариант *-ов*) означает принадлежность (отцов дом, царев сын) и широко используется при образовании русских фамилий: Волк-ов, Поп-ов, Медвед-ев, Никола-ев, Петр-ов, Алексе-ев, Матве-ев. Значение суффикса *-ич-* — «сын

такого-то». Будучи присоединенным к основе фамилии (реже — имени) этот суффикс и служит показателем отчества: Василь-ев-ич, Юрь-ев-ич, Андре-ев-ич, Иван-ов-ич, Григорь-ев-ич. Выделение в слове этих суффиксов не вызывает затруднений. Чтобы объяснить происхождение и значение суффикса *-л-*, придется обратиться к истории языка.

Древнее притяжательное прилагательное от имени Яков было Яковль. Оно образовалось от основы Яковс- с помощью суффикса *-j-*. Соседство звуков *в* и *j* послужило причиной возникновения *-л-* (так называемого *л* «вставочного»), как в слове *лов-л-ю* из *лов-и-ть*.

Эта форма рано вышла из употребления, но сохранилась до наших дней в некоторых названиях городов: Ярославль (Ярослав-ов город), Переяславль, Мирославль.

Итак, современный суффикс притяжательного прилагательного *-ов-* исторически наслаивается на древний суффикс *-ль-*, что и дало такую необычную форму отчества Яковлевич.

Отчество от имени Пров — Прович.

Г. Н. Склярёвская

В связи с...

— в этой связи...

Д. Е. Величко из Ленинграда спрашивает: «Подводя итоги каким-либо мыслям, фактам, и т. п., обычно употребляют следующий оборот: „В связи с этим представляется целесообразным...“. В последнее время чаще этот оборот принимает форму: „В этой связи представляется целесообразным...“ Убедительно прошу объяснить, равнозначны ли оба эти оборота».

Сочетание *в связи с* — сложный предлог довольно позднего образования. Он начал активно употребляться в русском языке в начале XX века.

Этот предлог выражает причинно-следственные отношения и отношения причинной связи. Он близок по значению к предлогам *вследствие* и *по случаю, по поводу*. Предлог *в связи с* в современном языке сочетается с разнообразным кругом глаголов, в том числе и с глаголами речи, мысли, состояния. Преимущественная сфера его употребления — официально-деловая, книжная речь, а также публицистика: «В связи со сложившимся тяжелым положением была создана комиссия»; «Это особенно тревожит нас в связи с предстоящим пуском конверторного комплекса» (примеры взяты из газет).

С местоимением *этот* образуется предложное сочетание *в связи с этим*, употребляемое для указания на тесную причинную связь с предшествующим высказыванием. Сочетание употребляется не только при подведении итогов: «Промышленность с каждым днем увеличивает выпуск машин для деревни. В связи с этим расширяется механизированная обработка посевов»; «Еще до того, как фельетон был написан, редакции стало известно, что виновным объявлены выговоры. В связи с этим фельетонист поставил вопрос: что есть выговор?».

В этой связи употребляется как средство перехода от одной мысли к другой или указания на тесную связь одной мысли с другой и имеет значение 'связывая со сказанным выше (ранее)'. Оно обычно сочетается с глаголами речи, мысли, состояния. *В этой связи* не имеет того оттенка официально-книжного стиля, который присущ сочетанию *в связи с этим*: «Он пишет, что одна вещь в Москве ему страшно понравилась — Парк культуры имени Горького... господствующая там непринужденность, даже люди! Он прибавляет в этой связи: „Именно людей мы и пришли посмотреть“»; «Многие предприятия еще допускают перерасходы сырья, материалов, топлива, электроэнергии. Серьезного внимания в этой связи заслуживает вопрос об определении норм расхода материалов».

В тех случаях, когда предложное сочетание *в связи с этим* связано с глаголами речи, мысли, состояния, оно может заменяться сочетанием *в этой связи*, но это изменяет стилистическую окраску текста. Сочетание *в связи с этим* свойственно официально-книжному стилю, а *в этой связи* не имеет такого оттенка, поэтому в сообщениях официально-делового характера оно выглядит как нечто чужеродное. В текстах, более непринужденных, оно вполне уместно.

Р. П. Рогожникова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), **И. Г. ДОБРОДЮМОВ**,
Л. М. ЛЕОНОВ, **А. И. ОВЧАРЕНКО**, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**, **Ю. С. СОРОКИН**,
Ф. П. ФИЛИН, **Н. Ю. ШВЕДОВА**

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*

Художник *Ю. И. Космынин*

Художественно-технический редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *Н. Н. Глаголсва*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/IV—1971 г. Т-09842. Подписано к печати 9/VI—1971 г.

Тираж 80.000 экз. Формат бумаги 84×108/32 Усл. печ. л. 8,4

Бум. л. 2,5 Уч.-изд. листов 9,8 Зак. 2140

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10